

АЛЕКСАНДР МИЛЬШТЕЙН
АНАЛОГОВЫЕ МАШИНЫ

АЛЕКСАНДР МИЛЬШТЕЙН

АЛЕКСАНДР МИЛЬШТЕЙН

АНАЛОГОВЫЕ МАШИНЫ

КАЯЛА

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

КАНАЛ

Александр МИЛЬШТЕЙН

АНАЛОГОВЫЕ МАШИНЫ

Роман

Каяла
2018

УДК 821.161.1(477)'06-31
А/з М60

Мильштейн А.

А/з М60 — Аналоговые машины. — Киев: «ФОП Ретівов Тетяна», 2018. 248 с. — (Серия «Современная литература. Поэзия, проза, публицистика»).

ISBN 978-617-7390-65-6

Действие романа «Аналоговые машины» происходит внутри пространственно-временной воронки, разворачивающейся от городка, который последние дни носит название Брежнев до полуострова, который через несколько дней переименуют в Остров Сталин. Младший научный сотрудник Вячеслав Сосновский покидает своё пропущено ложе, похожее на деревянный топчан, стоящий двумя ножками на берегу Чёрного моря и двумя — в НИИ 80-х, и с чемоданами, набитыми не совсем драгоценными камнями, успевает сесть на пассажирский поезд, который едет зигзагообразно, множество раз пересекая границу между Украиной и Россией, пока кривая не вывезет туда, где начнётся похожий на сон во сне триллер, действующими лицами которого станут вечно весёлые и спянные тайной инфернальные таможенники.

УДК 821.161.1(477)'06-31

© А. Мильштейн, 2018
© «Каяла» (Киев), 2018

Wunderblock

Предполагалось, что подписав этот договор, я на следующий день вылечу обратно в Харьков тем же транзитным рейсом через Москву, но я застрял в пункте назначения.

Причин тому было если не «целых две», как я объяснял по телефону Оле, то уж полторы — так точно. «Ну не подписывают, так и хрен с ними, возвращайся», — в первый же день сказал мне начальник. «Не могу, Геннадий Трофимович, — отвечал я, — самолёты не летают, из-за погодных условий. Кроме того, они же не сказали и “нет”...» «Ну тогда... Раз уж ты всё равно не можешь вылететь... Попробуй, может, возьмёшь их измором.»

Казалось бы — что хорошего? В Брежневе было холодно и всё время мело, отчего и была такая видимость, что самолёты не летали уже пятые сутки кряду.

Но я был рад снежному плену.

По крайней мере, поначалу: неожиданно застрять в городке, название которого, ненадолго появившись, вот-вот исчезнет со всех карт... Ну вот, что-то в этом было такое, что я никак не мог сформулировать, выбирая чересчур выпрєнный слог, морщась, вычёркивая высокопарности, а в то же время чувствуя, что слог «транс» здесь, к примеру, необходим.

Каждый день я при этом исправно появлялся на заводе, капал заказчикам на мозги, звонил по служебному телефону в Харьков, после чего спускался на несколько этажей и выпивал в заводской столовой стакан сметаны.

Но всё это вместе отнимало у меня не больше двух часов.

В остальное время я мог на совершенно законных основаниях сидеть в одноместном номере в тишине, обеспечиваемой не только стенами и пустотой гостиницы, но и падающим снегом, который был теперь как бы и не только законным... Нет, он не шёл ещё в номере, но был у меня и в глазах, и в ушах, как вата, и вот в этой полной, «сугробной», тишине сидеть и писать, то ли на снегу, то ли всё-таки в этой призрачной общей тетради с коричневой обложкой, похожей на полировку окружающей мебели... Да, я был полностью поглощён этим процессом непрерывного письма — это было впервые в моей жизни, до этого я черкал только какие-то обрывочные эпифании на клочках, что попадались мне под руку и сразу куда-то пропадали... И теперь я тоже подумал было, кстати, когда не увидел тетрадь, зайдя к себе в номер, что то ли её вообще никогда не было, то ли моя новая письменная принадлежность в свою очередь была поглощена обстановкой. «Растворилась в застывшем лаке действительности, нереальность которой, в сущности, и дана была мне здесь в ощущение...» — не преминул я записать шипящую пышную фразу, как только нашёл тетрадь, вспомнив, что в этот раз, уходя, положил её в ящик «стенки», а не оставил на столике.

В общем, что-то в этом было сновидческое. Да я и вправду, если не писал в тетрадь, то подолгу спал днём или мог часами смотреть в окно на снег или на четверостишие, начертанное на торце соседней пятиэтажки огромными белыми буквами:

НЕ КАЖДОМУ ДАНО
ТАК ЩЕДРО ЖИТЬ,
НА ПАМЯТЬ ЛЮДЯМ
ГОРОДА ДАРИТЬ.

Когда я впервые прочёл это в окне..., как-то оно аукнулось с песенкой Пугачёвой, звучавшей в пустом номере — пока я туда не вошёл и первым делом не выключил репродуктор. «Э-тот мир придуман не на-ами, э-тот мир придуман не мной...» Над следующим домом вывеска: «НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ», но не новая, новых ещё нет, официально Брежнев как город будет существовать ещё три недели,

а это ресторан, который всю жизнь так и назывался. «Возможно, этот городок был выбран кем-то для короткого, но “гордого присутствия на карте” только из-за созвучия: “на-бережные” — “брежнев”, — писал я в тетради, далее сравнивая погружающийся в снег Брежнев-бург, или -град с зимним видом из окна в своём харьковском микрорайоне, где была “...другая планировка — гораздо более плотная, здесь те же дома расставлены реже, и когда полчаса едешь на трамвае мимо забора градообразующего предприятия...”»

В последний день вдоль бесконечного забора меня вёз не трамвай, а начальственная волга. Шофёр главного инженера, неожиданно окликнув меня, когда я вышел из кабинета, предложил «подвезти». Куда — не спросил, но стал расспрашивать о Харькове, о харьковских девушках, о которых он что-то от кого-то слышал. Сказал, что у них в городе женщин намного больше чем мужчин. Предложил показать. «Татарки, глаза такие, да? Страшное дело! Женим тебя тут, да? — смеялся он. — Не хочешь тут остаться навсегда? Да ты не пугайся, мы просто так погуляем, тут такие хорошие есть, увидишь.» Я утвердительно кивнул, он резко прибавил скорость, и тут заглох мотор. Я открыл дверцу и пошёл, проваливаясь в сугробы, к трамвайной линии. За мной матерящийся шофёр, шафер, сутенёр...

Или просто жизнелюб, он хотел как лучше... Оглянувшись, я увидел, что водитель остановился и развёл руками, а его чёрная волга посреди всего этого снега похожа на затягивающуюся проружь. Я почувствовал, что мне нездоровится.

Волга, да, или уже Кама... Набережный Чёлн... Я хотел и это записать и открыл тетрадь, но полистав её для начала, заметил, что слово «путь» слишком часто встречается в моём тексте... Почти как «Брежнев»... И хотя в этом был свой резон — как-никак, это были путевые записки, я вспомнил в этот момент замечание Борхеса о том, что в Коране ни разу не встречается слово «верблюд».

Хотя я был в этом не уверен, да и что нам Коран... и все свои «пути» я всё равно не мог бы убрать — мой текст тогда стал бы слишком уж шербата-свистящим... Но что-то с этим надо было делать всё-таки, с этими «верблюдами»... Кажется (я не уверен), Х.Л.Б. вспоминал их к тому, что в книге о времени не должно ни разу встречаться слово «время». Так или иначе... Переписав один из «путей» для разнообра-

зия как бы в даосском духе — чем бы дитя ни тешилось... с большой буквы, я через минуту перечеркнул прописную, и снова написал строчную — ещё выше над ней, как вдруг: «Строчная над строчкой, бессрочная над строчной, срочная над...», — забормотал постоялец вслух, причём не медленно и голосом позднего генсека (как я это делал прежде чем зачеркнуть то или иное словосочетание, взвешивая его таким образом), а своим собственным и скороговоркой. После чего начался какой-то лавинообразный процесс — я перечеркнул, а местами плотно заштриховал ампулкой все слова и все буквы, написанные за эти дни, только маленькая «п» над одним из «путей» спаслась на птичке. Я неподвижно сидел, глядя в окно и машинально думая что-то вроде: «...строфа, которую я перенёс в тетрадь, а сейчас закрасил, осталась на здании — “Не каждому дано...””. Но её тоже скоро сотрут, или закрасят... Впрочем, Брежнев там прямо не назван — как “время” в правильной книжке, как “верблюд”, которому не нужно доказывать, что он не верблюд... поэтому могут не стереть и после переименования... Но я этого всё равно никогда не узнаю».

Я быстро собрал вещи, расплатился, получил квитанцию и сдал ключ. Позвонил из автомата в Харьков и сказал, что они будут думать ещё триста лет, заключать или не заключать этот договор, и поэтому я не вижу смысла в своём пребывании.

— Смотри сам, — сказал начальник. — Но ты ведь всё равно не можешь вылететь.

— Ничего, я пешком уйду.— Что с тобой? Ты таким злым никогда не был.— Я, кажется, заболел. Температура.— Ну, так отлежись.— В общем, я поехал, — сказал я. То ли хмыкнул, то ли кашлянул и повесил трубку.

Я поехал в железнодорожную кассу и попросил там билет «на сегодня».

На билете было написано: «Круглое Поле — Харьков».

— Что это такое — Круглое Поле? — спросил я у кассирши. — Там вокзал, — сказала она, — это рядом с городом, туда идёт трамвай.

До отхода поезда было ещё слишком много времени, чтобы ехать на какое-то сомнительное Круглое Поле.

Потому что круглый дурак. С пересадками, в общей сложности больше двух суток телепаться, вместо того чтобы спокойно подо-

ждать самолёт. Но надо куда-то деться до отхода поезда. Да куда угодно. Чтобы не замёрзнуть. Кинотеатр — идеально. Я даже не глянул на афишу, и когда кассирша спросила, на какой фильм я иду (там было несколько залов), я пожал плечами и сказал, чтобы она сама выбрала. «Казанова, — сказала она, — Феллини.»

Фильм уже начался. Мычали коровы. Я понял, что попал не в тот зал. Я начал было подниматься, но кто-то положил мне руку на плечо и сказал: «Оставайтесь, это хороший фильм». Я удивлённо посмотрел на человека с острой бородкой, в спортивной шапочке с помпончиком. Человечек здраво поблёскивал стёклами очков, и я ему не то чтобы поверил, но, удивлённый таким непосредственным обращением, остался. Между репликами актёров я узнал, что Валера, задержавший меня в этом зале, является представителем редкой профессии «любовнология». Возможно, даже единственным её представителем — по крайней мере, в этом городе.

— То есть вы — сексолог? — сказал я.

— Не то, — сказал Валера, — берите шире. Вот видите, я привёл сюда слушателей моих лекций. Этот фильм имеет второе дно. Постарайтесь его увидеть. Давайте вместе посмотрим.

Вскоре я понял, что смотреть этот фильм не так-то легко (какие-то там шли пошловатые колхозные юморини), и стал разглядывать лица зрителей. Почему-то все, кого я увидел, были в очках, я ещё в шутку подумал, что Валера мог им раздать специальные очки, какие выдают перед сеансом стереофильма, чтобы увидели глубину — ну да, «второе дно».

— Ну как вам? — спросил Валера, когда зажёгся свет.

Я, сощурившись, смотрел на любовнолога при свете. Лет тридцать. Врач, кандидат... Или он не говорил, что кандидат? Валера встал и объявил своим слушателям день и час следующего занятия. Из кинотеатра он вышел вместе со мной и начал отвечать на вопрос, который задал на самом деле кто-то из слушателей:

— Он любил её как частную собственность, а надо — по принципу бытия. Сейчас я вам всё объясню. Модус бытия...

— Моду бытия объяснить нельзя, — сказал я.

— Что-что? Ветер, не слышно!

— Я бы с удовольствием продолжил разговор, — прокричал я, — но боюсь опоздать на поезд.

Ветер не давал нам сдвинуться. Мы топтались на месте, пока любвиолог не предложил повернуть и пойти в другую сторону.

— У вас что, все дороги ведут к вокзалу?

— Да, — засмеялся Валера, — так тоже можно. Вы успеете. Ну, как вам у нас? Скажите честно своё впечатление.

— Ветер страшный.

— Да уж. Это ещё Пётр I заметил! Указ издал! Чтоб на земле этой людей не селили, зело ветры сильны дуют!

Подошёл трамвай. Я зашёл в него и встал у открытой двери на ступеньке. Любвиолог говорил что-то отчасти странное.

— Приезжайте, нам нужны такие люди, как вы, вы не представляете, сколько работы... Вам выходить через пять остановок. А потом наискось пойдёте... Да учтите, что вокзала как такового нет. В смысле здания, просто платформа в степи. Запомнили? Через пять остановок!

1. Аналоговые машины

Прямо с порога, да. Ну то есть снял ранец — не без помощи мамы, и она начала было помогать ему снимать пальто — как будто он не из школы сам пришёл, а из детского сада привели за ручку...

Славик недовольно проворчал «я сам», забрал руку и самостоятельно вынул её из рукава, после чего громко объявил: «А мы с мальчиками топтали газету с портретом Брежнева!».

Да так звонко выпалил, с такой гордостью... что не то чтобы разбудил этим криком теперешнего себя — он ведь не спал, нет, он пребывал в полуденном полусне... и это донесшееся до него «А мы топтали...!» — вызвало за собой из памяти ещё несколько картин: старая квартира, молодые родители... При этом Славик подумал вдруг о детстве с такой тоской, что ясно стало, как день: это не о детстве, а о всей жизни... Он открыл глаза, оглянулся по сторонам, взял из колоды, лежавшей на столе, перфокарту и стал испещрять с той стороны, где нет цифр, такими же мелкими, как циферки с другой стороны, буквами: «...вот уже три года я живу в окрестностях марта в сером здании над магазином “Весна”... пол подо мной уже явно горит... и нога всё время тихонько танцует... Со стороны, наверное, кажется, что всё пролетает мимо... со стороны не видно стихов, написанных на перфокартах... но дело даже не в них... дело в том, что пол подо мною горит... Я слышу в воздухе сладкий вкус дыма... а пол подо мной — потолок магазина... под названьем “Весна”...»

Спрятав карту в карман пиджака, он понял, что его снова тянет водоворотом в семидесятый... Как-будто «gerplay» включился — кнопку случайно нажали и воспроизведение зациклилось... Может быть, потому ещё, что он вчера нашёл в кладовке общую тетрадь в коричневой обложке, где была старая его попытка-непытка... прозы-непрозы..., предпринятая от нечего делать во время командировки в Набережные Челны.

В общем, что-то навеяло, и вот уже он снова сбрасывал там у себя в памяти ранец и объявлял во всеуслышание...

«И всё-таки странно, — подумал он, — в то время как я даже приблизительно не вспомню ни одного одноклассника..., я отчётливо вижу их стопы.

А лиц не вижу, не-а... и не помню совсем, как выглядел фасад школы — всё это стёрто.

И просто удивительно при этом, как хорошо я запомнил это топтание на одном месте, как будто мы тогда не газету топтали, а...» — говорил он себе, открывая папку с квартальным отчётом, или точнее с его отсутствием... Ну каким-то началом, которое было всё-таки положено. Славик вёл взглядом по точечным графикам асимптотических кривых.

«Может, ещё потому, — думал он, — что это был единственный случай, когда я испытал, как говорят в таких случаях, «приступ коллективной детской жестокости»... общего... локотка-коготка... в стае... Да-да, что-то мгновенно передалось по коллектору бессознательного — «ребятам о зверятах»... была такая передача, да... и ведь ни до, ни после я ничего подобного... А впрочем, всё это достаточно очевидно, чтобы теперь ещё и об этом так долго думать.»

«Лучше подумай вот о чём, — сказал он себе, — то, что я теперь не могу въехать в логику шагающего экскаватора... и, скорее всего, завалю этот отчёт... есть прямое следствие того, что в детстве... газета с генсеком была первым, что я поломал, ну или порвал, растоптал, да... Я же никогда — ни до, ни после — не рвал и не метал ничего, ни одной игрушки, мишки там, машинки... да и книжки — сколько себя помню, паровозик, отцовскую электробритву, как все нормальные дети... Нет же, ничегошеньки не распотрошил, не заглянул внутрь... и соответственно — не понял.

Ну не хотелось мне знать, что там «унутри», ну вот неинтересно было — как сейчас эти внутренности экскаватора... Вот и расплачивайся теперь.

Однако отчёт надо сдавать, сколь бы близким к нулю ни был твой интерес — включая и материальную заинтересованность... Начальник даже не смог выбить надбавки в связи со всей этой внезапной титанической экстра-деятельностью отдела... «Главное — это интересная работа, — сказал шеф, гордый тем, что на этот раз он сам добыл договор, — а деньги — это фигня. Разве не так?» — и он подмигнул всем со своей «фирменной улыбкой», и все... промолчали?.. Ну нет, кто-то за спиной Славика всё-таки тихонько промолвил: «Договор дороже денег...», — и кто-то: «Да уж... Ставка больше, чем жизнь».

Сейчас-сейчас я приступлю, сейчас, ещё секундочку... Ну да, «Правда» или «Известия» с большим портретом Брежнева в раздевалке на полу, как раз там, где были вешалки первого «А».

Это рассмешило кого-то... кто-то воскликнул: «Смотрите, Брежнев лежит!» — и захохотал, кто-то второй прокричал: «А давайте его топтать!» — и вот после этого, пошло-поехало...

Славик видел перед собой эти маленькие ноги на газетном пятачке, в лихой лезгинке-чечётке втаптывающие Брежнева в пол, толкались, каждому хотелось принять участие, смеялись и долго не могли остановить смех, когда газета была полностью растоптана, и разорвана — кто-то дорывал её клочки, измельчая их, руками.

Да, все испытали тогда какую-то особую эйфорию, безудержное веселье, чувство почвы при затаптывании... хотя бы и газеты — но где-то в прапамяти у всех включилось в тот момент что-то такое... Что на месте газеты вполне мог бы лежать, скажем, сам дорогой Леонид Ильич — если бы мальчишки были постарше... А на месте Ильича — в свою очередь — случайный прохожий, которому... ну не повезло, да.

Т. е., собственно говоря, кто угодно — жертва, добыча как таковая: «кто не спрятался, мы не виноваты...».

И вот этим Славик, видимо, и хвастался в тот момент: сообщая новость, он давал знать своим родителям, что хоть они его ничему такому не учили («Мы тебя этому не учили!»), а вот он всё равно это узнал.

Да-да, наверное, отсюда и взялась тогда эта гордость — прямо с порога, сбросив ранец, сообщить, что растоптали, порвали... А то, что это был именно Брежнев, не имело значения, ну подвернулся под руку, то бишь под ногу... Или?

Нет, неправда. Он бы не стал это с гордостью сообщать, ну что вы... Это никому не говорят, скрытное, древне-волчье, не говорят человеческим... родителям, нет-нет, и ведь даже в чьих-то криках... Славик теперь не помнил, чьих именно... Да он и вовсе не помнил лиц, имён — только маленькие безымянные босоножки, топчущие лицо Брежнева, деревянный пол школы... И снова перед его глазами шли графики, напечатанные АЦПУ, по которым «кровь из носа», как сказал шеф, нужно сделать до завтра хоть какие-то выводы о стабильности системы управления... шагающего экскаватора, чёрт бы его подрал, да.

Разве что уже во время перестройки, гласности и центробежного ускорения... и чем дальше от того момента, когда не газета под ногами, а единая льдина — раскололась, и каждый поплыл, стоя на своём фрагменте... Да, вот тогда, если разговор заходил о том глубоководном — застойном — времени, Славику вспоминалось «топтание» (не до занудности подробно конечно, как сейчас, а просто как «факт биографии»), и он тогда устало, как от мухи, отмахивался от чересчур рьяного собеседника: «Да какая там была, к чертям собачьим, идеология, коллега... Если мы в первом классе в семидесятом году...».

И вдруг Славик вспомнил, что было дальше: немая сцена в прихожей, но главное — взгляд отца, и вот от этого взгляда, брошенного на него из прошлого, из такой глубины памяти, что... Славик почувствовал необходимость встать и пройти по коридору, м. б., выкурить сигарету, стрельнув у кого-то в соседней комнате, хотя это могло обойтись ему в рубль — если начальник увидит... Они поспорили с шефом, когда Славик бросил... Но если на другом этаже, то и не увидит... Хотя шеф и туда заглядывает, он там часто бывает у конструкторов... Но если выйти из здания, точно рубль не придётся платить.

Но для начала Славик вернулся в комнату, снял пиджак и повесил на спинку стула. Старый проверенный метод — пиджак висит, значит и хозяин его на работе, где-то в здании, в курилке или зашёл

в другую комнату. Но теперь уходить сразу было бы как-то немного странно — заметно... Встретившись взглядом со старшей научной сотрудницей Клавдией Петровной, Славик пожал плечами и сказал: «Жарко». «Да? А мне наоборот, — сказала та. — Чайку надо выпить.»

В чайнике, очевидно, не было воды, или была на самом доньшке, и Клавдия Петровна хотела было попросить Славика — мужской туалет был на их этаже, а женский на следующем... но махнула рукой, улыбнулась: «Ладно, пройдусь». Славик кивнул и углубился в распечатки, а она вынула из помятого «неизвестными силами в ночи», как говорили в отделе, железного чайника кипятильник, положила его с негромким стуком на деревянное сиденье стула, на котором никто никогда не сидел, кроме этого, в буквальном смысле, а не переносном — чайника... который она взяла, стало быть, и, тихонько покачивая руку с ним, пошла по воду.

Славик подумал, что это и в самом деле уму непостижимо... кто мог так помять чайник — явно не в рабочее время, да хоть бы и в рабочее... Такое впечатление, что его носили в цех (во дворе их НИИ был настоящий цех со станками и всем необходимым для опытов над гидродвигателями и насосами оборудованием), и там кувалдой, что ли, или прессом... И вдруг у Славика мелькнула абсурдная мысль, почему-то показавшаяся, тем не менее, самой правдоподобной: Тихонов.

Тихонов, да, для каких-то своих опытов над железным сердцем, точнее, клапаном, который он изобрёл уже, наверно, сто лет назад, попутно помял их общий чайник... со свистком.

Тихонов был изобретателем со стажем, но в отделе занимался совсем другими вещами, т. е. не им изобретёнными, т. е. всё теми же, что и все — насосы, двигатели, системы управления — железо, никак не связанное с людьми, по крайней мере, внутренне...

Т. е. люди находились впоследствии внутри железа, ну или где-то рядом.

Вот, и, стало быть, только в нерабочее время... Хотя нет, иногда и в рабочее — когда ситуация позволяла... Тихонов продолжал работу над гидравлическим механизмом, который должен был быть помещён не снаружи, а внутри — человека. Ну такое у него было особое «хобби», с согласия начальства конечно, которое вот только

что не могло выбить деньги под этот проект, а так — пожалуйста, не мешало, то есть, осуществлять, параллельно с основными обязанностями и не в ущерб им.

Тихонов ни с кем почти не общался, отчасти потому, что вообще был не очень общительным человеком, отчасти же потому, что слишком дорого ему было его время, и если выдавалась минутка, он доставал из стола своё ноу-хау, шёл с ним в цех — или что-то там молча подкручивал-приверчивал прямо за письменным столом.

Железное сердце он хранил там же, в боковом — из которого вынул все выдвижные — ящичке, запирали его на ключ, и вообще был очень строгим, молчаливым, пунктуальным и не очень молодым уже человеком, так что такое только мне могло прийти в голову, — думал Славик, — что Тихонов мог искорёжить наш чайник... это ж надо до такого додуматься... это потому, что я сползаю в какую-то... прослойку между реальностью и... вообще уже неизвестно чем.

Славик оглянулся и увидел, что Тихонова в данный момент в комнате как раз и нет, но люди вообще-то есть, и не один... Помимо него в комнате оставалось ещё пять человек, или даже шесть, Славик не помнил, сколько в точности, и даже не в данный конкретный момент, а вообще там «прописано».

Во взгляде отца не было ни испуга, ни злости, нет, Славик увидел сейчас там скорее... что-то среднее между мягкой и слегка насмешливой улыбкой — «эх, ты...» — и тем, для чего было когда-то клише: «слегка поморщился, как от лёгкой зубной боли».

Отец перевёл взгляд на маму — маму Славика — и, может быть, тихонько пожал плечами, как бы спрашивая её: «А что ты об этом думаешь»... и снова посмотрел на сына с той же немного грустной и как бы слегка озадаченной улыбкой.

«А ты знаешь, что он воевал? — сказал отец. — Он фронтовик... И вообще говоря... не такой уж плохой человек.»

В последних словах Славик теперь не был бы уверен — в смысле, что отец их тогда произнёс, столько лет прошло... Но вполне вероятно, что запомнил он точно: ведь всё-таки ребёнок, с которым надо говорить всё-таки так, чтобы у него не было... Шутки шутками, но не было никаких проблем, да... время не сталинское, конечно, но всё-таки, всё-таки...

И вот из-за этого слова — «человек», которое Славик... был полностью уверен, что отец произнёс...

Славик был теперь уверен и в том, что отец произнёс и слова «не плохой».

Потому что это «человек» — было точно, оно ведь как-то его прико..., нет, оно его просто прОколело тогда, само это слово, да... Ну как-то стало сразу неудобно, весь пафос сообщения — «Мы топтали!» — как-то мгновенно выветрился, и Славик забыл всё это тогда же, в тот же день и в тот же час, да, просто забыл, и всё, не полностью, но на долгие года.

Очень долгие, потому что даже когда его послали в командировку в этот самый Брежнев, он ни разу не вспомнил растоптанную газету с портретом, притом что городу оставалось носить это имя ещё какие-то месяцы, если не дни, или там недели... и оно таким образом — название — было, что ли, акцентировано в сознании «жителей и гостей нашего города», да.

Славик вспомнил эпизод с газетой, только когда что-то в словах... или, может быть, даже просто... не то чтобы «мальчики кровавые»... просто огоньки, да, в глазах его какого-то собеседника — в отделе говорили «о политике» — в определённый момент показались на что-то ужасно похожими... И сейчас, подумав ещё немного, он решил, что слегка укоризненный взгляд отца был в тот момент вызван не «советской этикой», а скорее какой-то вневременной эстетикой, из-за которой, кстати, отец не стал вступать в партию, когда ему это настоятельно рекомендовали для его же блага, чтобы его можно было повысить до начальника отдела. Да и вообще, всю свою советскую жизнь (а постсоветская была совсем недолгой: инфаркт, и рана ещё совсем свежая — в душе Славика, заметим, что ещё и поэтому так неумолимо это присутствие отца во всех воспоминаниях, которые прошли перед ним 22-го марта 1989-го года) отец по вечерам после работы, лёжа на диване, вынимал из ящика, или точнее из ниши, которая была в продолговатом полированном ящике, параллельном диван-кроватьи — и туда, в этот ящик складывалась постель, и вот он брал из этой ниши подаренный ему сотрудниками на какой-то юбилей — на тридцатилетие, кажется, — приёмник «ВЭФ-202», похожий спереди на серебристую мелкую тёрку.

Половина панели «вэфа», была именно что — «тёрка», которая не трёт, но так, тихонько чувствуется, когда водишь по ней пальцем.

Славик водил тогда по ней пальчиком чисто машинально и запомнил навсегда это тактильное ощущение... «...И ещё она, эта тёрка приёмника... напоминает железную перфокарту, — подумал он сейчас, — хотя свет там, если и пробивался, то выше, а не там, где были дырочки...»

Поднимаясь вверх — по панели, перескакивая через маленький чёрный барьер, палец покидал «тёрку»... и как будто ступал на ровный лёд, скользил, да... Зато взгляд там различал, если было не совсем темно... или если было темно, но нажат был — указательным пальцем другой руки — никелированный пупырышек, включавший подсветку, — и вот там, на верхней части панели, как подо льдом — взгляд различал там тогда названия городов.

Да, там были и Харьков, и Таллинн, Киев, Ленинград, Москва... И где-то между ними — в их цепочку — затесалось почему-то название не города, а страны... правда, маленькой, но всё равно страны-страны, причём другой, совсем другой страны: «Люксембург» — там было написано, «тонкий намёк на толстые обстоятельства», как тогда говорили, нанесённый на стекло в качестве такой... тайной рекламы, что ли, коротких волн.

«Заядлый радиолобитель», как тогда говорили (вообще, не только о нём), Игорь Михайлович Сосновский, улёгшись на диван, стоявший в бетонной нише, брал чёрно-серебряный параллелепипед, стоявший в нише деревянного параллелепипеда... И вот там, как бы в глубине всей этой кубически-матрёшечной реальности, он поворачивал ручку громкости, которая одновременно была и выключателем.

Раздавался тихий щелчок, и после этого, как будто, приоткрывалась форточка во вьюжную ночь — так выл эфир застойного времени в диапазоне коротких волн, отражавшихся от ионосферы Земли...

Но отец Славика довольно быстро находил в этих завываниях что-нибудь членораздельное, вроде «Говорит “Голос Америки“ из Вашингтона...» или «...радиостанция “Свобода“». И вот однажды, когда они уже переехали на другую квартиру и Славик ходил там

в третий, если не в четвёртый, класс... Он, т. е. Славик... Славик-Славик, вдруг отодвинул стул, встал из-за стола и быстро подошёл к нише, где на диване лежал его усталый папа, слушая, как всегда, чей-то «Голос». Славик даже открыл уже рот, чтоб сказать: «Как ты можешь! Это же... Мы же советские лю...», но почему-то проглотил слова.

«Что, Славик?» — спросил отец, приглушая звук и наклоняя приёмник немного вперёд, как будто забрасывая удочку — антенна была тогда уже немного гнутой (и телескопическое сложение или выдвижение её было каждый раз не совсем быстрым делом)... «Да нет, ничего, — сказал Славик, — я так... Я сам решу эту задачу... Я вот сейчас понял, как...» — повернулся и пошёл к письменному столу — где, как казалось ему сейчас, он пребывает и поныне.

Ну потому что её вообще нет в природе, он её просто выдумал, это же ясно, да... вот до сих пор и решает — потому что нечего там решать — там Ничто... Ну, или окей, ионосфера, разве что ещё, да...

Хотя, впрочем, как раз сейчас... сейчас-сейчас, да... за спиной Славика... для начала диван, на котором лежит его отец, а потом и письменные столы его — Славика — всё ещё как бы сотрудников, один за другим превращаются в нечто другое... Что? А, whatever... «Откуда мы знаем, что стулья за нашей спиной не превращаются в кенгуру?» — эти слова, кажется, произнёс Расселл, — думает наш daydreamer. — Расселл, то Расселл... Но не тот, что придумал решающий усилитель для аналоговых машин, чёрт бы их все подрал вместе с этой их «скрипящей обувью»... Ну-ну, ещё одно решающее усилие...

Но всё же тут надо объяснить.

Хотя стоит ли? Всё равно мы не будем вдаваться в детали, Славик на работе в этом НИИ последний день, и вся эта «техника на грани фантастики» в наш рассказ попадает вообще-то постольку, поскольку... Можно сказать, что она стала своеобразной «катапультой», которая его оттуда и выбросила.

Но не будем забегать вперёд, да... И вот в двух словах, всё-таки, об этих машинах: Славик столкнулся с ними впервые довольно-таки рано, ещё в средней школе, ну у них была там своеобразная школа, одна такая в городе, продвинутая сразу и по части математики, и по магчасти...

У них там было такое застеклённое пространство, часть коридора, холл, да... где была такая лаборатория, в которой стояли аналоговые машины, АВМ, серийный номер такой-то, да, похожие на обычные осциллографы, зеленоватые столы там стояли, платы. На них школьники решали дифференциальные уравнения, даже не зная ещё толком, что это такое, да и вообще — что есть дифференциал, что есть производная, что есть предел... Но весь этот процесс — решения уравнения на АВМ — выглядел как раз по-детски просто: необходимо было соединить в определённой последовательности разноцветными проводками клеммы её элементов — всех этих «интеграторов» и «сумматоров», и всё собственно. Получалась электросхема, ток в которой и соответствовал искомому « X », и решение уравнения школьник видел тогда прямо на маленьком круглом экране в виде зелёных зигзагов, условно говоря, синусоиды.

Славику попалась задачка, которая называлась «скрипящая обувь». Ну потому, что его уравнение описывало так называемые «стоячие волны», а этот эффект — «со страшным скрипом сапоги...» — как раз и вызывался, как оказалось, «стоячими волнами» или «автоколебаниями» в системе. И преподаватель увлёк тогда Славику преамбулой, заодно за десять минут объяснив ему всё и про диффуры, по крайней мере с постоянными коэффициентами. Славик зажёгся от такого «ускорения процесса познания», да... Но потом он, «потыкав-повтыкав» несколько занятий кружка (два раза в неделю) проводками в клеммы, как-то быстро к этому охладел, да, зелёная волнистая линия на экране не возбуждала больше ни воображение, ни любопытство.

Ну, он плохо понимал на самом деле, что ещё можно ожидать от машины, производящей аналогии... И вот теперь, уже на работе, испытывал то же, по сути, недоумение.

Задача была на самом деле похожая, да, — только система больше и сложнее в сотни тысяч раз... Вот и всё, собственно. Да-да-да, это теперь уже на самом деле всё, что можно (хотя я и не уверен, что нужно было) рассказать о «скрипящей обуви» в его — Славику — «бэкграунде»... И больше мы не будем повторять «матчасть», нет-нет, вот только чтобы разве что плавно вернуться в образный мир нашего героя, чтобы не разрывалась производная функции, или просто для

красного словца, если угодно, скажем, что теперь в функции Славика входил расчёт уже «не обуви», но того, кто в ней шагал, — Славик таким образом пошёл на повышение. И вот, короче говоря, призрак этой вышагивающей махины заставил его сейчас вжать голову в плечи — отнюдь не фигурально выражаясь, теперь уже нет.

Славик, прикрыв рукой глаза и опустив веки, увидел... Взгляд его то есть выхватил в темноте, что есть — то есть рядом с ним — нечто из сухого серого дерева, и вот это что-то похожее в первый момент на кости, да..., на скелет какого-то низкорослого длинного существа... Но через секунду он понимает, что это просто деревянный топчан. То есть поперечные жерди и продольные доски, сбитые гвоздями, ржавые шляпки которых сейчас не видны, нет... а доски сухие и как бы морщинистые, окончательно Славик их распознаёт уже на ощупь.

Доски-доски... похожие скорее уже тогда на какие-то мощи, а не на кости... сухие доски... По ночам, впрочем, слегка вогкие — море в десяти шагах и влажность воздуха очень большая, да и брызги от волн долетают — во время штормов, во всяком случае, — даже не до топчанов, а аж за железнодорожную насыпь... Сейчас здесь полный штиль, но Славик, как-то проходя мимо с родителями, удивился листьям за изгородью того домика, что возле моста, — сплошь жёлтым, как будто в саду была уже осень в июне. В этот момент открылась калитка, вышел хозяин и, перехватив взгляд Славика, сказал, что листва пожелтела весной, не успев как следует распуститься.

«От морской воды», — сказал он. «Вы поливаете сад морской водой?» «Не мы, мичуринец! Море! Шторма наши осенние, а на этот раз и весенние, 7-бальные шторма — почти цунами... Знаешь, что такое цунами? Ну так вот, топчаны с пляжа все унесло прям в открытое море...» Славик хотел спросить, а что же тогда там стоит здесь сейчас... Но его больше интересовало: «И что же, ваш сад затопляют волны?» «Не совсем.. Хотя было и так, но то один раз, несколько лет назад — и автомобили тогда унесло в открытое море, не то что топчаны... Но каждую осень-весну, когда шторма идут, брызги от волн долетают до нас. Вы бы видели, дождь тогда такой хлещет тут прямо на нас, солёный, вот виноград в этом году весь и пропал...»

«Изабелла, — сказала мама Славика. — Виноград “Изабелла”, да?»

Славик наш... Он, что ли уснул? Да вроде нет... Хотя можно и так сказать, «уснул», почему бы и нет, чтобы не тратить лишних слов на описание тонкого слоя между... Да нет, какие там молот и наковальня — в цех, с тех пор, как он получил это техзадание, он ни разу не ходил, там нечего ему делать. И слой, в котором он сейчас застрял, был скорее... как бы между мороком и морокой — тонкий слой, да, в котором он сейчас колебался, и где было это эхо, стоячие волны, whatever.

Можно было бы сказать и совсем коротко, оправдывая появление тут этого «моря как морока»: «офисный планктон, что вы хотите...». Но только тогда ещё не было никакого такого «офисного планктона», давно ведь всё это было, да, «столько воды с тех пор утекло».

Короче говоря, кенгуру-некенгуру, но вместо столов коллег — точно так же, рядами — стоят теперь за спиной Славика топчаны, которые, по словам хозяина дома за мостом, унесли в открытое море огромные волны. Однако весной или осенью, вероятнее всего, их снова прибило к берегу, выбросило, сбило по новой, волны, молотки или что там... Или просто бред — вот это всё, что мы тут зачем-то стенографируем, попав в прошлое тысячелетие, так уж занесло нас, бывает.

Хотя вообще-то при дневном свете видно, что топчаны на самом деле сколачивали заново, так что пусть стоят, где стояли... Но откуда дневной свет? Здесь, однако, темно. Но, в общем, топчан, на котором лежит Игорь Михайлович Сосновский, стоит на берегу, а не, скажем... Т. е. мы, по крайней мере, уже точно не скажем, что он там плавает в открытом море, нет.

Это именно что «топчан», древняя береговая мебель. Были ещё «лежаки», а может и сейчас где-то есть, но нам тут больше пока не надо аллитераций, не лежат Сосновские, отец и сын, на лежаках, нет, и не топчется на топчане Славик (или всё-таки — я? Но почему, как что, сразу косою, а может быть — это вы, например... Я вот как раз подумал, а не писать ли всё это от второго лица, может быть, кстати, так было бы и лучше, как-то правильнее, да... Но как-то уж, чтобы не застрять ещё и в этом «выборе лица» — а это ведь будет надолго, я чувствую... Нет, текст и так очень вязкий... Нет, пусть будет как есть: «Славик», да. Вячеслав Игоревич Соснов-

ский, если угодно, мнс, да), как он это делал в раннем детстве, согреваясь после морского купания, пока мама не набрасывала на него махровое полотенце.

Лежаки дают в прокат, а потом сдают обратно, ночью их на пляже то есть нет. Ну разве что иногда, тут и там, валяются у кромки прибой, потому что некоторые ленятся их сдавать, залог им не нужен, «богачи», буркнул старый Сосновский, когда однажды поехал на юг, т. е. дед Славика Семён, да. Так что в плавание они наверняка пускаются чаще топчанов, лежаки, — их даже совсем лёгким прибоем выносит... Да, но чего здесь точно нет из мебели, так это столов. Столы эти — не серые, а желтые, но тоже стоеросовые, мелькнули на морском берегу только в первый миг и сразу исчезли. И вот же:

«Я Наташе пишу, что секрет чернокнижья —
делать то, что без умысла делают все.

Например, я глаза закрываю и вижу

не засиженный стол, а прибор в Туапсе...» — вспоминает отнюдь не спящий, несмотря на всю эту нашу и не нашу считалочку, наш с вами герой то есть, да. Вот эту вот строфу из «Спекторского», проборматывая тихонько, как бы чтобы... то есть самому понять, что с ним на самом-то деле сейчас, вообще говоря, происходит.

То есть здесь и теперь, да. Поиграем, как говорится, в такую игру — вы же не против? Представьте себе... Здесь ведь неплохо: Юг... Ну т. е. не совсем Туапсе, но где-то так близко, что можно даже сказать «горячо». Если бы не сумерки, причём поздние, и галька уже не раскалённая, а едва тёплая — Славик, опуская руку, касается гальки. Тепло, да.

Посёлок между Туапсе и Сочи, но не Сочи и не Туапсе... и не Лазурный берег, нет, не Люксембург, скорее всего — Лазаревское... Или Лоо... Во всяком случае — это «тепло».

Да, и прибора здесь нет. Здесь и сейчас то есть полный штиль. Несколько минут пляж ещё виден и нет ощущения, которое будет минут через пятнадцать-двадцать — что топчан это такой «маленький плот», свитый Лозой, да, т. е. что сразу за краем досок начинается даже не чёрное море, а открытый космос... Нет, пока что есть, по крайней мере, видимость того, что вокруг тварный мир, и дело тут

даже не в луне, часть гальки светлая, часть тёмная, плюс, точнее, минус все эти тени, да, которые отбрасывают крупные валуны, жерди топчанов, доски навесов... Да, и какой-то фонарь из-за спины, очнувшись на минуту, вырезал из чёрной комы желтоватый телесный угол... и светит теперь то есть, как та фара — лунохода, да... Или как тот конус, когда вас сканируют на УЗИ, — на выбор... Нет, всё же скорее как «инопланетный пейзаж», да, во всяком случае, то, что возникало в сознании Славика при этих словах до всех этих снимков НАСА... Нет, ну привет, приехали... Тогда уже были снимки, но не с таким же разрешением. В общем, похоже на поверхность какой-то далёкой, и даже не Земной, спутницы, да, пепельное такое свечение, маленькие кратеры... и свет ещё и как в планетарии, харьковском, который в бывшей синагоге, только снизу свечение, а не из-под купола. И вспоминается при этом главный, по сути, вопрос советского детства: а есть ли жизнь на других планетах? И как раз в этот момент, когда в голову приходит эта мысль, т. е. что на этой планете уж точно нет и не может быть никакой жизни, один из камней приходит в движение.

Это ёж, конечно, ну а кто ещё здесь может быть — в том здесь и сейчас, где Славик ходит вместе с отцом «дышать перед сном морским воздухом» (а мама ждёт их «дома», т. е. в комнатке, которую они снимают из года в год, заранее звонят хозяевам из Харькова, ещё в мае, ну да, от добра добра не ищут). Так вот здесь почему-то «море ежей», как они говорят, Сосновские то есть, приходя домой... Море — в смысле «много», «тьма». Т. е. ежи по ночам ходят на море в массовом порядке. Не купаться, нет, и не за «лунным загаром», как смеётся мама (не над ежами, а над мужем и сыном) из-за того, что они ходят к морю слушать музыку. Тогда как ежи, они просто так — бесшумно пошастать в темноте между ножками топчанов туда и сюда, и ближе к самому морю, может быть, поживиться крошками, которые днём посеяли там и сям пляжники. Что, ежи как-то странно выглядят на фоне моря? Это правда, да. Но они приятнее для взгляда, чем, скажем... нет, даже не крысы..., а если бы тут бегали, например, пусть даже чёрные, но с красными гребнями петухи, да.

А приём здесь отличный — эфир прямо-таки перенасыщен и напоминает на ощупь то, что нельзя пощупать, как и все математи-

ческие понятия — «полное пространство». Напоминает, конечно, тому Славiku, который это всё видит ретроспективно, на одном сеансе с вами-с-нами. А когда он там лежал мальчишкой, он ещё не знал определение, поэтому повторим всё же матчасть, последний раз, да: «пространство называется полным, если в каждой точке его существует предел», потому что волны моря не чинят волнам эфира никаких препятствий, ни длинным, ни средним, только «голоса» здесь не ловятся — «голоса из-за бугра». Хотя вроде и нет тут никакого бугра,.. только морской простор, и ничего святого — для советского человека, по крайней мере, но они всё равно не ловятся — потому, что в маленькой «Селге» нет коротких волн.

Славик видит сейчас разобранный приёмник, схему приёмника... и понимает, что это за аналогия, в каком-то «таёжном уголке сознания», но всё-таки понимает, да, что всё это воспоминание о «радио-днях», точнее, ночах, с отцом на него «нахлынуло» — воспоминания, они же могут запоздало... да, бывает, как те волны — на шпалы... Скорее всего потому, что система, которой он пользуется сейчас для анализа гидравлики переступающей с ноги на ногу машины, изначально была создана для расчёта электронных и радио-, а вовсе не гидравлических схем, да. Колебательные контуры, ёмкости-индукции, по которым течёт не жидкость, а ток, да, вот так, ток — течёт... А потом уже просто, поскольку уравнения аналогичные, систему их кто-то сообразил перевести на другой язык, т. е. вместо Максвелла и Ома — уравнения Навье-Стокса и Ньютона. И течёт там теперь вот именно жидкость, а не ток, т. е., по сути, программа, которой пользовался Славик, представляла собой гигантскую, ну как бы «оцифрованную», что ли, целиком, АВМ, да. Которую засунули... Нет, не туда, куда вы подумали (ну простите, это уже правда последнее, что можно сказать о матчасти, ещё две секунды, да), а просто внутрь ЭВМ, да, ЕЭС1036, и теперь её элементы Славик соединял — совсем как в детстве мы это делали, вы же помните, такой детский конструктор... Который он, в отличие от вас-нас, никогда не собирал (ну или разве что, решая задачку о «скрипящей обуви» в школе, он несколько наверстал упущенное, но всё равно не догнал вас, нет), и теперь делал то же самое, по сути, но не проводками, похожими на шнурки от ботинок, а операторами

языка программирования высокого уровня... Ну т. е. это блочная такая была программа, или, как сказали бы сейчас, «виртуальная аналоговая машина», как-то так, да.

Кто-то — ну то есть тот, кто её впервые применил, переписав немного коэффициенты, для расчёта не электрических схем, а вот именно гидравлики, защитил на этом деле докторскую, да? И было много публикаций, естественно, и шеф или его зам по фамилии Логановский, ну, где-то они вычитали, что ли, в каком-то «Вестнике машиностроения», после чего шеф как-то весь зажёгся, поехал на Волгу, выудил там это чудо природы, эту «систему-ниппель», по его словам, работающую «как детский конструктор». «Т. е. вообще сказка», — сказал шеф и вскоре подписал договор со Свердловским заводом, где делали шагающие экскаваторы, на «уникальное» в своём роде исследование.

Азартно потирал руки, считая, что теперь его отдел может создавать имитационные модели вообще чего угодно — вот весь шагающий экскаватор можно теперь засунуть прямо в ЭВМ, да-да — туда-туда, «в качель», целиком, не мелочиться, а там уже его испытывать в любых режимах и вдоль и поперёк... Ещё и пари заключил — шеф Славика, о да, это был тот ещё любитель заключать пари. Нет, не «сигарета — рубль», то было другое пари, а здесь Геннадий Трофимович поставил серьёзные деньги, ну, типа «коньяка» — на Славика, как на лошадку, да...

Ну т. е. на то, что Славик посчитает «всю эту петрушку» к марту-апрелю максимум...

«К мартобрю, бля», — подумал наш Славик-Славик, но вслух не произнёс, нет.

Ну вот, шеф с Логановским поспорили, а бедному мнс-у осталось — что?

Да вот только что пожать плечами, глянуть на начальников, как бы с лёгкой укоризной: «Геннадий Трофимович, вы меня переоцениваете...», — да и «разбить руки», как говорится... Ну, а что ему ещё оставалось делать.

Вот, а тут, в «подсознательном» героя, если угодно... В общем, где-то там имело место быть такое как бы... «обратное проектирование проектирования» (reverse engineering of engineering) — назад к

её истоку, т. е. к радиотехнике, ради расчёта которой она изначально и предназначалась, система эта, переделанная впоследствии для расчёта гидравлических схем. Ну мы уже всё это вроде бы объяснили, простите. Всё, это уже точно пошло не наше техзадание, да это задание вообще и не тех, и не этих... Это просто чья-то инерция мышления, да... а по сути — ничья, 0:0, да.

Так вот о радиотехнике, которая возникла здесь и сейчас, м. б., и правда потому что. Или точнее, это самое «здесь и сейчас» и это ночное пространство возникли из-за радиотехники.

В общем, доскажем тогда уже про «техническое оснащение»: насколько нам известно, сюда, т. е. на берег моря, отец Славика никогда не брал с собой ВЭФ-202. Во-первых, берёт, как и вообще все вещи в семье, жившей в инженерной бедности, или точнее, безбытности, не считая, во всяком случае, это бедностью: «машины у нас нет, но зато каждое лето мы месяц на море» и всё в таком духе.

Берёт (как и «выходные» туфли, костюмы — почти весь переживший хозяина гардероб), а кроме того, так много всего надо брать с собой в отпуск с семьёй, «дикарём», куда ещё ВЭФ тащить...

Хотя не такой уж он был тяжёлый, и пару раз Сосновский-старший, может быть и хотел прихватить ВЭФ втихую, но мама Славика это замечала и противилась категорически.

Игорь Михайлович, вздохнув, оставлял тогда ВЭФ дома и снова брал с собой походную «Селгу», которую носил на море через плечо на тоненьком ремешке.

Или Славик её носил так днём, подгоняя ремешок, а ночью отец, или точнее — вечером, уже отец, слушая «Селгу» на ходу. Хотя чаще на ходу они разговаривали, а придя на море, как правило, молчали, смотрели на звёзды — многие падали, метеориты, да, под ночную музыку, так точно... «Селга» почти всегда была в кожаном чехле с дырочками, напоминавшем Славика что-то военное — кобуру с португеей, которых он никогда не видел вживую, только в кино, но откуда-то знал, что пахнут они так, а не иначе... Когда «Селгу» «раздевали», чтобы поменять ей батарейки (хотя батарейки на море жили долго, подзаряжаясь днём от солнца), под чёрной толстой кожей оказывались удивительно ярко-красные бока, запах тёплой пластмассы, а спереди «Селга» была с золотистой, или

нет — бронзовой, и ещё более мелкой, чем серебристая у ВЭФа, — «тёркой», да. Она Славику внешне вообще нравилась больше, чем ВЭФ, может быть ещё и потому, что тот весь год тускло маячил из своей, будто на спецзаказ сделанной для него, будки... А может, и не будто — а что ещё там могло стоять, кроме приёмника? — для телевизора место было явно неудобным... Из своей ниши то есть, в полированном ящике при кровати... Тогда как «Селга» глаза не мозолила и голос не подавала, а тихо лежала весь год где-то глубоко в одном из отделений «стенки» в гостиной.

«А так вообще-то «ВЭФ, — думал Славик, — был, по-своему, можно сказать, стилин и не так уж угловат, да... как, скажем, «Океан», о котором мечтал отец, потому что тот был мощнее — звук, динамики побольше. Но даже не это было главное,.. какие-то там были совсем уже короткие волны, т. е. меньше шестнадцати — тринадцать, кажется, метров, да...

Или тринадцать были только у «иностранных моделей»?.. Смысл же был в том, что на этих волнах ещё легче ловились «голоса». А в «Селге» коротких не было вовсе — только длинные и средние, вот «голоса» и не ловились, хотя на море, знаете ли, иногда и рак свистнет, или там краб, вот и «Селга», посвистев-поверещав, начинала иногда там и вещать, да.

Наверно, на средних волнах тоже работали «голоса», хоть и редко, крайне редко. И Славик запомнил это только потому, что слегка поёжился тогда — ему показалось, что кто-то в темноте сидит и слушает, как они слушают антисоветчину... Он теперь был не уверен, что так оно и было, и не достаточно разбирался в радиоэлектронике, чтобы сказать, могла ли «Селга» поймать какую-нибудь там «немецкую волну», или что там могло быть тогда на Юге, да.

Хотя может быть, «голоса» всё-таки вещали тогда и на средних... и потом — на море приём... В следующий момент Славику — всё ещё сидевшему за столом, покрытым распечатками и белыми листами формата А4, а также перфокартами цвета беж — «рабочий хаос», на который всё это время он вот именно что закрывал глаза, — так вот, показалось сейчас, что один раз отец всё же ухитрился захватить в отпуск «ВЭФ», и это его он слушал в тот вечер, когда Славик тревожно вглядывался в темень, а вот отец был поразительно беспечен,

кстати, в этом смысле, да... Как будто шестидесятые, которые наш Славик — как бы и «дитя оттепели», но слишком уж малое оно тогда было, это дитя, и ничего не запомнило... и «шестидесятые» как бы провели какую-то такую грань, наклонную черту в отношении степеней свободы — отца и сына, да. И вот этот «сын служащих» сейчас в памяти ясно видел, как отец слушал «Голос Америки из Вашингтона» «в открытую», то есть прямо на причале, или, там — у волнореза, опершись спиной о тёплый бетон.

Даже ещё не стемнело как следует, вокруг есть люди, совершающие «вечерний моцион», как тогда говорили,.. а он с этим своим «ВЭФом» тут ловит чёрт знает что, как ни в чём не бывало, и антенка-удочка серебристо и нагло блестит, гнутая, — он же, Славик, её и согнул когда-то, нет, не из вредности, и не ломая, а просто случайно, упал... и беспечный рыбак простит, и начальник заставы, а как же... Славик был уверен то есть, что это ему сейчас не привиделось — «какой пример он подавал детям...»

Хотя в основном они с отцом слушали ночью у моря — музыку, а между песнями, или там «инструментальными композициями», из приёмника говорили совсем не запретные, хотя и непонятные голоса — на румынском, болгарском... албанском? Скорее уже тогда на турецком...

Хотя на турецкой волне отец долго не задерживался, ну так, немного восточной музыки, чтобы получше почувствовать себя не здесь и сейчас — минуту-две совсем чужой ночи, и хватит, да, всё это здорово, конечно, восток-исток, ислам-ориент, но слишком уж она чужая, эта музыка. И вот уже снова из приёмника льётся «Серенада солнечной долины», прилетая откуда-то из Румынии, наверно, а по дороге домой — когда они переходят через железнодорожные пути и неторопливо движутся сквозь чёрный тёплый посёлок — отец тихонько рассказывает Славике что-нибудь о героях джаза: Бенни Гудмен, Гленн Миллер, Диззи Гилеспи, какие-то сказки о них — мальчику на ночь, например... «Нет, — сказал себе Славик, вновь закрывая глаза, — о том, что Юрий Андропов — это Гленн Миллер, отец тогда не говорил, нет-нет... Это потом, где-то вычитав, и мы долго потом смеялись, но это потом-потом, много лет спустя. Тогда же, в семидесятых, Андропова вообще не было... ну или было что-то такое... белое пятно в темноте... и пятна выгоревшей травы

светлели среди ночного посёлка — когда мы шли сквозь ночь, и отец, молодой, в шортах, в клетчатой ковбойке... Ну какой Андропов...»

Нет, Славик смутно сейчас припоминал вроде бы... какие-то другие отцовские истории про автора «Серенады»: про ноты, которые тот якобы взял с собой в последний полёт; про экспедицию, которую фанаты, которых тогда ещё называли «энтузиастами», снаряжали на поиски самолёта, лежавшего где-то на дне Ламанша, — с единственной целью найти последние ноты Миллера...

Может быть, это была и правда. Хотя Славик никогда не понимал, т. е. даже в детстве, как это ноты могли не раствориться в морской воде, чернила растечься, т. е. вот именно не — растечься, да... даже если это были не чернила, а типографская краска, сама бумага ведь в соляном растворе. Но почему-то на мосту он не переспросил у отца, а сейчас понял, что есть у него ощущение... такое непроявленное, да... которое невозможно было бы не только ретушировать, но и проявить, наверное — сразу засветится, даже в тёмной комнате. Ну что отец как-то тогда проговаривался о том, куда уйдёт потом, т. е. когда станет невидимкой... При этом и музыка, и даже просто само это название — «Серенада солнечной долины» — у Славика прочно ассоциировалось ещё с детства не с солнечным, а вот именно с лунным светом, т. е. ещё до того, как он узнал про все значения музыкального термина: «Селенада», — говорил он совсем маленьким... Да, и вот туда, наверное, где ноты растворились, но это не мешает им звучать в космосе, нужно только включить маленькую «Селгу», посмотреть на рябь лунной дорожки, т. е. туда, где танцуют твист-шейк человечки в блестящих костюмах на чёрном фоне...

И тут он снова вспомнил тактильное ощущение кончика пальца, который скользит по железной панели ВЭФ-202 — по «тёрке». И подумал, что это теперь... нет, не перфокарта, нет-нет, это теперь... больше похоже на книгу для слепых, со шрифтом Брайля, найденную в памяти, в глубине всех этих ниш глубоко советского быта и бытия... Да-да, это с её помощью, только благодаря ей он сейчас и «считал» всё остальное, увидел так чётко все эти картинки — сны выключенного радиоприёмника.

«Если Андропова принимали за Глена Миллера... — подумал он, стараясь немного развеселить, что ли, себя, взбодрить, «поднять за

волосы», вытянуть, если не из болота, то всё-таки... из какой-то такой вязкой среды, в которой он явно тонул в последнее время, ну а что ему ещё оставалось делать, как тянуть — оттуда — себя — за волосы, ну да... — То отца скорее можно было бы за него принять — за Миллера, особенно на тех фотографиях, где он в этих круглых очках, которые я не застал — я ещё не родился, — думал Славик... Впрочем, что же... ты хочешь сказать, что отец похож на Андропова? Почему бы и нет... Да просто нет: не похож... здесь нет транзитивности... Да, здесь только транзисторы, — ведь так он и говорил, отец, шутя, когда его спрашивали, играет ли он на каком-нибудь инструменте: «На своём транзисторе.»

И тут Славик вспомнил, что перед всем перед этим... «А что это, собственно, было?» — подумал в то же время всё тот же Славик... Да-да, вот именно: «в то же самое время подумал», в числе «сакраментальных выражений» Геннадия Трофимовича — ещё минут пять это начальник Славика — было и такое: «У дурака в голове каждый момент только одна мысль, тогда как у умного две, как минимум». И вот, если уж многоопытный начальник — у которого Славик к тому моменту всё-таки проработал без пяти минут три года, — до последнего дня думал, что Славик не дурак (иначе не поставил бы на него коньяк), то и нам с вами простительно, знаете ли.

Т. е. если мы и заблуждались до сих пор относительно умственных способностей Славика, то, во всяком случае, не мы одни... Да, так вот. «А что это было?» — подумал Славик-Славик. «Ретроспектива во внутреннем планетарии» — написано на афише, на столбе... Нет, слишком выпренье... Ну, или просто — ретроспекция, интро «по волнам моей памяти», да, скорее так...». И перед всем этим провалом, скажем так, внутрь, проплывал ещё по поверхности этот портрет и Набережные Челны... човны-чоботы, маленькие ботинки... по волнам паркета, во всяком случае, или что там было, дощатый пол, тёмно-бордовый... или коричневый.

Славик попытался ещё раз увидеть раздевалку школы, но теперь уже безуспешно: сеанс закончился, занавес, господа-товарищи... Он убрал руку и открыл наконец глаза, которые прикрывал рукой, подпирая ею голову и одновременно используя её в качестве «козырька», заслоняясь таким образом и от сослуживцев, и от мартовского солнца, бывшего теперь напрямую в окна учреждения.

Славик Сосновский открыл глаза теперь уже надолго, да, и увидел — как будто в первый раз: листки с уравнениями и схемами, которые он, впрочем, сразу же снова поменял местами с распечатками ЭВМ, и вспомнил, что надо продолжать анализ... системы... управления... экскаватора, шагающего... в бездну.

Беда, как мы уже успели заметить, была в том, что Славик не сломал в детстве ни одной игрушки (намеренно) и совсем плохо поэтому понимал логику шагающего экскаватора, которая всё больше напоминала ему теперь хронику пикирующего бомбардировщика.

Ну а «железом» в их «аналитическом отделе» вслед за Геннадием Трофимовичем называли все объекты исследований без исключения... Большой частью, впрочем, и правда железные. «Он понимает железо», — говорили уважительно, нет, не о Славике, конечно, Просто это «понимать железо» с самого начала, с первого дня, как он туда пришёл, — эти слова действовали на Славика гипнотически — трансцендентно как-то, вот именно — трансцендирующе.

И вот он совсем не понимал это самое «железо», ну т. е. совсем...

Ну потому, что сложно понять шагающий экскаватор, согласитесь, если человек ни разу не разобрал другие игрушки, или, скажем так, утюг...

И оттого все эти бесчисленные части системы управления экскаватора вот да, они никак не складывались у него в голове в целое, в нечто такое, поведение чего он мог бы ну хотя бы более или менее осмысленно исследовать. Да что там исследовать — хотя бы сам для себя хоть как-то понять, да.

Т. е. по сути, эта его имитационная модель, которую он честно воссоздал-воссоединил, была чистой профанацией.

Хотя грань провести было бы трудно, между чистой и нечистой... Понять то есть, а зачем вообще всё это надо было конструкторам — эти имитации, например, постороннему наблюдателю было бы не так легко, да.

Но не будем утрировать, и потом «оно не мешало» им, с другой стороны, по крайней мере, отчёты конструкторов благодаря промежуточным анализам аналитиков выглядели красивее, современнее, всё как полагается, вот вам графики ЭВМ, вот распечатки, прилагаются...

Но у Славика была такая ситуация, что уже даже не «что хотим, то и получим на выходе», как это делали все остальные, во всяком случае, с некоторых пор.

С каких? Нет, больше никаких длиннот, длин волн, частот, нечистот... Вообще никаких технических деталей, как могли мы уже сказать, как эта система оборачивалась, то есть, в голове Славика — то так, то этак, какими флэшбеками, и почему... И будет с неё, как мы и обещали... И уже совершенно точно мы не хотим вспоминать технико-организационные вопросы этого отдела, ведь наш Славик прямо сейчас оттуда уйдёт, точно как в первом классе...

Хотя нет, не точно так... Так, да не так, да, тогда он ведь встал вдруг из-за парты — посреди урока — где-то на пятый или шестой день после первого звонка, сказал: «Вы мне все ужасно надоели», — и пошёл к двери.

И тогда его остановили, а сейчас — нет, кроме того, сейчас он вообще ничего не говорил при этом, а молча, по-английски то есть, встал и ушёл, да.

Через минуту, сейчас-сейчас... ещё что-то проносится в его голове в эти последние в его жизни «инженерные минуты» вслед за этим воспоминанием — о первом классе, — да, не таким чётким, кстати, как портрет Брежнева, но всё-таки.

Он вспомнил об этом впервые не так уж и давно, слушая группу «Чёрный кофе»: «Но для каждого из нас сердцу мил свободы час и порой не жалко жизни, чтоб хлебнуть ее хоть раз...», — пел терпкий голос, и это вызвало у Славика воспоминание скорее комическое — о попытке ухода из первого класса, и он пожал плечами и сказал своей подругке, что это ужасный китч, да, как она может такое слушать, ну что «Дип Пёрпл» — там хотя бы мы не понимаем всех слов... А сейчас вот он слышал внутри себя эту песню — голос Варшавского, и было совсем не смешно, и не казалось пародией. Хотя в какой-то момент по-своему комично, — думал он, — «если б листья знать могли, сколько лёту до земли, а потом лежать-валяться под ногами и в пыли, если б листья знать могли...» — наложились, естественно, в его сознании на ту же газету, с Брежневым, в раздевалке, в первом классе США номер...

Короче говоря, всей этой смеси профанации с имитацией — в неравных пропорциях и в неравной борьбе — Славик проиграл,

да. И сидел теперь с полностью парализованной волей, тогда как объект его «исследований» — шагающий экскаватор — стал уже превращаться в какой-то ходячий... нет, анекдот — это позже, это уже мы теперь-сейчас его превращаем в... а тогда — в замок, ходячий замок, конечно. Я знаю-знаю, что анимэ этого тогда ещё не было, но что-то такое похожее на рисунок Миядзаки в голове Славика уже промелькнуло тогда. Смейтесь-смейтесь, но Славика что-то такое и правда предстало в тот момент, впервые, можно сказать, в этом мире... Ну, то есть за это мы не поручимся своей головой, да и сам Миядзаки признавался потом про избушку на курьих ножках, всегда же что-то есть... курица, там, или яйцо... Но впервые — в его трудовой практике, Славика, — по крайней мере призрак «железа», которое он считал и так и не смог сосчитать — так что весь этот не-счётный теперь уже и в смысле теории множеств призрак «актуального континуума» на практике, скажем так, ожил, вздрогнул, одушевился, предстал перед своим исследователем как та избушка-избушка, стань ко мне... Попробуем что-то уточнить напоследок посреди этого весеннего паводка-делириума... в голове нашего парубка, да: «железо», произнесём мы вслед за Геннадием Трофимовичем, стало быть, так и не превратилось в объект, который Славик мог бы осознанно проверять на устойчивость, а, напротив, выглядело теперь уже если не идеальной моделью субъективности, то производной, во всяком случае, махрового... субъективного идеализма, да... Этаким субкультурный субъект субстанции, да, масло масляное для экономной экономики, прости, господи... принцип госплана... Но всё же это лучше, чем «континуум», если мы уже покидаем матчасть... И вот эта субстанция, эта избушка, если угодно, переминалась перед ним ещё некоторое время... Недолго, нет, мерцающая, превращаясь то в шагающий замок, то вновь в экскаватор, а при ближайшем рассмотрении... а можно ли быть ближе... Пока всё это вместе, короче говоря, и ходячий замок, и экскаватор, избушка, whatever, что-то похожее то есть на стрелу экскаватора, и в то же время... на те самые тощие, сухие руки с длинными когтями, которые поднялись из-за леса, затряслись и пропали... но не в лес, как те руки, да, — а рассыпалось всё, из ковша, из пригоршней, — прямо в голову Славика-Славика, после чего всё это там — в его голове — окончательно превратилось в свалку металлолома.

Да, всё железо в тридевятиом государстве, и гидронасосы в их грушечном цеху, и гидроцилиндры на заводе, и мятый чайник со свистком, и экскаватор за Уралом, и железное сердце, запертое на ключ в столе изобретателя... Ну т. е. вообще всё — «же-ле-зо»... Но нет, так это слово мог произносить только Геннадий Трофимович, не говоря уже о том значении, которое он в него вкладывал — а мы не смогли, нет... Славик наш только ещё раз попытался, закрыв глаза, сбежать от «железа» на Юг, но понял, что уже нельзя по-страусиному зарыть туда голову — там камни, галька, а не песок... и не спрятаться-не скрыться... «от меня тебе...» — пело в его голове «железо», да. И ни в какие такие, даже самые дальние уголки — памяти... т. е. ни туда, где лежит помятая, но ещё не полностью растоптанная газета с Леонидом Ильичём, ни в свёрток из неё же — татарский оригами, Брежнев-град, где и сейчас: мело-мело, ни туда, где «я Наташе пишу...» и где всегда море, тепло, где жив отец — где-то посреди Солнечной долины, залитой лунным светом... т. е. даже в самые заповедные виноградники как угодно изменённого, хоть под-, хоть над-, сознания — нельзя больше спрятаться, ни в погреб, ни завернуться в газету, нет... Потому что там сейчас что-то такое происходило: пространство сворачивалось, как чья-то кровь... Или как молоко, которое Тихонов пропускал через железное сердце?

Тихонов, да, придумал когда-то вот что: чтобы узнать, где там в его ноу-хау могут быть проблемы со свёртываемостью — крови, но где бы он её взял в таких количествах, эту кровь... Хотя это был бы хороший сюжет, ага, бледный и зимой, и летом Тихонов, берущий втихую кровь у сотрудников для своих экспериментов... Но мы уже покидаем это здание, да и в реале там было всё-таки так: Тихонов додумался пропускать через свой искусственный орган жидкость, аналогичную крови во всём, что касается сворачиваемости, а это — молоко, да, самая близкая к крови жидкость в этом отношении. И вот там, где у него взбивалась сметана, в тех закоулках, да, там, понял Тихонов, у него — узкое место, «хомут», говоря языком главного гидравлика Геннадия Трофимовича, Славик всё это вспомнил, глядя на то, как вокруг него сворачивается пространство, заполненное, может быть, и чёрным молоком, а не кровью, как ему показалось в первый миг. И он вспомнил другую

сказку — про лягушку,.. но не царевну, а ту, что взбила молоко в сметану в кувшине и выбралась наружу... Он машинально попробовал сделать то же самое — как бы упражнение «велосипедик», лёжа на топчане. Очнувшись от предутреннего холода, Славик ещё какой-то миг «между прошлым и будущим», впрочем, зачем тут были кавычки... ощущал себя, значит, лежащим на топчане — и это тоже он вспоминал, конечно, только это было более позднее воспоминание — о «недетской», в которой он тогда очнулся, на топчане, да, в просторной, потому что отцовской, китайской клетчатой рубашке, которую отец подарил со своего плеча — «бери, тебе же всё моё нравится», когда Славик вырос, потому что Славику эта пёстрая рубашка и вправду нравилась, ещё в детстве, когда он кутался в неё, как в халат... А может, он в ней и родился, но это мы ещё посмотрим — как сказка скажется, да... Пока что, приподнявшись на локте, наш рубаха-парень увидел, как, семена многочисленными ножками опор, заползает в море причал. Он не помнил точно, где был, с кем и сколько выпил — коньяка, или коньячного спирта, или что там бодяжили и продавали, не разливая по бутылкам, не заморачиваясь то есть, прямо в трёхлитровых банках, да.

И обуви у него теперь не было, он был бос, а рубашка снова превратилась в халат, и он в неё заворачивался — было холодно... Нет, ещё на нём были его первые джинсы — «Аризона», уже драные, но ещё без заплат, а белых кроссовок уже не было, их проглотила ночь. И вот эта прозрачная темнота, эта тёмно-серая субстанция вокруг искривлялась, сворачивалась, шла волнами, он увидел, что уже не только причал, но и топчаны выгибают спины и как бы роют гальку ножками — и это было как-то уже страшновато, да... И главное: там никого не было, кроме него, никого и ничего, кроме досок, которые все теперь подчинялись каким-то кошмарным силовым линиям, хотя топчан вроде бы стоял на суше, но всё равно — её уже заливали эти волны чёрного молока, или крови. Неважно, что это было, но там уже точно нельзя было оставаться, надо было действовать снаружи, для начала — выйти наружу, просто встать и выйти, как та лягушка, да.

2. Машинальные аналогии

Собственно, эта лягушачья лёгкость, с которой Славик в тот день выпрыгнул-таки «из института в весенний день» (старые друзья, т. е. те, кто его «лучше всего знали», ну, или думали, что знают... не могли потом поверить в этот его прыжок, просто не могли поверить — думали, что это шутка) была отчасти вызвана тем, что он и сам не был уверен, что этот сигнал «решающего усилителя» — «навсегда» — мелькнул под конец всех этих посетивших его в последний рабочий день видений не в качестве шутки. А так он ведь выходил в рабочее время из НИИ не раз, на час — на два, и внешне тут уже точно не было ничего особенного, пиджак, как и полагалось, висел на стуле в комнате, прикрывая, так сказать, с тыла, вот и вся нехитрая машинерия фокуса «собственного отсутствия» — скорее даже, «ради приличия» (своеобразного, да), чем из стремления и в самом деле кого-то обвести вокруг пальца... Да что мы тут заладили в самом деле, это было ведь не режимное какое-нибудь предприятие: Славик просто кивнул вахтёру, толкнул вертушку и вышел на улицу.

Где было не только солнечно, но и ветрено, и хотя на Славике был довольно-таки толстый вязаный свитер — в этом свитере и в пиджаке он последние несколько дней и ходил на работу... Но вот будучи без пиджака, он как-то вздрогнул всем телом под шерстяной кольчугой, дёрнулся, что ли, назад... и в то же самое время почувствовал, что просто уже физически не может вернуться в институт, нет, течения, хоть и воздушные, не пускают обратно к тому месту,

где прыгнул — как в воду... И он стал загребать было налево вдоль длинного серого здания туда, где была «музыкальная библиотека имени Станиславского», где были ноты, наверно, всех песен на свете, и, может быть, дальше и у нас тут была бы «просто песня», или, по крайней мере, «всё пошло как по нотам», но нот наш протагонист не знал — увы, уроки пения прошли даром, в младших классах, это же как английский — все учили, никто не знает... Когда-то знал то есть, в детстве, он как раз сейчас призадумался, остановившись — помнит ли он ещё эту грамоту, перед глазами возникли слегка сплюснутые кляксочки, птички на проводах, облака, соль-моль-бемоль... Славик вдруг что-то вспомнил — что мы, наверно, пропустили... остановился и уже как-то прям уверенно... ну да, он и выпрямился и — как по команде «кругом», повернулся и быстрым, строевым каким-то шагом прошёл в противоположную сторону.

Мимо подъезда своего института дальше — туда, где в самом конце, т. е. наполовину нереальном уже торце, ну, потому что — бесконечного — здания, похожего на железнодорожный состав, м. б., не так отчётливо, как эталон конструктивизма — Главпочтамт-Паровоз рядом с Южным вокзалом... Но всё-таки, с этим зданием у Славика была железнодорожная аналогия — он сравнивал здание с поездом в своих перфокарточных стихах, например, оставшихся наверху — в кармане пиджака.

И вот там — «в углу торца» — был, в общем, тогда ещё такой «магазин для новобрачных» под названием «Весна».

Это была та самая «Весна», кстати, что мелькала уже выше — курсивом, в строчках, которые остались на перфокарте, которая осталась в кармане пиджака, который остался прикрывать тылы его отсутствия, наверху, навсегда, как мы тоже уже говорили, и не раз, и осталось понять, стало быть, только, зашёл ли этот инженер-программист в магазин, чтобы купить себе, предположим, новый пиджак.

Скорее всего: да и нет. Славик вспомнил, что у него есть талон в этот самый магазин — для новобрачных, ну да, потому что он подал заявление.

При этом в намерения пары вовсе не входил брак, а заявление это они подали именно для того, чтобы получить талоны на покупку дефицитных товаров в магазине, где могли покупать только новобрачные.

Ну там продавались некоторые вещи, сопоставимые по степени дефицитности с ассортиментом «валютного» магазина «Берёзка»... То есть в начале эта идея вызвала у Славика ужас, который он — как он думал — тщательно прикрыл, как прикрывают зевок, самообладания хватило ему в этот раз, чтобы не подать виду, а через минуту он уже понял, что речь идёт не о браке, но лишь о том, чтобы воспользоваться заявлением в каких-то мелко-корыстных целях, и этот «тихий ужас» сменился ещё более тихим — спокойствием: Славик вздохнул — не шумно, а вообще, как бы про себя — так он, по крайней мере, подумал — облегчённо вздохнул и чуть было не сказал... Но осёкся, подумав, что если он это скажет (что ну, мол, «как-то это нечестно...»), то Оля может сделать второй ход: «Нечестно? Ну тогда давай распишемся на самом деле, чтобы всё было честно!», вместо этого он какое-то время ещё отшучивался, обзывая Олю «шмоточницей», но довольно-таки быстро сдался... Ну а почему бы и нет, «с-бственно», «если уж тебе так хочется...», и они пошли, значит, в этот самый Дворец Сочетаний, как-то даже неприлично красивый особняк в сером, если верить герою «Скучной истории», городе, весь окружённый колоннами, как взбитыми сливками, главный ЗАГС, архетип ЗАГСа, этакий застывший вальс Мендельсона, да, ну как вода, льющаяся под аркой чуть дальше к площади Тевелева и на другой стороне Сумской, как бы застыла в лист стекла — так же вот и архитектура в облике Дворца бракосочетаний была — как ей и полагается вообще-то быть — «застывшей музыкой».

Наши друзья там заполнили, или просто взяли какие-то пустые бланки, ну что-то и подписали — что они их взяли, наверно. Славик разглядывал стены чьего-то бывшего загородного дома, и они, эти своды, хоть они, конечно, и «не-заменят-никогда-свободы»... казались рождённому прыгать всю жизнь из одного бетонного куба в другой, настолько, скажем так, величественными, что на такие вот бюрократические мелочи, как формуляры-бланки-симулякры... он не обращал внимания, нет.

Ну что-то где-то он, кажется, подмахнул, не глядя, заявление, да.

Ничего страшного в этой процедуре, короче говоря, не было, а главное, что это вообще ничего не значило, никто же не заставлял их потом расписываться, мало ли кто с кем... подаёт заявление... и

сколько раз... Славик вот предполагал то есть, что Оля делает это уже, во всяком случае, не первый раз, да.

«Хотя, — осознавал он при этом, — в первый-то раз она думала, что идёт под венец, но... что-то там не сложилось.»

Оля не любила об этом вспоминать.

Аnyway, заявление со Славиком Оля, может быть, и в самом деле подала только из-за талонов — «чтобы приодеться», а там... глядишь и найдёшь себе партию поинтереснее, чем наш эмэнэс с окладом сто сорок руб.

А может, ей просто так легче было выговорить это «а давай подадим заявление», мы не сможем уже это уточнить стопроцентно.

Так вот, деньги: у Славика в кошельке, лежавшем, в отличие от перфокарты, всё-таки в кармане брюк, а не пиджака, был этот самый талон, да, его, что ли, «доля», небольшая, но всё-таки.

Но при этом у него не было денег, чтобы купить себе, скажем, новый пиджак. Или даже рубашку. Разве что запонки... Но запонки он уж точно не носил, нет.

Так что, просто погреться? Но он и замёрзнуть-то толком ещё не успел. Нет, скорее он зашёл туда вот именно только потому что... никогда там не был. Вот так просто — заглянуть в этот ларчик, да. Получив талоны, Оля стала посещать «Весну» довольно часто, но только без него — «ты мне только мешать там будешь», — ну она уже знала всё это, были уже попытки совместных походов в другие непродуктовые магазины, полностью непродуктивные то есть попытки, что универмаги, что нарождавшиеся тогда уже вещевые рынки — теперь она всюду там ходила одна или с подружками... И так же вот и в «Весну» — она покупала, что ей надо, плед там какой, скажем, или туфли, а больше просто «приглядывалась» к чему-то, сама там тихо разбиралась, спокойно копошилась там в этих тряпках, а потом уже встречала Славика после работы, у проходной, которая была в соседнем подъезде того же здания. Он же, работая прямо над «Весной», никогда там не был, ну вот вообще ни разу, правда, он писал, сидя прямо над магазином — их аналитический отдел располагался на втором этаже с этого крыла и с той стороны потолка, да... И он там писал, сидя на потолке как бы, свои уравнения или программы, чтобы проверить уравнения, топя иногда ножкой (в

порывах вдохновения — два-три раза, но не больше пяти-шести, и не отрывая пятку от пола, вот так: там-там...) в потолок «Весны», а потом он уже топал с толстой колодой в руках по лестнице вниз — но не в «Весну», нет, она была, хоть и внизу прямо под ними, но всё-таки вне института. Шёл же он на ВЦ — в полуподвальное помещение, где звучащий, как токарный станок, перфоратор, нет, не строгал его колоду, а превращал в инструкции, написанные на почти человеческом языке («языке высокого уровня», но тогда ещё человеческий тоже считался высоким уровнем, хе-хе... а «хакеров», кстати, произошедших как раз вот из этого «токарного» звука — «хек» — вводного устройства для перфокарт... вот их ещё и в природе не было, нет, только их «папа Карло»...) в маленькие дырочки, в нуль-стружку, «под ноль» стрижку... Нет, точнее, где дырочки — там были единички, ну, в общем, это были такие ноты, на которых играл свет, электрический свет... для механического пьяно, ну конечно... Или он писал стихи — Славик-Славик — на перфокартах, да, то есть как раз о том, как он сидит над магазином «Весна», и как всё пролетает мимо — ну, и так далее, и так далее, сладкий дым и всё такое прочее... Пока, значит, наш герой не выпустил себя из этого тлеющего картонного домика, как щегла, которого он в детстве выпускал из клетки... Каждую весну, как соловья — Китс, чтобы на следующий год, значит, родители купили ему того же самого, и снова он весной его, стало быть, отпустил на волю... Шутки шутками, а всё-таки он ведь выпорхнул — щеглом, да, из клетки, герой наш, Славик-Славик, а мог бы просидеть там весь роман, заранее-то нам ничего не было известно — так же, как и сейчас, что там дальше — «как раньше», или как раз наоборот... и не то чтобы первым же делом решил стать щеголем, нет, это уже так, от радости за него и заради красного словца, что ли... В общем, так или иначе, а решил начать новую жизнь герой-то наш с того, значит, что зашёл в магазин — может быть, это всё-таки было влияние Оли, Славик и не замечал, конечно, как она его потихонечку всё-таки воспитывала... Или, может быть, всё-таки просто решил заглянуть в ближайший участок «параллельного пространства»... Решил начать с сеной, ну да... со снятия кавычек... с ближайшего закоулка — смежного с пятым углом, в котором он просидел три года, ну как-то так, да. Как

в той притче — суфийской, или буддистской — о человеке, который живёт в доме с множеством комнат, но бывает только в одной, вот как-то так... о человеке то есть, да.

Ну, может быть, ещё и некоторое влияние БГ тут было, знаете, если уж мы вспомнили софизм-буддизм... БГ ведь тогда имел некоторое влияние... «на умы», так сказать... И вот, может быть, Славик поэтому (или, во всяком случае, — и поэтому тоже) вошёл в «Весну», «на грани которой» он и находился три года, — «и нога всё время тихонько танцует», — писал же он на перфокарте, и так оно всё и было, потому что в голове его звучал в то же самое время... нет, но чаще не БГ, а Хэнкок, Херби Хэнкок, конечно, Rock it — тогда же часто, включая просто телевизор «Электрон» или «Берёзку», можно было не только услышать это, но и увидеть клип, в цвете, да, где ноги манекенов ритмично поднимались под эту музыку — «бабушку техно», да, или это были протезы ног, но неважно, что это там шло в ногу с тем временем, нам важно, что под эту же примерно музыку танцевала нога Славика, пока он писал программы (в которых исследовал собственные колебания других систем — железных и нечеловеческих) на листках А4 или стихи на бежевых карточках без одного уголка, кстати, и когда она его покидала — эта тема «Rock it», — ему возвращал её в голову, музыкальную тему то есть, перфоратор, или устройство ввода, издававшее эти звуки — хек-хек, — компостировал ему заново мозги, да... Такие вот «танцы на грани “Весны”», короче говоря... Да, так возвращаясь к БГ: именно потому и начал Славик тогда его слушать — купил даже диск в магазине «Мелодия», — совсем недавно, незадолго то есть до «побега», расслышав, будучи с Олей в каких-то гостях: «... это только наши танцы на грани “Весны”...», и прежде чем зайти в магазин для новобрачных, он, возможно, что и слышал — уже у себя в голове... как там было дальше: «...сделай шаг, и вступишь в игру, в которой нет правил...»

Ну, т. е. если уже сбежал и от перфокарты (которая там, в кармане пиджака... мог, во всяком случае, подумать вдруг наш протагонист, уже стоя в магазине... вспомнив чужую для него программную среду, оболочку — рассказ Кобо Абэ, или роман... о том, как визитка заняла место своего хозяина... а тут перфокарта... но что там карта — он

сбежал и от пиджака, в котором ему было... предназначено судьбой... для нас с тобой... служба... дни и ночи... это же как в той загадке: «Как сразу понять по паспорту, что человек — инженер?» — ответ: «На трёх фотографиях — в 18, 25 и в 45 лет — он в одном и том же пиджаке», — да, вы не помните этот анекдот, я понимаю, поэтому он и был здесь рассказан. Потому что Славик его упомянет чуть позже, не воспроизводя так подробно, конечно, в этот же день, мы это уже увидели — вот сейчас, но не будем забегать вперёд, да. Шаг назад: в общем, он, по-видимому, решил, что это разумно — в рамках новой логики, и даже если там, куда он попал, выпрыгнув, можно сказать, лягушкой в форточку... уже нет вообще никакой логики — «игра, в которой нет правил», — всё-таки действовать так, как будто она здесь есть, «внутренняя логика», «другой ум», и вот так примерно, методом «минимального действия», или «малого параметра», если угодно... Славик решил начать с ближайшего — «сделать лишь шаг», или, как говорят, «копай, где стоишь», ну вот, и копнул... где сидел, бетон... в общем, переступил ту грань, за которую никогда не заступала его нога эти три года, т. е. всего-навсего за сравнительно тонкий слой бетона и чего там, линолеума, штукатурки...

Славик стоял пока что в «Весне» — в магазине «Весна», и молча и как-то, м. б., чересчур, по мнению продавщицы, сосредоточенно, а что делать... созерцал прилавки и то, что висело над ними, привиденческие платья из газовой ткани — но их-то понятно, что он пронзал взглядом на раз, на то они и газовые... Но продавщица чувствовала, что взгляд покупателя на этом не останавливается и проходит сквозь стену, как перед этим — сквозь потолок, в который покупатель, войдя в магазин, уставился и смотрел, минуту, две минуты...

А ему и правда привиделось там... перед ним в эти минуты пронеслась, скажем так, в режиме не реального времени, но перемотки — альтернативная версия его, Славика, жизни: брак — да-да, сказав «а» — с Олей, не гражданский, а настоящий... мирный или военный, это уж как получится, но — брак, супружество... а не только там талоны... свадьба, всё как полагается, во Дворце Сочетаний, Мендельсон и вечная весна-а-а-а... и сон под пледом, купленным в магазине «Весна», да... а потом ещё и ребёнок в дерматиновой коляске, и вот он уже начинает ходить — ребёнок-ребёнок, кажется,

девочка, произносит первое слово, и Славик прямо-таки видел уже этого ребёнка, но только без лица, сверху — девочка бежала, топала ножками, маленькая совсем, как во сне, — Славик видел пушистую пшеничную макушку...

— Кого я вижу! — услышал вдруг он.

Рядом с ним была смеющаяся, и не детская, а противная взрослая лысая голова с большим покатым высоким лбом и буйной, хотя и не допущенной до статуса «лопаты», чёрной бородищей.

Это был замначальника отдела Логановский, которого их «тётки» называли «Синей бородой», хотя борода была чёрной, как мы уже заметили, ну, с седыми кустиками по бокам... и бес в ребро, ну да... женщины отдела чуть ли не собирали экстренные женские совещания (тайные) с повесткой «что делать с Логановским» — он приставал буквально ко всем, и ладно бы поочередно, тянул на пресловутую дачу, где, по идее, должен был быть и сейчас, потому что официально он объявил вчера, что завтра «будет работать в библиотеке», а это означало уже точно — дача, вот только с кем, неизвестно... Ну с кем-то, конечно же, Логановский завлекал туда не только подчинённых ему — их было и не так-то много, женщин в их отделе, и вообще, иногда казалось, что это он с ними так, знаете, просто разминается, разыгрывается, ну, чтобы ни на минуту не терять форму... Хотя тут Славик скорее всего ошибался, и он ведь это недавно сам понял, когда смеялся в присутствии одной из сотрудниц над повадками «Синей бородой», а та вдруг стала серьёзной, рассердилась и сказала, что вот если бы Славик был женщиной, он бы так к этому не относился.

Из её реакции — из злых чуть ли даже не слёз, выступивших на её глазах, Славик понял, что Логановский её так изнасиловал, угрожая административными мерами — «в противном случае...», то есть там было что-то такое совсем некрасивое... Противно, да.

Короче говоря, Славик, не будучи женщиной, страха перед замом по научной части не испытывал, но где-то в глубине души, как и все, понимал, что с этим человеком лучше держать ухо востро. Геннадий Трофимович это знал, кажется, лучше всех — его ведь Логановский вообще-то вполне откровенно подсиживал, хотя опять же... Внешне-то всё выглядело благостно: шутили, хлопали друг

дружку по плечам, называли только по имени, в общем, старые добрые друзья, как со стороны поглядеть.

— Я на минутку за... — начал было оправдываться Славик, но Логановский широким жестом — сделавшим его в этот момент похожим ещё и на восточного человека... на этакого басмача, да, плюс эта его улыбочка... «Тот ещё тип», — подумал Славик, однако текст, который «Синяя борода» в этот момент произносил вслух, был совсем не зловещим, нет.

— Послушай, Сосновский, во-первых, я заинтересован в том, чтобы выиграть пари! — сказал Логановский, смеясь, и почему-то подмигнул продавщице. — Ты ещё не забыл про пари, нет? Ну вот. Это ж как на ипподроме... Знаешь такой афоризм: «Гениальная скаковая лошадь способствует созреванию убеждения, что ты — человек без свойств», — сказал и захохотал этот, с позволения сказать, зам по науке, — нет, ну ты понял? Ты, Сосновский, человек без свойств... Ну ты хоть знаешь, откуда это?

— Томас Манн, — хмуро сказал Славик. Все в отделе знали, что Логановский любит Манна. Но похоже, у этого человека на всё были «официальная» и «неофициальная» версии...

— Нет! — сказал Логановский, — это из другого автора, не скажу какого, вот завтра чтобы ты мне сам сказал, это тебе задание на дом... Шутки шутками, а тут, мне кажется, эта формулировка как раз по делу, ты ведь не добежишь до апреля? Что тут уже осталось, считанные дни... Я был прав, что принял ставку, ха-ха!

Славик не то чтобы испытал в этот момент всё-таки какой-то страх, нет, но что-то тревожное в этом было: в том, что Логановский говорит такие слова, как будто знает о намерении Славика не возвращаться... на рабочее место... и Славик неожиданно для себя взглянул этому бармалею прямо в глаза... Да, как-то нагло, совсем не так, как смотрит подчинённый начальнику в глаза, а вообще как... неизвестно, кто даже, просто отщепенец, парвеню, тунеядец, фланёр, божевильный бомж... короче говоря, кто угодно, но только не молодой приличный итээровец... И что странно: он там увидел, в этих пиратских глазах Логановского... не просто понимание, но понимание того, что собеседник перешёл на другой уровень, квантовый, если хотите, как угодно — но другой, да... и — последовал

туда же, опережая на шаг, как бы давая понять, что он-то там как раз как дома, мол, ждали-с, добро пожаловать и милости просим... Нет, трудно было так просто объяснить словами всё, что промелькнуло тогда в этих глазах, всё, что и без слов как-то стало ясно им обоим в ту минуту... Но то, что это всё происходило без слов, сыграло определённую роль: эта случайная встреча не сыграла той роли, которую могла бы — если бы Славик сказал о своём решении Логановскому словами вслух, вот тогда и всё дальнейшее могло бы развиваться иначе... Как — он не знал, даже и потом, конечно, много лет спустя, но как-то вот иначе и совсем по-другому. Самая простая версия: он бы вернулся в отдел, но уже завербованный Логановским, формировавшим лобби для свержения Геннадия Трофимовича, а может быть, открылось бы тогда, что Логановский (как многим смутно казалось, кстати, но все отгоняли от себя эти мысли, не высказывали их не только вслух и друг другу, но даже и про себя до конца то есть не додумывая, отмахиваясь от них, как от дешёвых фантазий) — таки да, является чем-то вроде крёстного отца какой-то такой «мандариновой мафии», вот и предложил бы Славiku место в её рядах — ну и так далее, фантазировать можно долго, что бы там могло быть, если бы он тогда вдруг разоткровенничался с Логановским, но он этого не сделал, нет.

После небольшой немой сцены — Славик, кажется, моргнув первым — Логановский, слегка пригнув голову и, этак шутливо-заговорщически, сказал:

— Анекдотец хочешь? Совсем свежий, — и он потёр руки, хотя этот жест был характерен больше для Геннадия Трофимовича, — машинально отметил про себя Славик и молча кивнул.

— Встречаются два бывших школьных приятеля, и один говорит: «Ну, ты как поживаешь, где работаешь?» — «Я завбазой, овощной...» — «О как? И сколько ж ты там получаешь?» — «Да сколько заработаю... смотря какой месяц... Тысячи две, как минимум... Но бывает, что и четыре». — «Ничего себе... Вот это да... А... работать много приходится?» — «Ну что ж, кручусь... Круглые сутки, по сути... Ну а ты-то как?» — «В институте, инженер». — «Зарплата?» — «Сто пятьдесят». — «А работы много?» — «Не-а! Вообще ничего не делаю! Так что, как говорится: так на так!» После

чего первый подумал немного, почесал репу, что-то как бы взвесил и говорит: «Нет, дружище, ты знаешь, на эти деньги надо... немножко вредить», — и Логановский громко засмеялся, хлопнул Славика по плечу, а потом повернул голову к продавщице и сказал:

— Галя, я вижу, что ещё нет того, что мне нужно?

— Нет, Александр Иванович, не привезли ещё...

— Ну, я зайду на той неделе, не страшно, — сказал Логановский и повернулся к Славiku: — Ну как анекдотец, надеюсь, ты его ещё не слышал?

— Нет, — сказал Славик, — не слышал. Хотя что-то похожее было у Райкина.

— У Райкина? Что-то я не припомню, странно... что ты имеешь в виду? Ты-то хоть его застал на сцене?

— Я в детстве видел по телеку, такая была миниатюра, где он лежал на кровати и рассуждал о той пользе, которую принёс обществу тем, что не пошёл на работу. Там ещё...

— Помню-помню, — сказал Логановский недовольно, — но это всё же совсем другое. Впрочем, неважно... Ты-то что здесь делаешь, никак жениться собрался?

— Да нет, — сказал Славик, — я просто присматриваю себе пиджак.

— Пиджак? — почему-то удивился Логановский.

— Пиджак, — кивнул Славик, — знаете, в другом анекдоте про инженера и фотографию в паспорте...

— Конечно, знаю, — сказал Логановский, — но у тебя вроде есть один?

— Вот именно, — сказал Славик, — один. Я решил, как бы сказать... преодолеть кармическое тяготение...

— Ладно, — вдруг жёстко сказал Логановский, — встретимся на рабочем месте. И помни: у тебя совсем немного времени осталось. Насчёт пари: я шутил, конечно, думаю, это не надо тебе объяснять, — что я заинтересован в твоей победе гораздо больше, чем в коньяке. Так что давай, брат, посрами дьявола. Эх, дал бы я тебе такое прозвище — «Пиджаку», у меня, знаешь, рука лёгкая: как назову, так и поплывёт, как в народе у нас говорят, «погремуха»... Но есть у меня уже такой знакомый, Пиджаком все зовут, ага... так что не бойсь. Всё, до встречи, — сказал он и быстро — как бы опасаясь, чтобы Славик не пошёл вместе с ним...

«А впрочем, он всегда так ходит, — подумал Славик, — показательно быстро... взбегают по лестницам без лифта, “взметается”, демонстративно, мол, “не стареют ветераны”, под пятьдесят, ну да, хорохорится Синяя Борода... интересно, он-то знает своё погонялово...»

Славик, почувствовав на себе взгляд, обернулся и встретился глазами с продавщицей.

— А я вашу невесту знаю! — сказала она, улыбаясь.

— Как это? — сказал Славик. — У меня и невесты-то пока ещё нет... А вы уже её знаете. А может быть, это вы? Вы думаете, вы себя хорошо знаете? Я вот, например, как оказалось, себя не знал...

— Ну! — засмеялась она и замахала рукой. — Прекрати сейчас же, а то я ей всё расскажу!

Славик ошеломлённо посмотрел на круглолицую добродушную девушку и вдруг сложил два и два: ну конечно, Оля ей рассказала, как бы оправдывая своё долгое пребывание в этом магазине, что жених её сидит в соседнем подъезде... так сказать, «жених нэкт дор», «бройтигам»... и что она его ждёт с работы — вот и рассматривает, пока суд да дело, товары... народного потребления, ага... А уже из их разговора с Логановским продавщица поняла, естественно, что он и есть из этого самого соседнего... а что «жених», так даже если Оля так ей и сказала, ну это простительно, это естественно, это же магазин такой специальный, не будешь же ты тут говорить, что подал заявление только для того, чтобы попасть в магазин... Нет, и Славик тоже ничего такого говорить не стал, конечно... Он попытался «изобразить улыбку» и сказал:

— Вот так заходишь туда, где нога твоя никогда не ступала, — он посмотрел на потолок и продолжил, — то есть совершенно, казалось бы, для тебя терра инкогнита, первая пядь её... а там уже всё про тебя знают!.. Правда же, это удивительно?

— Бывает, — улыбнулась продавщица, — заходите и вы к нам... вам же тоже нужно к свадьбе готовиться, костюм невеста вам глазно не купит — примерять надо!

— Это точно, — сказал Славик, — ну вот... как видите, я и зашёл.

— Так, а примерять?

— В следующий раз. Вы же видели, шеф меня засёк... надо возвращаться на рабочее место.

Микроскопическая ложь не то чтобы предопределила его дальнейший маршрут, но как там, в сказке, направо пойдёшь, налево пойдёшь... Впрочем, сказка — ложь, но эта ложь всё-таки задала направление: выйдя из магазина, он пошёл налево, а не направо, хотя смутно перед этим собирался пойти именно что направо — спуститься на Клочковскую — его тянуло туда, в ущелье этой улицы, где за трамвайной линией стояли частные дома и тенистые деревья... Славик был там когда-то однажды, в одном таком дворике, с прохладой, яблонями и колодцем, наверно, осенью, потому что яблоки лежали там повсюду, белый налив на чёрной земле... Но так как это всё теперь было на уровне, как бы сказать, бреда, так как на самом деле ему абсолютно нечего там было искать-ловить, да и вообще делать — на Клочковской... то он, повинувшись микро- но всё-таки какому-то постороннему импульсу (раз уж сказал, что возвращается в институт, то надо хотя бы сделать вид, что он туда и направляется... зачем и перед кем — вид? Неважно, перед «свидетельницей», например... их «брака», причём единственной... Хотя и ей это было сквозь дверь не видно, да и вообще до лампочки... Но он всё-таки пошёл налево, а не направо.

В общем, так или иначе, «Весна» осталась уже точно так же позади, как и несколько НИИ, сросшиеся воедино, застывшая музыка науки и техники, бабушка техно, и Хэнкок, «хек», перфокарта, нога в чёрном ботинке, которая... танцует там и по сей день, наверно.

Наверняка, да, уже без него, и ещё не забыть пиджак, который там висит на спинке и машет рукавами — без него, да-да, и качающий ковшом экс... Стоп, нет, это — нет... шагающий экс-Славик разве что... А с экскаватором не так просто, как со всем остальным... Не забегая вперёд, вкратце, т. е. на самом деле вкратце, без дураков, по крайней мере, без других — дураков, да, опишем маршрут нашего: он дошёл до сада Шевченко и там повернул к зоопарку... Почему — неизвестно, но можно предположить, что то странное состояние, которое он испытывал, уйдя с работы (описанное Торнтонем Уайлдером в «Теофиле Норте», кажется, вот без кавычек, потому что по памяти: когда я уволился с работы, я испытал примерно такое чувство, как будто выздоровел после долгой и казавшейся неизлечимой, болезнью).

Там ещё что-то было — про то, что он боялся улететь — Теофил... Просто вот оторваться от земли и улететь, да... и точно так же наш герой, преодолев «кармическое тяготение», как он только что выразился в разговоре с замом по науке, испытывал теперь некоторую боязнь преодолеть уже и космическое, Славик был high, если угодно, без травы... Хотя это тоже только слова, притом не слишком точные... В общем, почему-то его в этом состоянии — «невыносимой лёгкости», если хотите, после того, как вынесло тело — из института, потянуло прежде всего в зоопарк, да, где он пробыл, впрочем, недолго, возможно, осознав, что тянет его туда не «сквозняк пространства», а время как таковое — то время, когда он ходил туда почти каждый день — в зоопарк, ну да, всё тогдашнее пространство — а не только «площадка молодняка», было и тамошним временем, и по-прежнему нераздельно принадлежит маленькому мальчику, которого он сейчас не видел, но чьё ревнивое присутствие очень даже чувствовал: «тебе здесь не место, — шептала ему, казалось, вся эта флора-фауна, — здесь живёт мальчик...»

Особенно ясно он это осознал — свою здесь неуместность, — стоя перед клеткой со слонем, который его, вроде бы и приветствуя, качал головой, но как-то безрадостно, да... и размахивал хоботом, поднимая его... и вот этот розовый, кстати говоря, и неприличный какой-то кончик — хобота, да... напомнил Славику вагину, да-да, этакую отдельную вагину, нагло летающую перед ним в весеннем воздухе (а по ночам в моменты соития Славика тянуло, как и многих, если не всех сапиенсов... использовать лексику, которую он днём почти не использовал — в отличие от тех же многих... и по ночам последнее время из него нередко доносилось в эти самые моменты такое обценное, но, кстати, не совсем обесцененное тогда ещё клише, как «пизда с ушами», и вот сейчас он об этом с ещё большим стыдом — чем осознав вообще всю эту аналогию, очень странную на самом деле, т. е. хобота с вагиной, да хотя бы и кончика... хобота, ну да), и эта аналогия — просто по факту, что она пришла ему в голову, подсказывала, что здесь ему совсем уже не место, рядом с мальчиком, надо уйти, да... А мальчик там стоял, кстати, живой и вполне аналогичный — маленькому Славику, с папой и мамой — по обе стороны, и бросал слону конфетки... И кроме того, Славик

подумал, что в этом есть какой-то определённый... цинизм, ну да, покинув собственную клетку, так сказать, первым делом идти смотреть, как другие по-прежнему сидят по своим темницам, и злорадно махать им с другой стороны ограды... хотя бы и рукой, да... мимо клеток с обезьянами он поэтому прошёл быстрым шагом, стараясь на обитателей вообще не смотреть, хотя их там ещё почти и не было, в «открытых» клетках было прохладно ещё для отряда приматов, они были ещё в своём внутреннем обезьяннике... ну мелькнула где-то пара первых весенних мартышек, или это были капуцины... И это чувство — стыда, от того, что он уже вне клетки, тогда как другие по-прежнему сидят, было сильнее, чем даже от идиотски неуместной мысли, аналогии то есть, из-за которой ему казалось, что ребёнок рядом с ним тоже видит не кончик хобота, а вагину — особенно когда розовый неприличный кончик расширился слегка, прежде чем подбирал — вбирал — брошенную мальчиком конфетку.

Ну так вот, ещё более неприличным был тот факт, что он, Славик-Славик, пошёл сюда сразу после того, как вышел на волю, ну просто стыдоба какая-то... И это чувство посещало его, кстати говоря, впоследствии, когда он... нет, не проходил — он обходил серое длинное здание десятой дорогой, как будто и в самом деле совершил побег и скрывался, яко каторжник — беглый... но, проезжая иногда на троллейбусе-двойке по проспекту Ленина, Славик видел в ночи над городом, часов этак в десять вечера, наверно, «ещё ходят троллейбусы», да, одно-единственное горящее окно в том самом здании, не на втором этаже, а выше, высоко... но он ведь ещё и слышал своими ушами — краем уха, да, что аналитический отдел перебрался на последний этаж, и у него на самом деле появлялось в «ночном троллейбусе» такое странное чувство, что там — в этом единственном жёлтом окне над городом X — сидит его бледный двойник и считает в дурную бесконечность шагающий... экскаватор.

Но вот и «вагина» исчезла, и вообще слон — пародирующий, по сути, всё тот же шагающий экскаватор, ну да, ну да, — думал шагающий по городу в рабочее время герой, когда слон уже весь исчез в бетонном слоновнике, хотя когда он шёл туда, казалось, что слон больше, чем дом... и ещё Славик вспомнил в этот момент тех философов, которые в темноте, м. б., как раз вот этого «слоновни-

ка», ночью, или их институтской — ночью, т. е. в полной темноте пустого здания, да... шупали слона с разных сторон, и один мудрец докладывал, что «слон — есть колонна», другой, что слон это хвост, или бивень... в общем, старая притча о невозможности постигнуть Целое... по крайней мере, на ощупь и в темноте — точно так же, как он... так и не смог сложить из частей экскаватор, он сбежал, по сути, дезертировал и шёл теперь мимо прутьев слоновьего вольера, или даже не прутьев, а толстых чёрных металлических брусьев, делавших как бы такую раскадровку пространства его детства, нарезая на части, не давая ему даже выглядеть целым... Но вот они кончились, эти вертикальные рельсы-шпалы... И Славик понял, что ему вообще пора отсюда — на выход, да, и в итоге он совсем недолго там пробыл, он заглянул было в аквариум, но почувствовал, что там он совсем плавёт, причём плохо плавёт, вязко, как во сне, скорее тонет, чем плавёт, в тяжёлом влажном воздухе... при этом сам этот воздух настолько тот же, что был здесь и в детстве — но тогда он его лучше переносил, что ли... И вот здесь уже точно можно было забыть, что с тобой происходило последние двадцать лет, и как тебя зовут, мальчик.

О да, легко т. е. впасть уже в полный маразм, амнезию, whatever... а там — зовите меня хоть скалярией, хоть гуппи, хоть меченосцем, хоть аксолотлем... Славик явственно почувствовав это, поспешил выйти из одноэтажного домика, такого типичного... похожего на тысячи домиков «частного сектора», составляющих одноэтажный, по сути, Харьков, но этот — с рыбками и змеями (там был и террариум — из-за него, собственно, и поддерживалась там такая удушающая атмосфера, да... там ведь жили не только трогательные вздрагивающие рыбки с глазками-родинками... но и питоны-вараны, и даже ядовитые змеи, и не только кобра, а и гюрза, например, песчаная эфа... когда-то они там жили... теперь Славик их не увидел, а может быть, просто не успел разглядеть, там было ко всему ещё — вне аквариумов с их подсветкой — темно — как в его воображаемом — мысленном — «слоновнике», или в ночном институте...) Он толкнул тяжёлую скрипучую крашеную дверь и с наслаждением вдохнул мартовский воздух, и спустился по широким каменным ступеням, постоял ещё некоторое время перед бизонами,

не помня, как перед ними оказался, будто выплыл к ним из аквариума вместе с выплеснувшейся водой, да, перед вольерами с бизонами и/или зубрами, и они показались ему вдруг такими ирреальными сверхплотными сгустками тьмы — какие-то пучки бозонов — Хигса — «частицы Бога», ну да, созвучия и глупости — вот что остаётся тому, кто покидает храм науки... ещё неизвестно, с какой стороны теперь клетка... ну разве что Рильке утешит, мол, «звери ближе нас к Богу...»... и вот это всё ему теперь только и остаётся, самооправдание деградации и нищета духа... Славик, как будто, то есть не совсем осознанно... стоя перед этими чудищами, как бы слепленными из комьев земли, да, из тяжёлой смеси тёмно-рыжей глины и чернозёма... как бы сказать... восстанавливал там, что ли, с их помощью — своё собственное... поле — гравитацию, ну да, «заземлялся», можно и так сказать, в зоне бозонов, чтобы пуще зубров — быть, а не небыть... которые тоже что-то такое почувствовали, наверно, и подошли прямо к прутьям, как горы, да... живые горные массивы с профилями рыб — как только что в аквариуме, там были те же самые лбы, надбровные дуги... «до и после» крошилось в руках, как корм для рыбок, он стоял перед их низкими клетками, и бизоны вдруг подплыли к нему, и не в ожидании, что он их покормит, а чтобы накормить его самого своей редкоземельной гравитацией, да, жители чёрных дыр-пещер, из щелей непроглядного времени... персонажи наскальной графики... причём — сколько сможет унести, до отвала, не жалко им поделиться было со Славиком этой своей жестоковыйностью... бери, сколько унесёшь, вот именно, на дворе был — 1989-й год... Славик вышел не через центральный, а боковой какой-то выход и завис над оживлённой трассой.

«Вот тебе и заземлился», — подумал он, глядя сверху на бегущие машины.

Он попал туда, куда попадаешь, выйдя из зоопарка через боковой выход, на узкий мостик, как будто даже подвесной, хотя... на самом деле нет, но так кажется... Славик показалось то есть, что мостик и в самом деле подвесной, раскачивается над пропастью, и более того, такое чувство у него было — секунду или две, — что он сам висит в воздухе, высоко-о-о-о... а под ним быстро бегут маленькие «мазы»... и если бы не зубры — которые только что потянули за него

мазу — поделились с ним своей тёмной тяжестью, он бы улетел, наверно... «Чтобы стоять, я должен держаться, Корней», — запел он институтскую песню, а потом уже «идёт бычок, качается» — ему казалось, что мостик и в самом деле раскачивается — туда, сюда... А потом и «поп Теофил, где же ты был...» — он было запел, да, но это был канон, а на многоголосие наш герой не перешёл — только на другую сторону — по мостику, к Госпрому... да и повествователю уже тоже пора бы перейти, если не к Госпрому, то непосредственно к нарративу, или прекратить, по крайней мере, пестовать вот это многоглагольство, хотя бы под конец этой... самой странной главы, да.

В общем, как-то вот так вот, поначалу «напевая и покачиваясь», а потом и вполне себе заурядно, как любой другой прохожий рядом с ним, ничем не отличимый от человечка с google-maps, с помощью которого вы, кстати, тоже можете пройтись вслед за протагонистом, хотя он-то, герой наш, шёл до интернета и до гугла, от забора и обеда — подальше, ножками-ножками, делая уже как бы и круги — от Госпрома снова свернул направо, прошёл через площадь — мимо университета, потом по диагонали сада, где листья не распустились, но почки набухли, пересёк Сумскую, быстро прошёл сквозь сквер плачущих ив, заметив краем глаза львиную гриву Коли Двораева, известного городского персонажа того времени, но Славик поначалу не стал останавливаться.

Он вспомнил какой-то выезд с гитарами, в школе или уже на первом курсе, где-то они пересекались, под дождём, в штормовках, и что-то Коля спел там у костра, и на вежливый комплимент Славика сказал что-то едкое, и больше они не общались... кажется.

Славик пошёл дальше по Совнаркомовской, мимо здания КГБ СССР, и дальше, дальше — от Сумской по Совнаркомовской... пока вот так вот... Да нормально так, вполне себе, без всяких задних мыслей, просто прочёл — случайно-машинально, как и всё с этого дня — в своей жизни, в сущности, ну да, о чём-то думая, о своём, или вообще ни о чём уже не думая — табличку прочёл... и понял вдруг, что ни разу не был в этом здании.

И вот так же примерно, как перед этим в «Магазин для Новобрачной»... Ну или был, но в глубоком детстве, да, он вот вспомнил фарфор — там была большая коллекция фарфоровых статуэток,

и кого там только не стояло среди них, разве что вас, да... где-то там внизу, как бы в полуподвале, они жили за стеклом, как в музее кукольного театра — куклы, вот именно, но тут куклы были поменьше, и все они были из фарфора, ну конечно, и вам того же, аналогично... А больше он о Художественном музее ничего вообще не помнил: полотна Репина, Бенуа, Боровиковского, Шишкина... всё это он знал только абстрактно, так сказать, живопись не то чтобы превратилась в памяти — в абстрактную, но просто не сохранилась, и всё, превратилась в одни только имена — и Славик это всё осознал сейчас с таким стыдом, как будто снова стал маленьким — таким, как в первое-последнее своё посещение харьковского музея.

И этот стыд только усиливался тем, что ведь будучи в Москве, Славик наш, Славик-Славик, да... всякий раз заходил там в музеи, в юности — в Третьяковку, пока она не закрылась на бесконечный ремонт, а потом в командировках — в Пушкинский, в ЦДХ... да он там даже в каком-нибудь... Музее Востока был раз пять, наверно, не меньше... А вот в своём родном городе и в сознательном возрасте — ну вот ни разу он не был в Художественном, да.

Ничего особенно странного в этом, конечно, не было, он и в театр ходил, только когда был в Москве, или в Ленинграде, каждый вечер — в спектакль, да, стреляя «лишние билетки» у входа, и всегда попадал, ему везло, да... А вот в Харькове он и не помнил уже, когда был последний раз в театре... кажется, в том же детстве — «Декамерон» в театре им. Пушкина, ну или это было в ранней юности, всё-таки «Декамерон», да... ну такой комплекс — провинциала, в чистом виде, ничего необычного, неверие, что что-то может быть интересное вне Москвы, этакий итээровский, по сути, взгляд на эти вещи, комический снобизм, да... который был характерен раньше, впрочем, и не только для нашего Славика-Славика.

Это мы всё (т. е. или очевидное, или ненужное, как и вообще... кто-то сказал, что «психология как наука либо невозможна, либо неинтересна»), и в этом-то мы как раз не уверены, но вот что касается этих наших «объяснений психологии героя» — вот тут это попадает в точку, да... мы будем с этим что-то делать, но уже в следующей главе, а пока вот так вот как-то... ладно, это же всё можно не читать, да?) сказали только для того, чтобы объяснить, почему это Славик

решил вдруг зайти в музей, хотя ещё минуту назад, если бы вы его, скажем, спросили, как туда пройти, он бы не смог ответить, он развёл бы руками.

Но прочитав табличку — просто блуждающий взгляд его там случайно остановился, и «заблукавший у рідному місті» прохожий решил туда вдруг зайти — в здание, ну да...

Увидев на первом этаже всё тот же фарфор в синюю крапинку, наш «смотритель» кивнул удовлетворённо и хотел было уйти так же быстро, как перед этим покинул зоологический сад.

Но какая-то ведь инерционность у него была во время принятия решений, повышенная, как мы успели заметить, в зоопарке из-за неё он всё-таки посетил после аквариума ещё и бизонов, а здесь...

А здесь, несмотря на то, что он был единственным посетителем музея и от ступеней лестницы, которая вела на второй этаж, веяло какой-то уже вселенской тоской, или если не так высокопарно: просто всё было в этом здании именно так, как он себе представлял не заходя туда, и даже ещё более как-то так тягостно... что Славик осознал в этот момент, что вообще не любит музеи, т. е. как таковые, даже и московские, что ходил он туда из-за инерционности... мышления, ну да, ну ходил — пока, по крайней мере, оно было, мышление, но — «о чём это вы»... И несмотря на это осознание, он вдруг снова передумал — уже будучи у выхода, он повернулся и быстро поднялся — как будто неосознанно подражая заму по науке Логановскому — по лестнице, на второй этаж, да.

Может быть, он решил посмотреть всё-таки картины Репина-Боровиковского, а может быть, просто так... и хватит уже думать о его думах-мотивациях в самом деле, и так на это ушла вся глава... Короче, просто взял вдруг и быстро поднялся по лестнице, прошёл несколько залов, почти не глядя на картины современных мастеров мистецтва, кажется, он и в самом деле уже намеревался найти там Репина-Айвазовского, кто его знает... Но вдруг — как вкопанный, это хорошее слово в таком контексте, остановился перед картиной незнакомого художника, которая называлась «Экскаватор».

Да, вот именно.

Уточним, как бы прокрутив на две доли секунды назад снятое камерой наблюдения видео: для начала Славик, не останавливаясь,

но задержав взгляд на этой картине, — прочитал на табличке под ней название, на ходу то есть, оно же было коротким... а потом уже у него появилось это чувство — «как вкопанный», и вообще — поэтому наш дезертир, конечно же, и окопался там на время — из-за названия, да... Потому что изображения экскаватора как такового на картине не то чтобы не было, но узнать его с ходу было не так легко, не так сразу, потому что ковш сливался там с фоном и был на самом краю рисунка, он кусал почти уже раму, а остальные части машины были, как бы это сказать...

Ну то есть это была не та самая советская «производственная живопись», «будни СССР», конечно, прекрасная сама по себе, где изображён был труд рабочих, колхозников и строителей, и синее небо, и нивы, и жёлтый песок карьера, и эта тема — «экскаватора» — для живописца вообще-то ведь неисчерпаемо глубока, ясное дело, вплоть до других планет — где луноходы и маленькие экскаваторы с ковшиками и т. д.

Да, но здесь была, строго говоря, графика (бумага, уголь или сангина, пастель), а во-вторых, экскаватор был изображён... нет, не в зародыше, не совсем в утробе КБ, хотя там и были многочисленные листы с чертежами, разложенные на длинном и казавшемся наклонным — а там и была такая странная перспектива, на этом рисунке, кривого пространства... и возле листов с чертежами и формулами — нет, не комбайны-кульманы, а столы, составленные в один, как на свадьбе, но не прямо, а косо, и вокруг этих листов, стало быть, головы разработчиков, некоторые даны были сверху, а некоторые подняли к рисовальщику глаза, и большинство было в очках... а уже за ними, за их пиджаками, как бы уже на полях, были механизмы — экскаватора, надо полагать, хотя она выглядела достаточно общо — вся эта механика там, как бы системы блоков и зубчатых колёс, — это могло быть, в принципе, то есть всё, что душе угодно, — если бы не подпись под картиной...

Мсье Дюшан начал рисовать свою Бесконечную Невесту после того, как увидел разрез мотора в Техническом музее, ведь так было дело, да, но тут у нас другое и, скорее, наоборот... Тут на самом переднем плане был всё-таки вот именно — ковш, тёмный на тёмном, уголь на пастели, может быть, но Славик его уже раз-

глядел, а во-вторых, у картины было название, и оно гласило вовсе не «Новобрачная» и не «Девственница, становящаяся невестой», и не «Обнажённая, опускающаяся по лестнице» и даже... не «МНС, поднявшийся по лестнице», а вот именно: «ЭКСКАВАТОР».

Сорри, но это трудно описать в прозе, как и вообще любые совпадения *per se*... а тут ещё такой имел место дополнительный нюанс... невидимый переход, что ли, в другой режим... работы машины, как переключение, скоростей... хотя это совсем уже плохо (сказано).

Ну так что же там было всё-таки, может быть — переход Машины Аналогий в режим Машины Совпадений?

Да нет, это тоже не то... это же только миг такой был, какой там режим... суть, в общем и целом, была в том, что Славик почувствовал себя внутри экскаватора, если угодно, или даже конкретнее — Ковша, и это здесь не совсем полная чушь, т. е. собачья, Ковш — это же только часть Большой Медведицы, это астеризм... Но и его хватило для возникновения этого чувства «ослепления-просветления», но это уже совсем плохо, я понимаю... Ну как кто-то из мистиков писал, что есть, мол, микро- и макро-, и что человек может это вполне понимать и с этим жить, с пониманием этого, пока в один прекрасный день... он не увидит (если), что эти два космоса совпали, вот тогда этот человек содрогнётся, да.

Но всё это уже было, как вы понимаете, за пределами и камеры наблюдения и автоматической ручки: камера только зафиксировала, что это не он сам, не Славик-Славик, нет, как какой-нибудь Бэнкси, занёс эту картину — дико похожую на то, что он оставил на работе: схемы-чертежи-сотрудники... и экскаватор... Что не он её занёс в этот музей и втихую прикрепил на стенке между другими, как бы в состоянии лунатизма, а потом, очнувшись перед ней, уставился, как баран на новые ворота... Такая мысль мелькнула у нашего героя, если это ещё можно, конечно, назвать мыслью, но в любом случае, мы с вами уже знаем, что этого не было, и всё, — камера тут как раз была бесполезна, но дальше уже — полностью... Дальше там вообще только чернота с белыми пунктирными помехами-зигзагами, в которой можно разглядеть звёзды при желании, а потом уже снова картину «Экскаватор» Неизвестного Художника, — правда, эти головы по краям чертежей теперь кажутся расположенными в

порядке Большой Медведицы... Но всё уже, всё, мы не будем тут ничего больше ретушировать или «подмалёвывать», тут существенно только то, что это была на самом деле, скажем так, точка невозврата в его маршруте, и больше тут сказать нечего, поэтому просто повторим вкратце, на всякий случай, немного перемотав: в этот день, стало быть, когда антигерой сбежал с работы и прошёлся по городу и зашёл впервые в сознательном возрасте в Художественный музей, он увидел там картину «Экскаватор», что настолько совпало с объектом исследования, которым он должен был быть занят в этот же момент в другом месте... что ему показалось: он никуда на самом деле не ушёл, разве что внутрь картины... и был теперь сразу в двух местах одновременно, и вот, короче говоря, эта шутка Единоного — а что ещё есть совпадения, как не его, Единоного, шутки, да, оно можно сказать, «делится улыбкою своей» — глядя на нас, иногда, не может себя сдержат, наверно... И вот эта шутка как бы отменила другую, более или менее частную, т. е. всё то, что до этого казалось Славiku шуткой (что он вышел не просто прогуляться, а в «отгул навсегда»), оказалось, или показалось ему, но тут уже без разницы, главное что — более чем серьёзным, да.

Но мы не будем тут описывать «сдвиг по фазе», окей? Да это продолжалось и недолго сравнительно — может быть, потому что это наложение — в музее, как бы физической плоскости и плоскости конформных отображений, ну давайте так, что ли, переформатируем немного высказывание мистика (кстати, по-моему, Мартина Бубера, но я не уверен)... Ну вот, это продолжалось совсем недолго, т. е. город, который застал Славик, ступив за порог Художественного, какое-то время был другим, как бы весь жидким, и вокруг были сплошные, скажем так, аналоговые машины, антропоморфные и связанные друг с другом беспроводно, «вай-фай», как сейчас бы сказали, наверно, они повторяли жесты Славика, они шли в ногу — просто прохожие, и да, похожие друг на друга, гражданские лица, да, а пространство было составлено из множества разных потоков, и Славик явственно чувствовал каждый раз, идя по городу, когда нога его переступала из одного потока в другой, не то чтобы они все были сильно отдалёнными друг от друга, эти слои... но он чувствовал, что если этот процесс — расслоения и распада слоёв... продолжится, то и

топография города необратимо застынет в мимолётных изменениях, схватится... далёкие районы сблизятся и наоборот... а так как это всё-таки «пространство-время», то и расстояния между временами могут перестать быть огромными, уже ведь показывались мельком немецкие танки... Да, за одним углом были одни руины, а за другим углом — как будто уже другое «послевоенное время» — улица за поворотом оказалась заполнена страшными людьми в обтрёпках, а может, и жмурами — были и лежавшие на асфальте рядом с какими-то зловещими ларьками, и посреди асфальта небольшой площади перед кинотеатром им. Жданова... была как бы огромная воронка, и баба лежала там, как или на самом деле убитая, и снова шли какие-то зланные ларьки, которых Славик никогда раньше здесь не видел, город вдруг-вокруг-вмиг стал свалкой, просто мусорной свалкой... а потом подул ветерок и всё это так же вдруг — исчезло, вместо руин выросли те же дома и люди, что были здесь всегда на его веку, те же контуры его рутины... И менялось всё при этих надземных «переходах», освещение, плотность, давление, влажность, и сколько так всё это продолжалось, неизвестно — делая уже неизвестно какой круг по счёту по небольшому же в общем-то городку (по крайней мере, если считать старый без окраин), Славик наш снова обнаружил себя в скверике возле «Зеркальной струи», и на миг ему показалось, что он идёт туда с работы, а весь этот музей-цирк-зоопарк-карусель-миксер... ему просто привиделся, да, и даже не просто, а... столько прокрутилось с тех пор перед ним миров за какие-то сутки-трое-вокруг, в этом самом «миксере», и такой там был уже гоголь-моголь... что он чувствовал, кроме всего прочего, ещё и какое-то странное измождение, но физической усталостью это нельзя было назвать — он одновременно чувствовал, что может вот так же шагать бесконечно...

А на скамейке в сквере снова или по-прежнему сидел Коля Двораев, конечно, это кличка, но это неважно, Славик поздоровался с ним, тот жестом пригласил его, мол, скамейка большая, и Славик, подумав... сел на ту же самую скамейку. Сначала он не собирался ничего говорить по простой причине неверия в то, что это можно сказать словами... и подспудно помня, и даже слишком ещё хорошо — помня всё это «...о чём говорить нельзя, должно

молчать...» — чувствуя себя то есть всё ещё принадлежащим этому тому — что должно молчать, ну да, у чего нет и никогда не будет — права голоса... они сидели молча, а потом всё-таки Славик заговорил, но что он сказал, не так важно, потому что Коля понял с полуслова, как в том анекдоте — «и это вы мне будете говорить!»

Т. е. понял — не понял, умер-шмумер... но переключил тумблер, оборвав на полуслове: «Можешь не продолжать, я всё понял», — после чего предложил выпить, а для этого сходить для начала в тот гастроном, что напротив памятника Шевченко, — уточнил на всякий случай Коля... Или просто дать ему два рубля, а ещё лучше три, и он сам сходит — видно было ему, наверно, что, остановившись и присев на скамейку, Славик разом почувствовал вековую усталость, общечеловековую, ну да. «А что ты вообще делаешь?» — вдруг спросил его Славик, когда Коля уже направился в гастроном. «Выживаю», — ответил тот, не оборачиваясь, — и этот ответ Славик запомнил не только потому, что в тот же момент «миксер» окончательно остановился, и Славик оказался, может быть, и не в лучшем — из тех, что мелькали вокруг него в эти дни, — миров, да, но — и далеко не худшем, во-первых, а во-вторых, недвижимом, что было важно, т. е. в этом мире — где он приземлился наконец — возле «Зеркальной струи», были «системы отсчёта, в которых тело остаётся неподвижным, если к нему не...»... так вот, не только поэтому Славик запомнил ответ («Выживаю», — ответил Коля на вопрос, что он делает), но ещё и потому, что все последующие годы в ответ на подобные вопросы Славик отвечал: «Выживаю», — независимо от того, исходил ли вопрос от других людей или от него самого... Или даже можно было бы сказать, что если другим он так отвечал всё-таки как бы в шутку... ну наполовину, чёрный юмор, да... То во втором случае — самому себе, он отвечал так на этот вопрос уже совершенно серьёзно и как-то продуманно, что ли — осознанно, да.

3. Дыхание локомотива

Славик бежал к поезду между двумя огромными чемоданами, которые будто летели сами по себе, и трудно было за ними угнаться, и непонятно как остановить... Но когда он запрыгнул на тронувшийся поезд, чемоданы оказались вдруг немыслимо тяжёлыми (про такие носильщики говорят «у тебя что там, кирпичи, что ли», если не — «что, командир, трупы везём?»), Славик поставил их на пол, или, скорее даже, выронил из рук, вынув из нагрудного кармана билет и — принялся его изучать. Он вертел его и так, и этак, он рассматривал его на свет, который в тамбуре был тусклым, он подносил билет к глазам, тяжело дыша. Сел он в первый попавшийся вагон, а теперь ему нужно было найти свой — вагон, своё место... А он не мог прочесть, что написано в его билете.

Он протолкнул чемоданы из тамбура в коридор, задрав при этом дорожку, и увидел проводника, который молча протянул руку, взял у него билет и процедил сквозь зубы:

— Седьмой вагон. У тебя. А это десятый.

— А место? — спросил Славик.

— Ты сначала вагон найди, — прохрипел проводник. Глаза его вдруг покраснели, он закашлялся и одной рукой стал стучать себя в грудь, а другой помахал в сторону головы поезда.

Чемоданы были страшно тяжёлыми, и каждый вагон длиннее предыдущего. Славик уже сбился со счёта... Он хотел постучать в купе проводника, чтобы спросить, но увидел, что дверь приоткрыта и что там туалет... В соседнем купе было то же самое — туалет, и всё

тут... и в следующем, при этом вонь в вагоне не оставляла сомнений, что это не оптический обман... т. е. скажем так, не размноженное в трюмо одно и то же изображение, как ему секунду ещё казалось... Осознав реальность, Славик от этого немного опешил, и в четвёртое купе он просто заглянуть не успел... К нему подошёл проводник. Тот же самый или очень похожий. Посмотрел билет и сказал:

— Это седьмой вагон. Со всеми удобствами.

— Так и у меня седьмой, — прошептал Славик.

— Не морочь мне голову, — попросил проводник, положив руку себе на грудь... но мягко, без стука, да и кашлять он не стал...

Славик решил, что это как раз тот случай, когда спорить не надо и положил руки на ручки обоих чемоданов, но его всё же взяло сомнение:

— А мне сказали — седьмой, — сказал он, и тут уже проводник вышел из себя.

— При чём тут сказали?! — заорал он и тоже замахал рукой. — Ты читай, что у тебя в билете написано. У тебя одиннадцатый вагон. Плацкарт. А ты, блин, куда лезешь, не видишь, что ли, какие люди едут?!

В самом начале плацкартной части пути Славик наткнулся на преодолимые, но отбиравшие последние силы препятствия. Чьи-то ноги начинались на одной полке, а кончались на другой. Славик остановился, собрался с духом и довольно лихо перепрыгнул через них вместе со своими чемоданами.

Потом он открыл дверь и пересёк шатающееся и как бы шарнирное, и очень громкое — пространство, да, между вагонами, а может, и мирами, you never know... И был встречен на пороге проводником гораздо более внушительных размеров.

Сверхпроводник заслонял весь проход, и Славик так никогда и не увидел одиннадцатый вагон, потому что «шкаф», посмотрев на билет, зевнул и сказал, что вагон у Славика третий. Славик снова попытался прочесть билет. С тем же успехом. Чёрт знает что там было написано.

А в третьем вагоне его послали в пятнадцатый.

— Что вы ходите туда-сюда, как беспризорный? Предъявите билет, — грозно произнёс над Славиком голос.

— Что вы, что вы, у меня есть билет, с чего вы взяли...

— Я вижу, что вы без билета.

Славик протянул куда-то вверх билет и услышал:

— Так почему же вы идёте в другую сторону, когда у вас первый вагон!

— Когда, — простонал Славик, — когда у вас первый вагон?

Но контролёр, или кто бы там ни был — уже ушёл. Славик поставил чемоданы и постучался в дверь купе. Её наполовину отодвинул мальчик лет шести в круглых очках, один окуляр которых был заклеен белой бумажкой.

— Это меня так лечат от косоглазия, — сообщил мальчик.

— А читать тебе можно? — спросил Славик.

— Можно, — сказал мальчик.

— Ну тогда, ты не мог бы взглянуть одним глазком, что здесь написано? Я, видишь ли, забыл очки.

— Вижу, — сказал мальчик, глянув на билет. — А вы бы не смогли прочесть и в очках. Да вы и не носите очков. Везёт вам.

Славик смотрел на мальчика, прикусив губу.

— Этого языка здесь никто не знает, — продолжал тот, — и никто вам не прочтёт, никто. Жалко, потому что мне вы не поверите.

— Поверю, — сказал Славик.

— На крыше, — сказал мальчик, — здесь написано «на крыше». Это ваше место. А вагон не указан, поэтому можете любой выбирать.

— Что-то не так, что-то не так, — шептал Славик, — это просто какой-то кошмар, просто надо проснуться...

— Если вы мне поверите, вы проснётесь, — сказал мальчик.

— Но зачем лезть на крышу? А просто так нельзя?..

На плечо ребёнка легла рука, и дверь купе резко задвинулась. Славик повернулся к окну, опустил стекло и высунул голову наружу. Опустил стекло ещё больше и полез на крышу. Оказалось — проще пареной репы... По крайней мере — чем на верхнюю полку... А на крыше ему расхотелось просыпаться?, наоборот — продлить этот сон, или что это, поезд-призрак, сквозняк-потяг, цуг... или цугом — бегущие деревья, просыпающийся хворост, вот уже и не мимо — летящие деревья, ветви... Славик ехал спиной вперёд и чувствовал, как ветки ссучились и стали бить и толкать его. всё сильнее и сильнее, тумачи так и посыпались — на его спину, голову, а потом это прекратилось, но тогда две коряги взяли его за плечи и подвели-протащили — по

крыше вагона, вплотную к правде, которая колола глаза, и он закрыл их, чтобы полностью не выкололи... Но уже и так понял: больше не нужно здесь оставаться — нельзя, это теперь уже тоже не его место, и — прыгнул с крыши под откос, сильно дёрнулся всем телом, открыл глаза и увидел прямо над собой шрам.

«Срослось», — подумал он.

Да, теперь — это была такая явь у него — со швом, причём он воспринял этот шов в первый миг вообще отдельно от лица, как будто никакого лица над ним и не было, и это мог быть с таким же успехом его шов, отделившийся от его лица, это могло быть странное зеркало, в котором... Ну — как улыбка кота, если хотите, хотя это далёкое сравнение, несмотря на то, что формой шов — с натяжкой — можно было сравнить с улыбкой джокера. Но лицо через миг он ведь тоже увидел, и на лице был рот, который... уже точно ему не улыбался, нет.

Но в первый момент этот шрам то есть принадлежал как бы всему нерасчленённому ещё миру, в котором Славик открыл глаза, ну как бытие вообще — с трещиной, теоретически он это ещё раньше понял, да, а теперь вот воочию, можно сказать... Лицом к лицу то есть, лица ещё даже не увидав, лиловый шрам — увидел, да, снизу... Первый миг пробуждения — это ж такое состояние забавное, когда ещё можно и туда — за ширму, и сюда, за шторку, и в трещину, и за-трещину — вот именно, к этой лучше не надо, не... Он уже рассмотрел лицо и снова было закрыл шторки... век, да, и даже увидел там в полутьме этого мальчика — т. е. того... с белой наклейкой на одном стекле, хотя теперь не так чётко, конечно, как перед этим в гомогенном сне, да... а только теперь Славик его узнал.

Да, это был он сам, Славик-Славик, маленький, а кто же ещё, это же его так лечил глазной врач от косоглазия, и вылечила, кстати, что самое интересное, и даже ФИО врача Славик поэтому запомнил: Елизавета Абрамовна Кошелева.

Грозный, хоть и на самом деле вроде как женский, голос прозвнёт над ним: «Встаём».

Это была женщина-таможенница, конечно, Славик это уже тоже понял, да, причём какая-то не простая, а «хитровыебанная» — так он подумал, совсем некстати, возможно, потому что неизвестно — он додумался вдогонку, когда её последний раз... И да — что да,

то да, он огрубел за эти годы, Славик-Славик, которые мы просто перемотали — его годА, а он-то — нет.

Не «отмотал» полный срок, но — отбыл в неизвестном направлении... Т. е. ему пока что выпала сума, а не тюрьма, и не совсем даже «посох и сума», хотя, если в смысле не-классическом — тогда и она, возможно, да... Но скорее всё-таки «полным-полна коробочка», и, тем не менее... и сума, и нищие скитания, и психофиз. маятник... и всё такое прочее, по сути, ну да, в сумме — сума и маета... А тюрьма, ну что тюрьма, она всегда ведь где-то рядом — маячит, вот именно, хотя бы и в виде таможенницы-охранницы-пограничницы. А где та граница между ними... ну разве что по этому её шву, да.

Да, ну так вот, Славик огрубел, стало быть, за пять или шесть лет его коммерческих трипов, но это не значит, что мы будем повторять за ним всю его «потокую» лексику, потому что это не совсем точное... производство у нас, а это изображение индивидуального сознания всё-таки, вот так, пусть и деформированного, да, при этом авторская речь не должна быть затоплена совсем уже коллективным... бессознательным, я думаю, вы согласитесь.

Хватит уже того, что он заразил нас этим своим говорком, этой логореей, этими забормотами, зацикливаниями... Ну да, это у нас, если не с землёй, то с нашей натурой такая отрицательная обратная связь установилась, к сожалению, через всю эту его бормотуху, да... Но мат-всепокрывающий, всенародный перемат, да, т. е. не тот интеллигентски-дамски-московский метамат... Мы не будем за ним весь повторять, да? Мы будем всё это немножко перематывать, ну окей, а заодно и от аллитераций-сорняков будем избавляться, сбрасывая их, как балласт, по ходу поезда... Ну, в общем, понятно же, кем он стал: «бичом», да? Расшифровывается вроде как «бывший интеллигентный человек», т. е. если не «голь перекатная», то «перекати-поле», так точно.

Хотя бич, конечно, может быть кем угодно и когда угодно, от хлыста в прямом смысле до переносного — был бы хыст переносить, не говоря уже переводить... т. е. всяких там «бич-бойз», whatever.

Ну только что не «сука-бич», хотя опять-таки... Теперь вот и она, кажется, возвышалась над ним — в полный рост, хоть и не англичанка всё-таки, наверно,.. а тоже решила, похоже, нагадить,

да... Но кто — он и сам ведь не знал толком, повторяя про себя это: «...сука-блядь, поди разбери, украинская ты, российская...».

Да он ещё вообще таких страшных таможенниц в кожанках (а на женщине была чёрная форменная кожа — факт, причём непонятно, что это была за форма такая, не только — какой страны то есть, но и какого времени, навить), со шрамом — на лице, хотя неизвестно ведь, что уже там было у неё на теле, кесарево... но в любом случае кесарево — это вот ей отдавать, да... А уж на душе — у неё... лучше было не думать вообще, что там... Да и кожанка, кстати, если присмотреться, тоже имела следы, оставшиеся, может, и от сабель гражданской, — подумал всё же наш Славик-Славик, почти синхронно, или даже чуть раньше — как во сне, когда причина и следствие идут в обратной последовательности — с воинственными словами: «Встаёмте, гражданин», — сказала она, да... и голос у неё был, конечно, хриплый, и была она, разумеется, блондинкой, ну ещё бы: «Джентльмены предпочитают блондинок», вот именно...

Ну т. е. пергидролевой «гидрой» на новоязе нашего... товарища бывшего гидравлика, да.

«Предъявляем паспорт», — сказала эта гидра. «...С недо-отсечённой головой, — додумал он, — видать, кто-то рубанул уже один раз... да не с плеча», — ворчал про себя, поднимаясь на матрасе, а потом уже склоняясь вправо, как будто в седле, доставая оттуда... нет, не маузер-наш-аусвайс, а просто украинский паспорт.

Паспорт, да, из-под матраса — вместе с кошельком, оба предмета первой необходимости лежали у Славика в изголовьи, как обычно, между матрасом и дерматином или кожзаменителем, или чем там обтянуты были тогда все эти полки...

Стены уже точно не линкрустом, тот ещё раньше канул в прошлое, но... кажется, наш аватар и не присматривается так особо... пальцами не водит, не шупает всё своими руками то есть, чтобы убедиться, чем там его заменили... А вот тут говорят, что в некоторых вагонах так его ещё можно и увидеть, линкруст, да, и провести рукой по нему — впрочем, может, это те ещё вагоны, ну т. е. те, что во сне, ну да... Мы не будем погружаться во всё это так подробно и на ощупь, это же у нас не музей железнодорожно-психоделической техники, нет... и не опись госимущества, а некое частное жизнео-

писание всё-таки, поймите. И вспоминается тут, может, и ни к селу, и ни к городу, но и непонятно ведь, где стоит этот состав, что за погранзастава такая... как будто бы в поле...

Где-то в Диком Поле ведь он стоит уже точно, да, — между Киевской и Некиевской... Хрустыю, да... И вот вспомнилась, стало быть, — пока герой наш всё ещё «тупит» — характеристика, которую дал критик Курицын прозе писателя Проханова: «инкрустированный понос» он её когда-то назвал, а мы это привели здесь не потому, что это точно только в случае Проханова А.А., а просто «психосоматическая иммунная система» так работает, текст что-то отторгает, ну понятно.

И вот, чтобы этого избежать, т. е. если не всего инкрустированного поезда, да, то хотя бы, скажем так, пургаториума... его туалетов — ну разве что только «по-маленькому»... наш герой как раз и принимал, отправляясь в очередную командировку... нет, не пурген для звукописи (и не для звукозаписи — не для воспроизведения, слышите?), а как раз — фталазол, ну да, потому что перспектива «оправляться вприсядку», держась руками за поручни... да и какие там поручни, ну за эти планки на окне, другой рукой — ещё за что-то... за полку над умывальником, да, как бы рассредотачиваясь по окружающей среде, выпрямляющейся вдоль двойной железной оси... иксов... с её шпалами-шкалами... штрих-пунктиром... своих икс-крементов... Ну вот, да, такие экс-перименты и в прошлом-то ему не нравились, вонь, мокрый пол, как в каком-то кошмаре прилипающий к подошвам, и потом это балансирование на карачках... над тряской пропастью... над рожью, ріжь... и эта жуть железа, на кромке которого ты присел в своём гопаке-галопе-кукараче... Т. е. всей этой воронки, реально-реактивного сопла — бомбардировщика, железная жуть, ага, которая — воронка — была как бы вложенной в такую же, но БОльшую, — да весь этот сортир, закрытый на станциях и сортировочных, с его рукомойником и самоваром был, по сути, матрёшечным унитазом... ну или почти — совмещённым: рядышком, за дверью, стоял то ли рукомойник-брат, рука-руку, то ли самовар — угольки, да... а дыра-то — одна, и вот весь этот Мойдодыр, короче говоря, свободно мог-был унести не только твой «стул», но и тебя самого, засранца, вместе с твоим невидимым — стулом, так точно... поставленным на унитаз... с детским невидимым стульчиком то есть,

на который ты же там взгромоздился, как в какой-то пантомиме, поставив его на стульчак... да-да, туда-туда — в дыр-бул-щыл, унести, воронка-воронок, ок... — только и успеешь вымол... т. е. не только до дыры, а и — дальше, смыть, и само это «Мойдодыр» тоже не должно вас сбить с панталыку, нет, всё это так виделось Славику не только в детстве, как вы могли подумать...

Да нет, теперь, уже ближе к старости, это было даже ещё вероятнее, зримее что ли, и совсем уже не нравилось — Славику-Славику, и с некоторых пор (в первый раз и в самом деле — борясь с расстройством, но такой опыт над собой ему больше понравился, чем «экскре-перименты»), и он стал принимать таблетки «на дорожку» уже и без всякого повода), предпочитал то есть, отправляясь в путь, принять крепительное (иногда вдобавок к нему и димедрол, но это уже не всегда, и тоже — не для повторения... хотя это и не так страшно, как «слабительное вместе со снотворным»), но лучше тоже не надо всё-таки), чтоб сутки-трое в пути видеть сны и не оправляться вовсе, что само по себе, если бы стало известно соответствующим органам, могло бы стать отправным пунктом их дедукции — привлечь их пристальное внимание к перистальтике нашего героя, например... Ну да, не прячет ли пассажир там, за своим запором, что-нибудь — ну, пакетики с «хмурым», скажем, или, наоборот, проглоченную жемчужину.

Но ни украинские, ни русские таможенники и погранцы не знают про фталазол... А мы слишком много знаем, наверно, про Славика, а это вредно, ну да, вредит спонтанности его образа... И мы поэтому — за это — находим себя снова и снова, как в бесконечной ссылке-сноске или — в ссылке, по этапу, да... в этом проКлятом поезде, да, где, стало быть, это, похожее на нечто из БДСМ, «страхиття» — хорошее слово, так само... и вообще, украинский тут лучше подошёл бы, конечно. Это существо, стало быть, берёт паспорт Славика и как бы ломает его надвое, начинает так громко листать страницы, что Славику кажется это не страницы издают такие звуки, а костяшки счётов, да-да, он вспоминает счёты, которые и теперь ещё можно встретить в конторах, по которым он по жизни слоняется — со своей сумой и без посоха, да, пока только яко — посуху, яго... ну разве что, ну да, пошёл «по камушкам» наш человек, наш герой....

хотя и редко, т. е. очень редко он их там видит, это надо признать, это же — раритет... счёты, шутка сказать, ну да.

И вот она, образно говоря...

Много-образно даже — слишком, ну да, это мы тоже признаем, и многословие тоже — это наш бич, да.

Короче говоря, стоит перед нашим бичом и будто отсчитывает его года на костяшках — «сводит счёты», да, ну как будто с жизнью, конечно... ещё не отчитывает — его, не за что пока, а уже перебирает — его косточки... Но почему так долго, там ведь не так много страничек, паспорт — не роман... да и... роман — не роман... А потому что — то туда, то сюда... Она листает — паспорт, да, а может, заодно и эти страницы, как перед этим сумасшедший потяг — станицы в степи, станцы, тан... а вот теперь — цыц!

Ну, то есть это полностью страшная такая «вагоновожатая» как будто стучит костяшками, м. б., пальцев, а не счётов, а может, кастаньяша — с другой стороны, кастаньетами, ну чёрт её знает, чем там она щёлкает всюду, как тот волк... волчица, да, и ведь и виза не нужна, если только поезд не забурился в совсем уже тупиковую ветвь пространства там и/или времени.

Ну, может, у неё внутри компостер — как у градоначальника, да,.. или — цокает в самом деле, не зубами, а язычком, стучит им об зубы,.. или костяной ногой — в пол-потолок, кто знает, как это у неё всё там тикает, и что дальше простирается, компост или комплот, или кисель, или компот... Сразу не видно: военная косточка... от персика... или просто сухофрукт-органчик... Нет, то в головах — разруха... не то — органчик был у начальника... града-ада... Ну и что, а вот ведь и шрам у неё... налицо, т. е., м. б., имела место быть и трансплантация, ну да — внутренних органов... и дел — то тут всего, ну да...

В голове же у Славика... помимо всей этой абракадабры, которой подсознание его, наверно, заговаривало — пыталось заговорить, внешнее под-... что? Подпространство, наверно, или вообще всю суб-станцию, например. Спинозы, ну да,.. не путать с подстанцией, на всякий случай, субстанция — это... ну да, он же не знает, что это, и даже — полуста-нок, что уж говорить... где они стоят, да, и что-то в ней явно есть от «под», т. е. суб-культуры, так точно... от подола, скажем, задравшегося пре-исподнего, ну да. И помимо этого, Славик всё ещё помнит свой

последний сон, не Вера Пална, а наш Славик, да, который ему только что приснился и который был вообще-то типическим — Сосновскому обычно так и снилось то есть: в поездах — поезда, да, и общая плацкарта-явь, и купейно-СВэшные сны протекали там одинаково, перемешивались, сливались в нечто неразливанное, разливались... в каком-то смысле... Во всяком случае, отличить вот так на глаз железнодорожные сон и несон в любом вагоне было всё равно, как живую от мёртвой — воды, ну да, явь то есть так хорошо там срасталась по всему составу — с неявью, что... Или нет, всё-таки — смешивалась, а не срасталась, пересортировывалась, ну да, а потом уже и диффузия, и растворение — без осадка, что называется, так что иногда это уже совсем было, казалось, без разницы, спишь ты или не спишь то есть, ну кого колышет, если вдуматься, если ты лежишь на своём месте, и тот же вагон, и те же зубы на полке...

И в то же время — ишь ты.. всё это колышет, дя-дя, всех-всех, но только тихо-тихо, тихонько... Пока вот так вот не явится к тебе в обычный для рельсового транспорта моносон совсем уже, казалось бы, онеризм, да, т. е. не дрезина, а, блядь,.. но — не дерзите, гражданин, она — женщина... со шрамом и с наганом, например, или что там, планшет... но как бы в кобуре, может быть, да... И вот же: колёса по-прежнему поют свою растачанку, танку точильщиков, да, так-то оно так, но ты чётко понимаешь при этом, что на этих самых рельсах какая-то контро-заусенция вырисовывается... или вот именно — несостыковочка вышла, плохо приточили-приторочили... и вокруг тебя, торчок, совсем теперь уже и не сон... «Что — да ну?!»

Ладно, сон-несон... мелодИ... двойной нельсон... Ну да, связь между отделениями сна в поезде была такой же, как и вагонов, из которых наш сновидец переходил из одного в другой — по дороге в ресторан, например, или в космос, хотя и не так прямолинейно, конечно, ну мы и тут упрощаем несколько... Но, в общем, так примерно и было ведь, да, в пути Славику всегда снился — путь, «...и мальчик с белым глазом там ещё был, во сне, — снова вспомнил, впрочем, Славик, машинально доставая по молчаливой команде таможенницы — кивок головы — сумку из ниши между потолком и дверью купе, но странно, что она не спросила, его ли сумка... Ну методом исключения — успела уже всех кроме него обшмонать,

пока он нежился-раскумаривался в своём собственном промежутке, досматривая сон, как та кума щас будет досматривать его багаж, так... хотя скорее всего во сне багаж был тот же самый, и зачем тогда весь этот... двойной нельсон... Нет, до этого не должно дойти, она должна докумекать всё-таки, что тут чистота, как говорят в кино, что он «clean», хотя эти... могут всё, что угодно — даже и клином... клин, да... потом — это приём не из винтилова, нельсон — а из греко-римской классики, да, причём в партере — две руки из-под мышек давят на затылок... ясно же, что малахольный эшелон своими зигзагами (о траектории более внятно будет ниже, в этом месте мы тоже заскочили, занесло слегка, бывает) попадал не только — то в Украину, то в Россию, но так же точно обстояло дело и с границею «сон/несон».

Двойной нельсон, ну да... И багаж был скорее всего тот же самый — по обе стороны... Только больше камней, может быть, там был и не только цирконий — во сне то есть, а и церковный рубин-кагор... нет, ну это так, игра слов-неслов, а там — и кирпичи харьковского завода, что на Академика Павлова... и песок с карьеров Основы и Салтовки... и каррарский мрамор, и сардинский гранит, и лунный камень-грунт... но то — во сне, а здесь всё просто, и все накладные... сейчас-сейчас, она удивится, и вот это уже не во сне, нет... и не дежавю это — это и ежу понятно, да... Вот эта вся то есть страшная таможенница... с кесаревым шрамом на пол-лица... анти-роженица, ну да, наверно... но и не в абортарий, нет, а — «в расход», точно... он её впервые видит, это сто пудов, такое не забывается и не вытесняется ничем уже, ничем и никогда то есть... И выпало такое счастье ему, значит, «счастливый билетик» этот — только за то, что он не достал в этот раз на нормальный поезд, представляете.

А этот — з глазду з'їхавший, пересекал — как Славика и предупреждали люды, кордон между двумя краинами восемь раз — туда-сюда... если не все восемнадцать.

Славик уже, во всяком случае, сбился со счёта и не смог бы ответить на вопрос, который раз всё это повторяется, то по ту сторону, то по другую...

Да и в обеих — сторонах — было что-то одинаково поту-стороннее, ну да, все эти стучащие сапоги: пограничники-архангелы-архаровцы... потом вся эта кирзуха на время смолкает... А потом

опять стучат, как тамтамы в коридоре — таможенники и ангелы, уголовные элементы, налоговые менты, whatever... Ну конечно, это был тот самый маршрут, о котором он был наслышан: поезд змеился какими-то такими хитро... ванными, в общем, зигзагами, как по линии острой сердечной синусоиды на экране аналоговой машины, стоящей в налоговой — ну, там, детектор лжи, например... Что, тоже ни к селу, ни к городу? Да это так, просто чтобы мы с вами, по крайней мере, не забыли, где находимся — в романе, да, но всё-таки... «сегодня парень в бороде, а завтра где — в НКВДе...», тобто передвижные фискальные органы, стало быть... в месте срастания города с деревней... А прежде, чем туда попасть, — вот так точно и петлял петлюрой, как мы уже сказали, оцей потяг...

Однако — к чёрту петлюру, и всю эту, на хрен, звукопись... тут всех звуков: тук-тук и ту-ту-у-у... то и дело попадая, в общем, за кордон — едь в другую ста-рану... ну и мотало его при этом страшно, конечно, из стороны в сторону, весь этот поезд — пиздец как, да.

Порой казалось то есть, что он ехал уже в чистом поле, набирая обороты, поезд мчится в чистом поле... А потом вдруг, как бы вспоминая, что Украина — не Россия, или там Россия — не Украина... резко останавливался, давал задний ход, как бы по команде вышедшего из кустов Вечного Нестора...

Ну да, вот так вот, петлял, падлюка... Станный такой потяг, сиречь «поезд» — укр., если кто ещё не понял... то заворачиваясь в пространство, как соседняя пассажирка — в простирadlo,.. то разворачиваясь — потягиваясь, как та... да как она же самое то есть, та же панночка, запихивая простыню между ног, прекрасно видя и с закрытыми глазами, что вы на неё смотрите...

Хотя ещё больше стоял, замирая совсем, подолгу то есть... но это тогда была как бы зовсім інша тема — «это город Ленинград...», примерно, да, «русский космизм» — когда поезд стоял на станции, потягиваясь, как огромное бестелесное позвоночное, а в купе проникал загулявший по перрону луч, возникало ощущение невесомости — как если бы состав порастерял уже по степи все эти чугунки на колёсах... точнее, сам отбросил их — как чугунный многоступенчатый корабль, выведший тебя на орбиту, и ты теперь не тяжелей, чем вот эти парящие в луче пылинки, которые, может

быть, и есть теперь человечество, майбутнє, etc. — как это всё и виделось из Казани... известно кому, да.

Ну такой маршрут — наказание, в общем, примерно... Согласитесь, что и не в такое ещё можно угодить в таком составе — состояние, не правда ли, и попасть в Нижний Нежин, скажем, чтобы очнуться в каких-нибудь Верхних Бузулуках, например.

Бузулук-на-Базавлуке, ну да... и не такой намотаться в этом Гуляй-до-Урал-Поле может — на обод, весёлый ветерок... репей, скажем, или лук-борей-Вася... Или, скажем так, просочиться — в отъехавшую от толчка этого дёрганого потяга дверь купе твоего восприятия... И не такие видения могут прорезаться — как зубки молочные, и не мелочные таможенницы, да, а настоящие ведьмы-нежити могут уже пойти — косяками... да-да, войти-не запылиться, да просто... само-породиться даже через всю эту вашу неравновесную термо-гидро... динамику, взболтаться из Ништо в ништяк, а чего... как бы в колбе, если угодно... взвеси ваши эти зелено-молочные, реки-веси еси... и вся эта морфология потоков — от Морфея, ну да... или попросту — из ничего, из пыли вакуумной... вот именно, когда вот так вот будят десятый раз и снова это — «Предъявляем паспорт!».

«А это что у вас тут в таких количествах?»

«А это у нас лучшие друзья девушек», — благодушно произнёс наш Славик-Шурик, не задумываясь то есть, дурацкую фразу, которую он вот так же, немного задорно то есть, говорил до этого тысячу раз, наверно, входя в офисы расейского бабьего царства и раскрывая там свои коробочки и разворачивая целлофановые кулёчки...

Там тоже, кстати, реагировали на это по-разному, т. е. далеко не всегда позитивно, а уж сразу — так и редкость... нет-нет, радость — невольная, нечаянная... она то есть если освещала женские лица, то не от заимствованных песен... заморской фабрики... снов, да... а как отражение лучей наших само-светов, да, это от них — ими — озарялись лица — русских женщин, конечно, никто же с этим и не спорит.

И всё ж таки строчку заморского шлягера из наших коробейных частушек тоже не выкинешь, надо сказать, что она играла свою роль — будила тёплых от сна тёток в этих их банках-колбах-конторах — сбер-кассах и обер-управлениях... Неожиданная строчка, да, как бы досрочно переключала их, как триггер, как

щелчок по стеклу, и тритонши начинали шевелиться в тёплой подсвеченной воде: «Чё?», — а там уже и ахи-охи: «Ах! Какие... Глянь, Люб...».

Хоть и подозрительный бывал поначалу ахтунг начальственной матроны, могла и рявкнуть, поднимая на Славика роговые очки: «Да кто такой, кто тебя сюда пустил?!» — но главное — что они уже вклю-ча-лись,.. а ведь только это и нужно было... Славилу, Славилу.

«Виагру, что ли, ты нам тут думаешь подкинуть?» — злобно, или не, ну просто ехидно, ну да, спрашивала его, скажем, первой проснувшаяся тамошняя заведующая, вспомнив песенку «вашего же украинского, бля, ансамбля», и Славик тут же начинал вежливо разъяснять, что песенка, мол, несколько старше — 1949 г. р. она, и вот уже он чуть ли не пел её целиком, и на английском, и на русском, вспоминая и фильм, и мюзикл, и вот уже у него со счетоводами и другими работницами ум-труда — завязывался собственный водевиль, в ходе которого они задумчиво перекатывали в пальцах фианиты, напевали междометия, и под конец... и под конец...

Да вот что — и под конец разговора этого опереточного, как правило, некоторые покупали — кто серёжки, кто колечко, кто брелочек, кто «кольешко», пока Славик что-то там им напевал непрерывно — начиная Мэрилин-Лорелей и кончая «Россией, летой, лотореей...» и — «выйду замуж за еврея», и всякое такое... Да он и не такое им бормотал ещё, лишь бы они «брали».

«Ну что, барышня, берём?»

Мужчины тоже покупали, но гораздо реже, это же была такая ниша в рынке, ну да, тётки такие мелочи любили сами себе, как бы сказать, не то чтобы скрытно, чё уж там скрывать-то, когда потом это носить будешь... но — сами, да, по себе, покупать любили, от мужиков же (если они были вообще в наличии в этом самом Энске, где война никогда не прекращалась) ожидалось что-то другое, конечно, может быть, как раз те самые — настоящие «лучшие друзья девушек», нет, ну в разные же офисы — разной степени тяжести-солидности — попадал на своём пути Славик-Славик, колеса по всей Руси...

Впрочем, нет, не по всей всё-таки, а заведомо по тем губерниям, где, по последним данным разведки... у населения были хорошие покупательные способности, ну да.

Во всяком случае, в основном покупали фианиты сами матушки, да, ну просто «сдуру», ну понимая, конечно, что это фуфел, хреновень и пустая трата денег, и «не всё то золото...», и «мы не такие богатые, чтобы покупать дешёвые вещи», — это всё Славик в свою очередь тоже слышал раз сто, наверно, если не тыщу... И всё-таки, всё-таки, не в силах устоять перед этим его «северным сиянием», как он сам тоже как-то не совсем точно выразился... Ведь там, куда он забирался в этих своих «трипах», Славик наш, — барышни, хихикая, спрашивали порой, а видел ли он снег вообще, в этом своём Харькове, ну да, для них это ведь был какой-то дальний юг, Малороссия-Слобожанщина-Диковинка-Диканька... Т. е. если не Крым или вообще какие-то тропики (путая со своим же суб-Кавказом, конечно), то всё равно что-то где-то... нечто... впрочем, всё это неважно, вот уже — слышите: «Девоньки-опаньки, какие красивые, ах, как сияют...».

Да, это сияние было для них скорее южным и... семерным, чем северным, — думал Славик, в смысле, что многократным... многократным, ну да... ну то есть очень сильно они блестели... Да ведь на глаз их и правда — пойдя отличи от настоящих, да?

«Ювелиром надо быть...» — говорили друг другу тётки и — покупали-покупали, ну да, «где-как-когда», и «раз на раз не придётся», ну так — а на то она и розница, что есть розница — «день на день» и «Энск на Энск» — не приходится...

Ну да.

Но теперь-то нужно было нечто прямо противоположное — по воздействию. Не возбуждать то есть внимание, а усыплять её — бдительность, да?

Не потому, что в сумке Славика, или, там, в желудке Славика, были «оружие-наркотики», как вы уже догадались, нет, а просто чтобы не возникало такого чувства у этих таможенных... экстрасенсов, скажем так... что они здесь хоть чем-то могут поживиться, ну вы же понимаете — ну сразу ясно чтобы было, что... немає ніякого сенсу тут шмон устраивать, так само.

Ну конечно, он сглупил... Но и такой последовавшей реакции он тоже не ожидал — даже когда почувствовал уже, что совершил какую-то мелкую, как ему всё ещё казалось, оплошность. Славик,

тем не менее, и представить себе не мог, что кулёму — как он сам себя в этот момент обозвал — здесь поджидала, хоть до Сибири он ещё и не доехал, а... настоящая кулёма и в другом совсем, т. е. как бы в сибирском именно смысле — «ловушка на мелкого зверька»:— Ах, вот оно что! — сказала таможенница, — лучшие друзья девушек, говорите. Ну, тогда давай, друг ситцевый... Или всё-таки бриллиантовый, а? Собирай вещи и на выход!— Как? — воскликнул Славик, — как на выход? — Вот так! Как я сказала: с вещами.— Да вы что? Мне же ехать надо, у меня командировка, вот смотрите, накладные, у нас кооператив, вот все документы, это же фианиты, я — работник кооператива при институте Академии наук. А про «лучших друзей» — так это ж я пошутил... Шутка! Ну, то есть это рекламный слоган... у нас такой... Может, не очень... Не я придумал... Да вы что... что вы! Нас проверяли уже десять тысяч раз! И ни разу никто ничего... Ну вот вы, граждане, вы свидетели, ну подтвердите же, что при всех проверках ко мне не было ни малейших претензий, — и Славик обратил взгляд к ближайшему человеку, который сидел напротив.

Славик вспомнил, кстати... или некстати, что при одном из пересечений границы у этого парня возникали проблемы с багажом: слишком уж много у него было книг в чемодане, при этом одно и то же там «наименование товара»... И таможенник стал наезжать: «Больше десяти экземпляров не положено, нужны соответствующие документы...» — но парень отбился, сказал, что это авторские экземпляры, а значит право имеет, поскольку он сам автор и есть... Славик не уверен был в таком авторском праве, что есть такой закон то есть, параграф... но таможенник, как ни странно, среагировал позитивно. Хотя и не сразу — он взял одну книгу, внимательно прочитал имя, фамилию сочинителя, сличая всё с паспортом... «Там ещё и фотография есть — на обратной стороне», — сказал писатель, или кто он там был, неважно... «А, ну тогда ладно, — сказал таможенник, — тогда езжай, раз фотография... Так бы я ещё подумал: может, однофамилец...» — и он отдал под козырёк, усмехнулся и покинул купе, довольный, кажется, своей шутке и как будто случайно не заметив, что парень протягивает ему свой экземпляр. Встретившись взглядом со Славиком, парень открыл

было рот — явно, чтоб выговорить: «А вы хотите?». Но нет, после облома с официальным лицом авторская гордость была, видимо, оскорблена не на шутку, он передумал.

А может быть, и жаба задавила, всё-таки таскать всё это через тридевять границ, уже не говоря о том, что строчить всё это, как швея-мотористка на «зингере», стуча пальцами по «клаве», как стучат по стыкам колёса литерного поезда, вот именно... Хотя может, и не скорого, может, он тугодум-потяг... сочиняет по букве в день потягуси... Да, но встретившись с ним взглядом, Славик кивнул снизу вверх, и молодой письменник, или кто он там был, пиит, недовольный недостатком пиетета... кивнул всё-таки — отдадим ему должное, в ответ головой сверху вниз и важно так подтвердил неожиданным баском: «Эт точно, никто никаких упрёков к нашему багажу не имел. В том числе и к багажу этого господина», — и он ещё раз слегка кивнул головой в сторону Славика-Славика. «Ну вот, — сразу же принял и повёл Славик как бы переданный ему головой мяч, — вот видите!..» — но был прерван «кожаной», которая явно свирепела, Славик это понял, и сразу же умолк, втянув голову в плечи и... вот только что уснуть «обратно» не смог, или там — родиться...

«Вы знаете, что вы задерживаете поезд? Вы что, меня за дуру тут держите? Я что, не понимаю, что раз вы докатились до нас со всеми своими манатками... то раньше, значит, к вам претензий не было. Но зато у меня они есть! И они растут, как на дрожжах! Вы задерживаете состав! Вы понимаете, какие будут последствия, гражданин Сосновский?! С вещами на выход, я сказала!»

Подумав минуту (Славик, сильно ссутулившись, сидел на своей нижней полке как бы в полном оцепенении), таможенница решила, видимо, что «так уж и быть» — всё-таки произнести что-то, что... по крайней мере, выведет Славика из этого его ступора... До этого она, вероятно, действовала как укротительница тигров, или как в армии, приказы не обсуждаются, да... Но Славику, глядящему на неё широко раскрытыми глазами после всех невольных аналогий пришлось теперь ещё в голову и это «укротительница»... может быть, потому что такой страшный шрам на лице...

— У нас есть наводка, — решила она всё-таки объяснить, ну то есть выдавила из себя каплю инфы... то есть всё-таки признала в

Славике, хоть и не сразу, но человека — хоть и на миг, пока суд да дело, ну да, — поэтому вы должны пройти с нами. До выяснения. А потом продолжите путь, билет мы вам выдадим — если информация не подтвердится, разумеется. Теперь ясно? Теперь на выход.

— Нет, я не понимаю, — сказал Славик... каким-то самому себе противным голоском, — почему здесь нельзя проверить? И что проверять, вот же, всё как на ладони, все документы, и все абсолютно... вы что, не видите, что больше у меня ничего нет, ничего....

Ему вдруг стало действительно страшно, не понарошке то есть — не «на публику», хотя виной были как раз эти фильмы, наверно, которые он видел с детства, сначала чёрно-белые, а потом в цвете, да, и один такой на все телевизоры поезд-пиздец — на все века: остановка в поле, махно-махалово... красных — пока не побелеют... белых — пока не покраснеют... чёрных, пока не... всем выходить, в общем, всех в расход, не толпиться, все в порядке живой очереди...

Он смотрел теперь в другую сторону, т. е. не в мёртвые глаза таможенницы, а в окно — тарачился, да. Ну что он там мог увидеть, там была какая-то непролазная «ночь сильнее, её власть велика...», ну или непроглядная, так будет точнее, да, а так ведь они... куда-то же они там всё-таки прошли по перрону, сойдя с поезда — в бессмертную ч.б. ленту «Гражданин, пройдёте...», да, и он по-прежнему не знал, где он, то есть где именно и куда — его ведут, да, что это за населённый пункт то есть, и населённый ли, или вокруг них — то самое «ничего не остаётся, ничего...».

Но шёл теперь вместе с ними — у таможенницы (опять же, если это была таможенница) было три спутника мужского пола, которые во время обличения Славика, или скажем так, пока что не обличения, его ведь ни в чём не обличили ещё, правда... Ну, в общем, во время разбирательства с ним таможенницы эти парни весело так курили на перроне, хотя иногда, впрочем, расплывающиеся их «обличья» появлялись в полуоткрытой двери купе, но не в фокусе, Славик их не разглядел, да и было ясно, что женщина со шрамом на пол-лица — старшая тут... полицайка — и по возрасту, и по званию то есть, и некоторое время, во всяком случае, так оно и было, и он уже три раза успел тихо сказать — ей лично: «Ну давайте договоримся...» — и достать свой тяжёлый от укр-мелочи, которую он сдуру ташил за со-

бой, забыв оставить дома, кошелёк — в котором хоть было не очень много купюр, но всё-таки... что-то ж там было, наверное, и после второго отказа он готов был уже отдать ей не половину ассигнаций, а все до одной бумажки, да.

Она остановилась, и он тоже остановился, поставил чемодан и сумку на землю и сказал: «Ну вот. Я всё понимаю, здесь девять тысяч. Рублей. Всё, что у меня есть с собой, возьмите, пожалуйста, будьте так добры...».

«Скажите спасибо, что вы это мне говорите, — сказала она, — если бы на моём месте был кто-то другой, Иевлев... Ох, не знаю, где бы вы уже были сейчас... Да вы понимаете, что вы взятку предлагаете должностному лицу? Да вы что, хохлы, совсем там очумели, в этом своём Хрякове?» «Простите, — сказал Славик, пряча кошелёк, — простите, помутнение нашло... Просто я настолько чист перед законом... и таможей тоже... Мне просто нечего скрывать, и мне дальше ехать надо... командировка... кооператив... всё по закону... эти камушки мои — это же бижутерия, понимаете, это бирюльки, а не бриллики, как вы подумали... потому их так много, на вес, по сути... Поймите, это такой мелкий заработок, ну что ко мне может быть...» «А вот мы посмотрим, какой ты там фианит везёшь... Всё, мы уже на месте, теперь с вами будет говорить мой начальник», — она, сделав шаг в сторону, толкнула невидимую из-за темноты дверь, а там уже внутри был какой-то полумрак, и он, сказав себе, что, по крайней мере, не в чистое поле... или там — лесополоса-очередь-контрольная-в-затылок... Шагнул, в общем, вместе со своими сумками в какое-никакое, а всё-таки строение, ну да. Не очень-то большое, как он догадался, хотя и не разглядел снаружи — все окна были тёмными, по крайней мере, с той стороны, с которой они туда подошли, да... Но вот они поднялись по лестнице на второй, что ли, этаж — там были этажи, да-да, и по коридору направо, и там впереди какой-то всё-таки свет сочился из-под одной двери... и вот туда они, значит, шли, мимо других дверей с номерами, на удивление многочисленных... То есть, судя по всему, всё-таки учреждение, а не «малина» в заброшенном здании, или что ему там только что ещё мерещилось... или жизнь — малиной, ну да, чтобы не... может, просто... поговорят и отпустят... всюду жизнь... Нет, вошли в комнату,

которую вполне можно было назвать и «кабинетом», почему бы и нет, старого образца, да... не самый образцово-показательный то есть, по нынешним понятиям, скромненько... Хотя для такой дыры, наверно, вполне даже по-своему и солидно — начальственный то есть вполне кабинет, ну да, и портрет самодержца на стене, и всё как полагается, и какое-то там даже «офисное оборудование» — с плоским монитором, с факсом-телефоном, даже два телефона... «Нет, это не может быть банда, ну то есть в древнем смысле, — думал Славик, — хоть в России, хоть... да это всё тот же Абсурдистан... просто, может быть, здесь находится его штаб... но при этом центр-то уж точно — везде... так что... Бог не выдаст, свинья не съест... И надобно, значит... А что надо... Деньги — этой свинье? Если та не взяла, этот тоже не проглотит... наверно... так она сказала, что Иволгин... Ивлев... что он меня вообще за это изведёт... шашкой порубит, как шпиона на шпинат, да... Вы звери, господа... Нет, но этого она не говорила — про шпинат, не надо... А что надо?... А надо замереть, надо не дёргаться, вот что... Когда собака в тебя впиивается, то надо просто не дёргаться, да, иначе будет плохо... очень, а так... попустит... в конце концов... будем верить в лучшее... иначе порвёт... даже не двигаясь... не напрягаясь — ты сам себя порвёшь о клыки этого кабана...» — говорил себе Славик, вспоминая что-то из своей «жизненной практики» и глядя на одноглазого — как ему показалось в первый момент — хозяина здешней тайги.

В следующий момент, ещё перед тем, как таможенный чин отнял от глаза чёрный круг, Славик понял, что глаз у него не один, и что это вовсе не анархистская (ну да, прилетевшая оттуда — с единственной Гражданской) чёрная повязка на глазу у него, а просто посторонний — отдельный от головы то есть, и не попавший в глаз — посторонний предмет, который человек держит перед правым глазом, как в кабинете глазного — где дают такую заслонку на ручке, чтобы закрывать один глаз, а потом другой — читать буквы на светящейся таблице — проверка зрения... и слуха заодно, какой-то слух же до них дошёл идиотский — «наводка», бля.

Но только поменьше — чёрный круг был вместо глаза у чина (какого — Славик не сразу смог понять, потому что в кабинете было сумеречно... как у того же офтальмолога, когда тот проверяет

зрение по светящейся таблице и тушит свет в кабинете... И он не мог разобрать, какие там звёздочки, на погоне, как на таблице не разобрал — мелкие буквы, хотя в тот миг, опять же, Славик скорее сам себя ощутил таблицей... умножения, ну да): таможенник всё ещё как бы что-то рещал в уме и разглядывал его одним глазом, закрыв другой чёрным кружком... Но всё это был только миг, который мы, впрочем, слишком растянули, сорри, но раз уже мы это сделали... то скажем и то, что ему в этот момент снова вспомнился мальчик с белой бумажкой на окуляре... и почему-то... а наверно, потому что конец последнего сна он не помнил, и зачем мелькнул перед ним и тут мальчик-спальчик... Славик сразу не просёк, да.

А ведь, может быть, мальчик во сне с этим своим белым глазом был не только слепком-негативом здешнего чина-таможенника, закрывавшего один глаз (но только в прямом, к сожалению, смысле, а не «на Славика»), но хотел что-то ещё раз ему подсказать, этот мальчик с аппликацией, эксплицировать, ну как это было только что, во сне, да...

Но нет, это уже скорее из области наших с вами домыслов, или совсем уже смутных каких-то ничьих, призрачных, ну да, феноменов, которые мы (ох уж эти межеумочные меди-умы, о да) — явление мальчика во сне, т. е., полностью не стёрли всё-таки сейчас (из текста), потому что Славик наш вскоре всё равно впадёт, наверно, в этакий... очередной ставок, или даже ставку — главного командования памятью, ну да... С зелёной картой, покрытой ряской жёлтых кружочков, и как бы скатертью, расстеленной на длинном столе в генштабе... и с гигантской фреской «Ленин и народ», или там картиной — «Вождь и дети» — в коридоре поликлиники... на Розы Люксембург, недалеко от кабинета офтальмолога, Кошелевой Е.А., по крайней мере, так это нам отсюда — из этой точки — пока что предвидится, да, что у нашего героя будет для этого специальный такой... спальный вагон и маленькая тележка — времени, ну да, и что ему ещё прикажете тогда делать в этом самом мухо-Энске, как не перематывать жизнь, а потом и проявлять местами все эти плёнки-пелёнки, да... которые он там тоже разматает, это неизбежно, ебж, да-да, «вторая натура», ничего не попишешь, после шага действия — сто шагов бездействия-спуска по ступенькам вниз и в катакомбу — памяти, с подробным перематыванием портянок на каждой ступеньке... такой

уж это герой, пятящийся по жизни, каракатица по натуре, ну да... А мы что, кто бы мы ни были, мы — натуралисты, мы ничего не можем с этим поделать, ну правда же.

Но вот эти ненавязчивые «мы»... мы вас предупредили с последней прямоотой, может быть, правда, опять же, так многословновязко, что вы и не расслышали... Попробуем повторить это более лаконично: наше повествование — по сути жизнеописание, оно не подчинено законам каких-то жанров, и если на следующих страницах оно покажется похожим на триллер, или мы не знаем даже на что... на авантюрный роман или чуть ли не «провинциальный детектив»,... то это обманчивое впечатление рассеется довольно скоро, хотя бы даже из-за только что обозначенных свойств характера нашей натуры. Ну вот такой у нас character, yes... малоподходящий для таких жанров, да и вообще — для любых, whatever, а это у нас просто жизнеописание одного «бича», и ничего больше, и если теперь адыю — то никаких претензий, взаимно, да.

Но всё это начнётся через некоторое время — реминисценции, реставрации, карта, покрытая ряской... мы просто всё время обо всём этом памятуем, да... Пока же он, не то чтобы как-то там особо активно, будет действовать, герой наш, носитель языка... способствуя переходу меланхоличного нашего опуса... в какой-то прямо-таки экшн-боевик... Нет, как мы уже сказали, он для этого совершенно не приспособлен, да... Вот он сейчас решил замереть как раз, как будто в него впился пёс бездомный, — вот и вся его стратегия и тактика... И это тоже, наверно, почуял хозяин кабинета и положения, который, ухмыльнувшись, наконец сказал: «Подходи, подходи, я не кусаюсь».

И вот он неподвижно стоит уже в непосредственной близости... перед столом, да, за которым сидит немолодой и как бы на глазах лысеющий — а до этого тень какая-то, что ли, прикрывала частично плешь, как шиньон... Сидит, стало быть, такой страшновато-серый... грустно-грузный... всезнающий — это видно... груздь, да, или кем он там назвался — пока никем, шампиньон, да... с головным лампионом... в серьёзном кителе, но штаны без лампас... и не такой уж и старый при этом, да...

«...И ещё на кого-то он похож... на опоссума, — понял Славик-Славик, ну или что значит понял, у нас тут это и не внутренний

мультфильм... ну подумал во всяком случае, может, из-за этого чёрного «пятна» на морде, — ну не сто лет ему, — думал он, — по крайней мере, и даже не шестьдесят, наверно...»

Чин молча предложил подойти поближе — махнув в воздухе этим своим чёрным кружочком, который Славик принял было за анархистскую повязку на глазнице, а его самого — полковника каких-то... ну, фискальных же, наверно, всё-таки органов (Славик, подойдя поближе, разглядел и его звёзды, и теперь уже неважно было за кого он его принимал до этого — за обыкновенного бандита то есть, или необыкновенного, т. е. из прошлого... А уж сколько всего прочёл этот полководец, скажем так, таможенной службы на нём, или — в нём самом, как в таблице для проверки зрения и слуха, да, когда ещё прикрывал один глаз... «Наверно, что-то прочёл, а как же, и не только про собаку — это “я не кусаюсь...” — думал Славик. — Это же такие специально обученные чешк-ур’исты, да — “...и Ленин как рентген просвечивает нас...”»

— Что везём? — формально спросил, тем не менее, полковник таможенной службы по фамилии Иевлев (вероятно), когда Славик уселся наконец перед ним на стул.

— Фианиты, — почему-то обречённо как-то и тихо... выдохнул из себя Славик.

— Что? Говорите громче! Финита? — оживился полковник, — ля комедия? Решил признаться-таки? Это очень правильно, очень — не тянуть волынку, а сразу, сразу...

— Да нет, что вы такое говорите... Фианиты... Это искусственно выращенные кристаллы, названные так, потому что институт...

— Не, лекций мне не надо читать. Что ещё, кроме фианитов? Что вы так на меня смотрите? У нас есть надёжная информация. Что под видом бижутерии... Что значит: хитро смешанные с ебанитами, границу должны вот-вот пересечь серьёзные камни. Очень серьёзные. Выкраденные какими-то поганцами у серьёзных людей, а до этого выращенные вообще самой природой,.. а не в этом вашем ФИАНе.

— У нас Моно...

— Молчать, не перебивать! Моно или стерео, а ты по всем приметам подходишь.

— Но это же абсурд! — сказал Славик. — Ну сами подумайте, не легче ли просто положить куда-то... Камушки — это же такая

вещь, не габаритная, да их хоть куда, хоть в футляр, даже в самую бритву... да хоть в ботинок... — Но тут уже он сам осёкся, иначе в следующую секунду начал бы напевать другую песню, которая тоже помогала ему жить в его нехитром бизнесе: «Diamonds on the Soles of my Shoes»... А после того, как...

Ну да: Славику ведь до сих пор ещё казалось... Или не так, ну не всерьёз, конечно, но так — слегка — казалось, да — в духе науч-поповской тогда уже концепции «мульти-универса», что его реальность пошла гулять по этому вымороченному пути потому лишь, что стрелку проводник переставил, — и его поезд сошёл с рельсов в это самое гуляй-поле, вася, пограничье... После того, как он ответил таможеннице словами песни — другой песни, неправильный ответ, шаг в сторону, ну да... И вот тебе и весь триггер — в триллер, как отстрел-альтернатива... отстоя в производстве произведения, кондуктор, нажми на тормоза, «мене засмоктала небезопасна трясовина...». «Но хватит, — в общем, понял в этот момент наш путешественник, — на сегодня песен точно хватит... уже написан «вепрь», открыть окно...» — и, как мы уже сказали, в этом месте Славик как будто проглотил слова.

«Полкан», как Славик его про себя назвал в следующий момент, тяжело в упор посмотрел — на него, но, кажется, теперь уже не смог ничего прочесть.

— Ботинки ваши мы проверим, конечно, не сомневайтесь, раз уж вы и сами их упоминаете. В общем, тут серьёзное дело у нас. Необходимо проверить все твои бирюли, как ты говоришь, до единой бусины.

В руке у полковника снова был чёрный предмет, Славик уже понял, что это (со второй попытки — сначала — у страха ведь глаза велики — он было подумал, что там лента «скотча»), но он не мог вообразить, что там это не одно,.. а целых три — стекла, да, линзы, сложенные, скрывались, оказывается, в одном круглом футлярчике, — пока полковник не высунул пальцем все поочерёдно, и в руке у него оказался как бы такой веер — луп-луп, но не пальцы веером, нет... а напомнивший Славику чемоданчик Кошелевой Е.А., всегда лежавший открытым на столе, в котором были вот такие, похожие на лупы — диоптрии... Но он подумал, что не о том он думает, не

об этом то есть надо сейчас,.. не о Кошелевой и хрусталиках, а... Славик-Славик подумал, да, что сейчас вот этот.. пацок-опоссум посмотрит сквозь стёкла на его камни и поймёт, что это фигня, и всё — «финита», как он сам сказал, будет всей этой комедии... При этом он начал уже доставать из сумки свои коробочки с фианитами, одну уже положил на стол, однако полковник жестом остановил его.

— Вы задерживаетесь, гражданин Сосновский. В нашем городе. На столько, сколько потребуется для проведения экспертизы. Как минимум на три дня — а там уже в зависимости от её результатов.

— Что? — сказал Славик. — Сколько дней?! И где же я буду жить?

— Хе-хе, а где б вы хотели жить? Можете в гостинице, если дадите подписку о невыезде... Под домашним арестом будете, ну... гостиница, но вы — будете чувствовать себя как дома, хе-хе... Паспорт при этом останется у нас.

— А как же я тогда устроюсь в гостиницу?

— А и правильно, слушай! — радостно рассмеялся полковник, махнув в воздухе своим стеклянным «веером», — правильно! В изолятор мы тебя устроим, в СИЗО... Вера? — обернулся он к таможеннице, всё это время молча сидевшей в кресле у стены, так что Славик о ней и забыл... Вспомнив же, снова невидимо содрогнулся и сказал...

— Отпустите, — сказал Славик, — ну возьмите себе все камни.

— Что... все? — изумился полковник, откидываясь в кресле и снова складывая лупы, — и бриллики, и бирюлики — и всё мне? Верочка, слышь, какое мне счастье привалило?

— Там только фианиты, — сказал Славик, — это дешёвые украшения, да, но их немало, и в общей сложности они... конечно... и к тому же вот это, — и он с обречённым видом достал таки кошелёк и положил на стол.

— А это что? — оживился ещё больше полковник, выдвигая теперь только одно стекло, задвигая два, и как бы в шутку — склоняясь над столом... Потом он положил лупу на стол, взял портмоне, раскрыл его, вынул оттуда все бумажные деньги, не пересчитывая, положил их в карман, положил опустошённый кошелёк на стол, и Славик вздохнул уже было облегчённо... Как вдруг — он не поверил глазам своим: таможенник схватил со стола его паспорт, резко повернулся в кресле и, бросив в окно, попал... прямо в открытую форточку.

После чего то ли потёр руки, то ли самому себе тихонько поаплодировал, сказав: «У меня первый разряд по баскетболу!».

Полковник был небольшого роста, но в его разряд Славик охотно верил... А вот в то, что в форточку улетел его аусавайс — он сразу не поверил, нет... не верь глазам своим... а услышав звон, уже точно понял, что туда улетел не он... не паспорт то есть.... а кошелёк... мощна, да... он просёк, что таможенник специально сделал такой отвлекающий манёвр... Чтобы он, значит, Славик-задержанный... подумал, что в форточку улетело то самое драгоценное... без чего ты уже точно не человек, а букашка, ну да.

Скорее всего, это так и было — фокус расфокусировки, напёрсточная рокировка... потому что после проделанной этой манипуляции «растаможенник» так быстро — как заподлинный карманник, спрятал паспорт туда же, куда перед этим содержимое кошелька, — и если бы глаз у Славика был совсем профанным... он бы и в самом деле думал сейчас, что в окно улетел его паспорт, ну да.

Но таможенник прочёл уже и это на его лице — «лохА не удалось до конца развести» — и не стал дальше разыгрывать эту карту.

— Вот такая жизнь, — как-то вдруг даже подобрев, философически произнёс он. — Я знаю, что вы подумали: так барсеточники кошельки сразу выбрасывают... Но вы ошибаетесь, Вячеслав Игоревич. Ваши деньги нам не нужны. Они остаются у меня вместе с вашим паспортом для вашего же благополучия. Чтобы вы не наделали глупостей. Для вашего же блага, понимаете?

— Понимаю, — кивнул Славик, — моя таможня меня...

— Вот-вот, — засмеялся полковник, — тебя, так сказать, сбережёт, — для науки!

В голове у Славика возник ступор, пробка, трэффик-джет... как всегда в такие моменты, реальность отступила и что-то другое приоткрылось-вспомнилось, что в первый миг показалось «ложной памятью»... Но тут же он понял, что это было на самом деле... Был же в институте у них такой преподаватель... уроков, да... в том числе и жизни, который периодически выбрасывал зачётку в форточку, хоть и не часто — раз в пять лет примерно, но Славика повезло. Он начал спорить — оценка показалась ему, ну, что ли, как-то особенно-чудовищно-несправедливой, он ведь всё почти сделал правильно — за что же тут тройка-то? Да,

он, может быть, немного повысил голос — на преподавателя... И тогда это — а то самое, о чём его давно предупреждали, — случилось, да, о чём он слышал ещё, когда был абитуриентом, от знакомых, или даже от его родственников, которые были уже студентами старших курсов, на том же факультете, но на другом отделении...

«Зачем ты туда пошёл? Там все преподаватели дураки... Есть один сильный, так тот — мудак, он зачётки в окна выбрасывает.»

Преподавателя звали Шостак, он был инвалидом детства — парализованные ноги, при этом огромное, просто таки чудовищно-огромное туловище, да... огромная голова с гигантским лбом и прядями по бокам... огромные волосатые руки и ещё более непропорционально-огромные кулачищи... И он всегда сильно потел, и давил бело-голубым платком, пахнущим каким-то тройным шипром, крупные градины... У него была плешь, да, всегда потная, и довольно длинные, почти хиппозные серые волосы, свисавшие по бокам человеческой головы, хотя огромное туловище было каким-то не вполне человеческим, ну да... скорее моржовым... ну или — как у морского слона, — так казалось, наверное потому, что когда оно перемещалось, оно было горизонтальным — оно как бы медленно проплывало по коридору — мимо открытых дверей аудиторий — или медленно сползало по плоским ступеням вниз амфитеатра...

Шостак опирался на костыли, а ножки — маленькие, атрофировавшиеся, волочились следом, он шёл практически на руках, а ноги были как бы бутафорскими и ползли следом, ну да, шлёпали, как маленькие чёрные ласты... Его знали все таксисты в городе — он ездил на лекции исключительно на машинах с шашечками... На что уходила вся его зарплата — так говорили, но что-то всё-таки оставалось на самом деле, наверно, на еду, медикаменты и книги — в его квартире всё было уставлено книгами, от пола до потолка, в обеих комнатах и в коридоре — по всем стенам.

Славик сам этого не видел, но слышал от соучеников — когда Шостак заболел гриппом и группа решила его навестить дома, Славик отказался — эпизод с выброшенной в окно зачёткой он не смог забыть — и вот он его снова, значит, вспомнил сейчас, когда эта реприза (как оказалось, впрочем, анти-театральная) была разыграна снова перед его глазами, ну да...

— Лопатник дешёвый, — прервал таможенник минуту молчания, — это уж я могу и на глаз определить, другой купишь, не страшно... В общем, это была необходимая мера. Чтобы тебя привести в чувство: по-пытка. Дело необычное, и я тебя тоже понимаю, я видел, что тебе кажется, мы тут с ума посходили, или что мы тут тебя разыгрываем, да, Вер? Спектакли устраиваем! Так ведь, ну?

— Так точно, — кивнул Славик и даже попробовал улыбнуться, — занятно получилось, да.

— Вот, а мы ведь не актёры, мы люди серьёзные и занятые... Занятно ему, ты слышишь, Вер... И вот, чтобы ты, значит, несознанку тут нам долго не порол-не напоролся, соответственно, на нашу доблестную... Ну, я думаю, ты не хотел, чтобы милиция по-другому в чувство тебя приводила — отрезвляла со второй попытки... Знаешь, у нас тут киномент, как мы его зовём, кинолюб один есть, член городского киноклуба, ну неважно... Так вот он любит задавать, например, вопрос такой клиенту, в самом начале: «Вас освежить или освежевать?». Хе-хе... Насмотрелся в кино — мюзикл, забыл название... Ну и много у него хохм из фильмов... Ну так вот, хохолок сизокрылый... то, что я сказал, никакие не шутки. Ну вот ни капельки. Правда и то, что сказал я тебе не всё... но и этого хватит, надеюсь, если ты не полный дурбещело, доцент, чтобы ты меня понял: мы не творим произвол. Нам на самом деле нужно тщательно и не спеша проверить все твои так называемые фианиты без исключения. Я — не могу это сделать, и ты это прекрасно знаешь. Я другой специалист, а лупа у меня в руке, на которую ты всё время смотришь... это чтобы лучше видеть тебя, хе-хе... И гипнотизировать! Шучу... Это так просто, подарок, зрение садится, вот дочка и подарила... Это не монокль ювелирный, хе-хе... Поэтому не надо мне тут ничего доставать, распаковывать, сдавай всё на хранение, на хрен... Всё-всё, не только до единого ебанита, но и вообще все вещи... Отбери своё бельё или что там тебе ещё нужно на пару дней, тебя после этого обыщут как полагается, так что если спрятал, я не виноват.

— Так а... — сказал Славик, — а где я буду эти... два дня...

— Может два, а может три, знаешь как бывает, тут не предугадаешь, дело-то серьёзное — работа ювелирная, хе-хе... Где будешь,

где будешь... Вопрос, конечно. Вот, я же говорю, камеры у наших соседей свободные есть... Ну, ты как — ты не? Ну тогда у Веры на даче? Вера, пустишь человечка на дачу? На пару деньков? Твоя халабуда пустая ведь вроде стоит, ты сама мне говорила, возвели недавно, а стоит пустая... ну вот и пусть он там её немножко обживёт-надышит, а? Решётки на окнах нет? Это упущение. Ну ничего, я думаю, не сбежит... А то можно и на цепь посадить, хе-хе, к батарее пристегнуть, чтобы кот учёный... знаешь — это примета хорошая, чтобы кота в новое помещение первым...

— Только не к батарее, — сказала таможенница Вера. — Лучше тогда уже во дворе.

— Чё, в будке с твоим ваучаучером? — рассмеялся полковник. — Ладно, я думаю, не сбежит и так, не в его интересах от нас бегать — себе дороже... По окончании проверки получишь весь свой товар, не сомневайся. Если бы я сам так думал — что ты везёшь брили, я бы тебя, конечно, закатал в изолятор, да ещё бы спрессовал, хе-хе... Я лично так не думаю, но должен выполнять инструкцию вышестоящего начальства. Поэтому вот так. Компромисс. Задерживаем, но не сажаем... Разве что на грядку — как картошку, хе-хе... Ты знаешь, за что Карандаша посадили?

— А его посадили?

— Ну ты помнишь Карандаша, клоуна Румянцева?

— Да, конечно.

— Ну так вот, у Карандаша номер был такой: Карандаш выходил с большой такой картошкой, — таможенник развёл руками, — и садился на неё жопой. К нему подходил этот, как его... ну его партнёр, не помнишь?

— Собачка у него была.

— Да какая собачка... Второй клоун — спрашивал его: «Карандаш, ты чего на картошке сидишь?» А Карандаш отвечал: «Вся Москва сидит на картошке, вот и я сижу», — и таможенник захохотал, причём так, что Славик, которому уже точно было совсем не смешно... счёл было всё-таки благоразумным изобразить улыбку... Но не уверен был, что у него получилось, — глянув на отражение в чёрном окне, он отсюда не увидел чётко своё лицо, он, скорее, почувствовал, что губы его неподвижны, как после укола новокаина

в ротовую полость, и вспомнилось ему в этот момент подобное же фиаско — с изображением улыбки, — постигшее в конце фильма «О, Счастливец!» героя, которого играл Макдауэлл... «Тоже коммивояжёр был, кстати говоря... Наверно, это что-то профессиональное, — подумал Славик-Славик, — типа атрофируются в какой-то момент... мышцы... лица у нас, факт...»

А в это же время лицо официальное... да и всё тело всё ещё сотрясалось от спазматического, как икание, — хрюканья, примерно, как... «...тело кабана, да... или барана, — думал Славик, глядя на кабинетчика, — к которому пришили голову того парня... рыжего, ну да... О, лаки мэн, ты герой, ты в этот момент выпрыгнул в окно! Сквозь стекло, да, пролился на землю дождём... осколков, сбежал с транс-плантации, из клиники то есть... беги и ты, био-материал, беги... пока не начался настоящий хоррор... рабы не мы... здесь ведь тоже невысоко... и крыши тоже едут, как в последнем твоём сне... хоть поезд и стоит... да какое там стоит... ушёл твой поезд, комми... вояжер... и нечего терять... что думать — прыгать надо!.. но нет, здесь просто не решусь, не-а... не хватит хысту... и, значит, этот сон... Веры Павловны... или как там её... придётся смотреть до конца...»

4. Друг природы

Торцы этого всё-таки помещения... ну да — он же туда поместился в конце концов, и ещё место осталось... Примерно как в палатке, когда ты там один... или больше даже, свою-то одноместную — старорежимного образца из оборонного брезента... Славик вспомнил скорее потому, что торцы этого, скажем так, осторожно... «вместилища» были равнобедренными треугольниками с такими же примерно острыми углами — градусов шестьдесят, если не сорок пять, наверно... а как такового потолка — горизонтального, во всяком случае, не было: стены сходились над Славиком, и между ними шёл шов.

Нет, не шрам уже, и не «він шов» — со стороны Украины,.. а стык там был, который... и не рельсовый, нет — приехали, «...и стены склонились надо мной... — медленно завертелись в голове Славика слова песен... — Кто-то очень похожий на стены... давит меня собой... чёрно-красный цвет... Так что же она всё-таки сказала?.. Что сказала стене стена? Встретимся в углу!» — машинально вспоминал пробудившийся в тяжёлом похмелье дачник...

Таком тяжёлом, что даже слово «пробудившийся» тут как-то дребезжит у нас, чувствуете?

Каким-то прямо прободением, что ли.

Пока что не желудка, где, правда, тоже что-то горит синим пламенем, но тут — в контексте — пока что имелась в виду дырочка в другой оболочке — тревожного и недолгого последнего сна... незадачника, ну да... «Точно — Слава!..» Но скорее там было всё-таки прободение, чем пробуждение... с бодуна, ну всё, всё.

«А здесь они, стало быть, встретились на потолке, две стены... — думал наш горе-герой. — Хотя он же и угол, а может, упавшие, схлопунулись... простенки... хэээ... Ну вот такой потолок у нас заместо... уехавшей крыши... вагона... такой замес, в общем... комната, если её так можно назвать... странной, но объяснимой формы в принципе — если вспомнить, что это у нас тут чердак.» А Славик это вспомнил, наконец, глянув на верхушку... ели... или не ели,.. но какое-то там росло за стеклом достаточно взрослое уже, судя по всему, хвойное дерево... «Хотя всё же назвать “чердаком” нельзя», — решил он окончательно, оглянувшись... «...Светёлка, да... чистота-уют, плёнка “под дерево”... или даже само дерево... дуб, что ли... сам ты...» (Чердак в сознании Славика навсегда, наверно, останется чем-то другим: грязно-сырым, с крысами, штабелями изгрызенных досок и т. п.)

«...И даже слишком человеческий... чердачок, — думал он, — такой, что, кажется, под него ты и был заточен... всей предыдущей жизнью... То есть ещё не гробик... вроде бы как... хотя — you never know, конечно... куда это меня-тебя восадули... в ДСП-ли, в дубли... назначили или врезали... или сам — в звёзды... самострой-индпошив-саркофаг... или там — ар-деко, бардачок-нуво-анабиоз... автодепо... запасная часть, ага, внутренние органы... фискальные, ну да... пенал-пенял, на себя... или от себя — крышку толкни, да... снимай штаны и бегай, дорогой... г’аварят, что кур даят...» — бормотал он теперь почему-то с кавказским акцентом... Ну вроде как просто для прикола... Хотя какие там уже, казалось бы, приколы... когда сжимаешь руками раскальвающуюся надвое башню, а потом проводишь дрожащей (то ли сама по себе, то ли от шероховатостей этой, на ощупь, всё-таки древесины, да) ладонью по наклонной плоскости... немного не дотягиваясь до шва его, если не горизонта... нет, там был шов всё-таки, срослось... сажайте — и вырастет... и будет вам, на чём сидеть, карандаш-картошка... Са-ма садик я сади-ила, сама буду поливать...» — последнюю строчку как бы даже услышал он, и при этом не мог бы сказать, кто поёт в этом переходе, допустим, что из сна в явь... Оля, которая столько раз курлыкала это где-то вот тут же, под боком... или хозяйка дачи, женщина... условно, не та, что поёт, нет, только смех у неё слегка... насколько помнится — ему... Она завезла его вчера сюда на своём или на служебном, кто же знает, где у них та

грань-шов-шла... то ли джипе, то ли «бобике» — Славик как-то особо и не присматривался, а молча сел в машину и поехали — играли в молчанку... пока в какой-то момент задержанный... на самом деле случайно, ну тут уж мы ему поверим, ладно, читатель? — прикоснулся к руке конвоирши... да просто пошевелил конечностью, а потом опустил её туда, благо наручников на нём не было, вот и опустилась сама между передними сиденьями... не заметив, что её рука там тоже присутствует, а может, решил, что это он касается не руки, а чего-то другого... гармошки у основания... ручки скоростей, ну да.

В общем, не стал забирать свою, потому как...

Да нет, он уже понял в принципе, что там, как бы, живая рука... Ну, просто не знал он, бедный, что ему теперь делать, поймите... чтобы кончилась война — как лучше поступить, заступит-не заступит, ручка это или заступ... запутался, короче, в нейронных сетях, было непонятно уже-ещё-ему — что было раньше то есть, не она ли коснулась его первой.

В общем, когда случайно его рука оказалась в контакте с другой рукой, её обладательница сказала: «Не чіпай».

— Простите, я случайно, чесслово, — сказал Славик, отдёргивая руку — как от тока... и чтобы сразу переключить реле, начал было: — А вы шо, розмовляете...

— Если ты думаешь, — прервала его она, — что всё это из-за меня, то ты ошибаешься. Всецело инициатива Андреича.

— А он говорил, что у него так называемая наводка... — вымолвил Славик, — что он... выполняет приказ, я так понял...

— Приказ-то приказ, — сказала таможенница... Вера, да, — но как их выполнять, он знает... лучше всех. Короче говоря, я-то уж точно приказ выполняю Максима Андреевича Иевлева, просто чтобы ты знал.

— Приказ снять меня с поезда?

— Ну, не тебя лично... Но такого вот, как ты, продавца, с камнями этими полуложными.

— Ясно.

— Ясно ему... Но ты меня и насмешил, конечно, пассажир, этими своими «лучшими друзьями дзэвушек».

Славик повернул к ней лицо и увидел, что она беззвучно, что ли, смеётся.

Шрам был сейчас с другой стороны, но профиль её всё равно выглядел довольно брутально.

Хотя и не так страшна была эта Бругильда — с этой стороны, конечно, как с другой или в анфас — где шрам, боевое ранение, или следствие чьей-то команды... «фас!», ну да...

— Я просто знаю, что ты подумал, — сказала она, — да и сейчас думаешь. Я это чувствую.

— И что же я подумал?

— А то, что я тебя построить решила.

— Как это — построить? — сказал Славик. — Я же не полк.

— Ну и что, зато ты теперь сын полка... Ха. Как взрослая женщина мужчину... Ну не делай вид, что ты не понимаешь... Ну не люблю я эти фальшивые... движения... ручка на ручку... глазки в газики... усики-в пусики... тьфу. Поэтому скажу тебе сразу: это я просто так тебе подыграла слегка, в поезде... не удержалась, когда ты запел песню ВИА-гры — саккомп... пио-понировала... вот ведь, зайкой тут с вами, блядь, скоро стану.

— Да эта песня родилась ещё в сорок девятом го...

— Да хоть в сорок первом... Вставай, страна огромная... По хую мне твои песни, понял? Я с поезда тебя ссадила за твой товар, а не за песни твои.

— Ясно, — кивнул Славик, — не волнуйтесь... как не понять, когда всё так, без обиняков, спасибо... То есть... я хотел сказать... я имел в виду... А кстати, вот... откуда этот шрам у вас, можно спросить, что случилось?.. Неужто... контрабандисты?

Она презрительно хмыкнула и ещё больше увеличила скорость.

— Да как тебе сказать... скорее свои собственные... Родственнички, блядь... Пилили меня... — она вдруг вцепилась в руль и сделала резкий манёвр, объезжая шатнувшуюся впереди чёрную фуру, и прочистила горло матом, выпаленным в ночь как бы трассирующей очередью...

Славику и в самом деле показалось, будто у неё вылетали изо рта огоньки... пока он не понял, что это у него летают искорки — давление, волнения... и пламенный мотор... может забарахлить от всех этих дел, легко, да....

— Да, так о чём мы с тобой говорили? То бишь с вами... А то и тебе меня надо называть на «ты», а я при исполнении, так что лучше мне тебе не тыкать... Мой твоя... Понимаешь? Ничего личного, пассажир. Только работа... работа у нас такая... — и она снова резко

повернула руль, так что Славик почувствовал перегрузку, — была бы страна... Страны уже, правда, нет...

— А работа есть.

— А то!

— Я спросил про шрам... Может быть, это было бестактно, простите, в смысле нетактично... И вы ответили, что вас, как бы сказать... — Славик замолчал, с удивлением почувствовав, что в нём шевельнулось что-то вроде жалости.

— А, да... В прямом смысле. Ты подумал, что меня пороли... жарили... Да не, родственники меня давно уже не ебут, я сама могу теперь кого хошь... живьём зажарить, хха... а это след — они меня реально пилили тогда — положили на стол циркулярки... подтащили за ноженьки-за рученьки, я ещё зелёная была... Да ладно... Не хочу тебе рассказывать всего, это ж моя наследственность, тебе, пассажир, она ни к чему, нам с тобой детей не крестить, хха... Так бывает, народ такой у нас, родственные чувства переспели... Люби как душу, пили как грушублоню... Могла бы пластику сделать, наверно... Но как-то привыкла... Да и такие, как ты... меня с некоторых пор вообще не колеблют... Это информация, чтоб ты, блядь, не рыпался и не рассыпался тут... и не елозил... не люблю я это... Сиди смирно, короче, не завтра-послезавтра Максимыч сам к тебе заглянет и объяснит, что дальше делать.

— Делать? — удивился Славик, — как это — что делать? Он же сказал, что проверят камни, и всё...

— И чё? Что — всё? Откуда ты знаешь, какие будут результаты у проверки?

— Ты хочешь сказать, что мне подбросят настоящие, подмешают к фианитам... Но такого же не бывает, или ещё не было, по крайней мере... Это же не героин, оружие... это что-то новое...

— Жизнь не стоит на месте... И смерть тоже, кстати. Никогда не думал об этом?

— Честно говоря... нет.

— Ну ладно, я и так тебе слишком много сказала. Меньше знаешь — лучше спишь.

— Как сказать...

— А вот я тебе говорю, — сказала она, остановив машину. — Приехали.

Они сидели на кухне, которая казалась больше, чем весь дом снаружи, что-то эшеровское, да... Может быть, из-за протяжённой лестницы, разворачивающейся с площадки у плиты вверх и в стороны над тонкими колоннами...

Славик давно не пил чистый спирт и совсем не лишним было то, что Вера напомнила ему инструкцию: никакого контакта с воздухом... Да он, впрочем, быстро всё вспомнил.

Правда, теперь «чистотел», как она его назвала — в шутку, чистотел ведь яд, если его внутрь, да... а этот пока не убивал, но действовал сильнее, чем двадцать лет назад, или когда он его там последний раз употреблял... И вот уже после второй — маленькой, вроде бы, — стопки Славик стучал бутылкой по краю стакана — они решили перейти на стаканЫ, ага, и поражался, что спирт не льётся... огненная вода застыла, да... в какой-то тёплый дрожащий лёд... или это в бутылке застряла... медуза... пока Вера со смехом не забрала у него из рук бутылку и не вынула из горлышка прозрачную пластиковую пробочку.

— Ты готов!

— Всегда готов!

— А, ну да, забыла. Лучший друг девушек: Сслава Готовчен-

ко! — и она расхохоталась так, что Славик немного протрезвел, что-то вспомнил, подумал и решил:

— Вера, может быть, ты всё-таки скажешь?

— Что я тебе должна сказать?

— Что мне надо будет делать?

— А... Вот ты о чём... Снимать штаны и бегать.

— Не, ну я серьёзно?

— Так, а я?

— Так ты же сказала, что ты любишь... не мужчин.

— Я такое говорила? Я просто давно не вижу мужчин, хха...

Ну, неважно, — она вдруг поправила форменную юбку и вообще как-то отряхнулась, — дело не во мне, пан Зюзя... или кто ты там, Сосновский? Пан Заноза, ха... Штаны надо будет снять с вас для официальной проверки. Не понимаете? Ну ладно, расскажу, раз ты просишь, так и быть. Куда ты смотришь? Это очень дорогая керамика, разобьёшь — убью нах. Не смотри на неё даже так! Так, внимание-внимание! — она постучала ножом по стакану, — говорит Германия! В общем, Макс Дреич наш тут как-то... поймал под мостом... условно говоря — ну ты видел наш мост, проезжал, или не... ты же всё проспал, блядь...

— Ну да... но и темно ведь... я бы, если и не спал, всё равно ничего бы не увидел...

— Да не, мост старый это так... приплела, ладно... тут на самом деле другая тема, сейчас поймёшь... Аксим Ан-дреевич наш, короче, поймал кавказита с хуем бриллиантовым, как та рука, прикинь... Ну не, он уже не забинтованный был, зажить успел... и пожить... Чё смотришь, как теля, мы тоже заживём ещё, пассажир, не дрейфь... Ххачик... Ну какой-то вор, решивший, что он теперь в законе, хха... Накупил брилликов, поехал в самый крутой госс-пытАль... И там ему имплантировали их в его чёлн, ну а чё... украсили гондолу, понял... Ну, типа пирсинга, понимаешь, нет? Ну чего ты, тупой? Или не веришь? Ты что, не знаешь, что сейчас делают уёбки — кольца себе туда вешают, и как гранаты потом они у них с чекой, ха... Не видел? А на Западе и не такое, я вот по телеку недавно... Но про зэков ты же не мог не слышать, зэки закатывали себе шарики под шкурку... подшипники... это старые варианты, пассажир, ты не мог

не слышать... А тут солидол, представь, самэц, х-ха... решил вставить себе туда алмазы по кругу — как в часы, ага... Пирсинг из перстней на двадцать первый перст... Ха-чик, я ебу... Двадцать штук стоила операция, да самих камней — штук на двести... с гаком... Вот, и у нас была наводка — одна писюха, которой кавказит пиздёнку порвал каратами... нашла коза на камень, ха... Ну, чё язык проглотил?.. О чём думаешь, хохляцкая твоя морда? — и она засмеялась... вроде бы даже добродушно.

А Славик-Славик думал в этот момент о родовом бессознательном... Он вспомнил, что это не Юнг запустил безобразный образ... в оборот, а Фрейд... «Это у неё какая-то инверсия... — подумал Славик, — *vagina dentata* вывернулась наоборот...»

— Хороший анекдот. Я раньше не слышал.

— Анекдот?! Я ему правду-матку режу — как есть, — сам же попросил, не терпелось ему, видите ли... Слушай дальше, внимай: я его с поезда ссадила, как и тебя, ну только он упирался, но у меня с собой мальчики на то есть, ты видел... Видел?

— Да.

— Хха! Рога обломали... горному козлу, привели к Андреичу, стянули с него трусы, глянь, а там... хха... Ха! Прикинь, пассажир, он был обрезанный — у хачика, ну как у араба или еврея... и сиял, как будто на нём корона российской империи... Прости хос-споди, конечно... Ну как из палаты грановитой, или там — оружейной сбежал скипидар... тьфу, ну скипетр, всё подтвердилось, короче... И тогда мы... — она опрокинула в себя немалое ещё содержимое стакана и замолчала, не давая спирту соприкоснуться с воздухом и с интересом глядя на Славика.

— Что — вы? — не выдержал он.

— Ну, догадайся с трёх раз. Отрезали, конечно! — выпалила она. — Ну не будем же мы выдирать камни из живого зверька — за кого ты нас принимаешь, живо-дёры мы, что ли. Ну и хачика потом закатали в братскую, га, раствор-бетон, клей-момент и монумент... сам понимаешь... проверили, конечно, перед этим... — и она посмотрела на Славика многозначительно. — Что проверили? — А вдруг кавказит алмаз успел вставить и в аналы родной природы... Но не было ни фи́га там, не... — она прочертила рукой в воздухе туда и

сюда. — Напрасно мы его дальше... это... кромсали... во... Ну и вот... Всех делов-то... Ну чё, доволен теперь? А что я тебе говорила? Меньше знаешь, лучше спишь, гражданин Сосновский, — добавила она вдруг совсем другим голосом.

— Но это же шу... — не договорил Славик и взял свой стакан, где-то на четверть ещё полный.

— Не поперхнись, — сказала Вера. — Вот так, ты понял теперь, почему мне... немного так весело стало... когда ты сказал, что у тебя там лучшие друзья девушек, — и она залилась таким смехом, что задрожали стёкла... и Славик тоже... стал как будто вдруг стеклянный — ну то есть весь, и не то чтобы задрожал... но сильно вздрогнул... и поднося уже было мягкий от пота стакан к остекленевшему рту, передумав, поставил на стол.

— Пей-пей, пассажир! — сказала она, утирая слёзы. — Пей, сука, до дна, я сказала! Ты что, думал, спирт рождественский на халявку просто так тут дают, да? Да потому что тебе предстоит — ну ты теперь знаешь, ампутация... после спиртического сеанса, хха... — и она поперхнулась смехом.

«Да это бред, конечно... это пиздёж — dentata наоборот, которая была чем-то вроде архетипа входа в ад — врата, брама, так... А что, если я и впрямь заехал... в такой колхоз, паспорт забрали... бессознательного... рабства... Рельсы-рельсы... шпалы-шпалы... вышел поезд запоздалый... Может всё-таки похлопать её между лопаток... из последнего вагона... вдруг посыпалось...»

— Ты выпил? — сказала она, — маладец... В общем, чтобы формалин на тебя не тратить. Ну, а теперь давай, показывай свои бриллианты... диктатуре денатурата, хха... Вот ещё есть, налью, а ты давай-давай теперь — окунай... их в стакан, говорю, чтобы всё было гигиенично...

Славик встал и, покачнувшись, схватившись за стол... всё же выпрямился и сделал, по крайней мере, такое движение — руками, как будто начал растёгивать змейку...

— Ты чё, совсем охуел?! — закричала таможенница ещё громче, чем перед этим она смеялась, — что называется, на всю ивановскую... откинувшись на стуле так, что Славику показалось, что она сейчас полетит... в смысле — упадёт... Но не упала, а: — Поверил?! — ра-

достно кричала она, — а-ха-ха, ой, я не могу, держите меня... Что я сейчас буду пилить его сучок... Ой, я не могу, держите меня... Я тебя купила! Смотри-смотри, Зюзя, вон у меня в банках... Соленья, думаешь?.. А ты присмотришься... Я их собираю! Ха-ха-... хха...х...

И когда он теперь вспоминал её разносолы, всё это плескалось там заново, и плясало у него в желудке и на сетчатке в такт сердцу — все эти колбы и банки с головами и с половинками голов, и с половыми органами — уходящие по спирали вверх и в стороны... И Вера вела его вдоль них под ручку по балюстраде — «ах, вернисаж, ах, вернисаж...» — выше и выше, разрывая перепонки хохотом, и там — уже где-то под самым куполом... что-то она ему показывает «гвоздь программы» — банку с гомункулусом, что ли, у которого уже и зубки прорезались перламутровые, ага — агугушеньки... или... это и была *vagina dentata*... Не может быть... Но явно же что-то там было под конец, изюминка, чья-то пункция, пунктум... Славик не мог точно это уже вспомнить, сон растворялся... сейчас вот мелькнуло что-то похожее... на черепаху, разбившую стекло... и стеклянные трезубцы лежали на паркете... тортилла шествовала дальше по деревянному полу, оставляя мокрые следы... Лапы или ласты... и что у неё с глазами... изюм или алмаз... и вдруг Славик понял, что вместо головы у черепахи — знакомый ему член с горбинкой, он узнал его, ну да, это был он, конечно, его старый дуралей, который улыбнулся ему и подмигнул... И вся черепаха остановилась... и прежде чем спрятать пенис в пенал... т. е. панцирь — а он уже начал туда втягиваться, так что у Славика было время... вспомнить что-то из Воннегута — кто-то там у него в романе уже после того, как изобрёл атомную бомбу, заинтересовался другим вопросом естествознания... вот именно — куда девается голова черепахи... когда она её втягивает под панцирь... ну вот куда... она там девается в самом деле, если там уже есть — туловище... забросил физику, занялся этим новым вопросом...

«Задавать всё больше нам
стали почему-то,
нету времени читать
Курта Воннегута!» — пропел хор первоклассников...

а потом: «Ну так что, гражданин Сосновский, — на щите или под щитом?» — громко произнёс вдруг чей-то голос, и Славик проснулся.

Потому что перед этим заново заснул... причём последний сон принёс облегчение... Славик высунул из-под подушки нос — а потом и всю свою голову, в ту же фанерную каморку то есть, но уже не с такой болью в этой самой голове... головушке, да и во всём теле — попустило, чего там... все головешки его не так жалобно теперь потрескивали, как в предыдущее... его прободение... и Славик глянул на верхний угол — на шов между стенами, — над собой то есть... осовелыми, но всё-таки теперь уже немного и другими... глазами хрусталиками, ну да.

Комната, когда он провёл взглядом по её нижним углам... как и в предыдущее пробуждение, напомнила ему палатку, но теперь он видел, что это всё-таки преувеличение... или точнее, преуменьшение той роли... да и в палатке теперь тоже был для него какой-то, что ли, позитив — мерцал, по крайней мере...

Вспомнилось Славiku то есть, как он ставил её на море — одноместную, ну да, колышки — в гальку... и галькой вгонял, найдя побольше... её это, кажется, возбуждало, зрелище, Олю, да... и вот туда они легко помещались — с Ольхой... и так им было хорошо там, что потом, когда всё стало по-другому — через много лет, — и уже не у прибоя, а в сухопутном Харькове... Славик иногда думал, не поставить ли посреди комнаты... палатку, чтобы с помощью такого нехитрого... магического действия, ну да... вернуться в шалаш и там увидеть другую Ольку и её глаза, горящие в ещё меньшем шалашике её волос.

Ольгу с глазами-угольками, да... а не с этими её... матовыми, ничего не выражающими — которыми она на него теперь недобро смотрит, если не спит зубами к стенке.

А в промежутках между своими челночными путешествиями Оля спала поразительно долго — влетая в квартиру, почти сразу падала на кровать и впадала в летаргию...

Славик, возвращаясь из собственных поездок, заставал каждый раз её спящей, а квартиру — ставшей ещё более похожей на свалку...

Большинство Олиных товаров не продавалось — или Славiku так казалось? — Оля ведь сердилась, когда он это говорил.

Ну и что, чего ж казалось, когда на самом деле навсегда «застревали» в квартире и заваливали пол целые «партии» добротных, по крайней мере с виду, туфель, например, мужских, «лодочек» с плетёным верхом — «мокасины из Неаполя», да-да...

Это было самое странное застревание товара, наверно, непонятно было, почему их не брали, такие аутентичные, и по такой хорошей цене...

Чего нельзя было сказать — что это было так уж странно... о женских пальто местной фабрики, которые побывали в Китае и вернулись, — двадцать четыре, что ли, бежевых шинельки, да... которые в Китае «по идее» — по словам то есть Олиных советчиков — были нарасхват — «их разметали»... а Оле просто не повезло — то ли попала не в ту провинцию, то ли опять-таки «проруха»... да и вообще, «восток дело тонкое...».

Славик уже не мог слышать это: «И на старуху бывает...» — слова, которые Оля повторяла очередной раз.

Впрочем, когда Славiku кто-то из друзей-медиков объяснил истинное значение в поговорке этой самой «прорухи», он старался... так, по крайней мере, не думать, а то совсем уже как-то получался... странный образ, да.

Да и Олю убедил не повторять это, и она держалась... По крайней мере, пока не прилетела вместе с ней — обратно из Китая — стая пальто, и вот это была уже всем прорухам проруха, когда ясно и без слов, что тут уже вслух то есть говори-не говори, всё едино.

Ну да, это было самое идиотическое, наверно, из захламлявших квартиру скопищ...

Да чего там только не было у них теперь в квартире — от чего Славiku и хотелось бы, может, отгородиться защитным слоем... палаточным брезентом, по крайней мере, ну да.

Утюги для Польши, люстры — из Польши, «люстрация, за что боролись...», бессмысленно бормотал он, спотыкаясь о них — об эти и другие коробки... или нет, из Болгарии-Румынии, все эти скрипучие турецкие кожанки... И так — вплоть до металлообрабатывающих станков... всё для той же братской Польши, кажется — СолидарноЩь, да-да... Правда, в одном только экземпляре и в деревянном каркасе, и этот самый станок Славик, несмотря на протесты Оли,

всё же выдвинул на балкон — там тогда ещё было свободное место, — опасаясь, правда, не рухнет ли балкон от тяжести — вот это была бы проруха... на чью-то невинную голову, да... Но запали в память больше всего невесомые пальтишки почему-то, которые вернулись из Китая — двадцать четыре, что ли, махая рукавами, как птахи...

Как перелётные гуси, да... слетали туда-обратно, обернулись... той ещё прорухой — у бабуси, ага...

Есть хотите? Кажется, они были не бежевые, и не серые, и не бордовые, а светло-коричневые... Да нет, болотного они все были цвета — он вот припомнил, и, разбросанные повсюду, и в то же время призрачные, как та шинель... или скорее даже — как сам Башмачкин... Эти пальто, да, придавали всей этой глобальной прорухе ещё большую схожесть с болотом, из которого торчали носки «лодочек» из Неаполя...

Славик то есть уже ко всему вроде как привык, но эти старушечьи пОльта, которые быстро расползлись по всей квартире...

При этом две или три — а иногда и четыре — полушинели одновременно присутствовали и у них в постели — ими Славик и Оля накрывались в дополнение к одеялам, — поверх, ну да, потому что времена становились всё более холодными, и чем ниже опускался столбик термометра, тем меньше топили, маленькие батареи были практически неотличимы по температуре от всех остальных предметов в квартире... Ну может, чуточку, если подержать руку, то можно было почувствовать тепло, т. е. слегка... А может, просто рука уже нагревала немного это место ледяной в других местах батареи... И в их двуспальной кровати гулял холодный ветер, и ночевали сразу несколько призрачных полупальто... или нет, они были полными — по длине, пальто, да, но всегда — полыми, «ненадёванными» то есть, их так никто и не надел... тонкими на самом деле — не толще байковой рубашки.

Оле её друзья, или коллеги, челноки, в общем, сказали, что в Китае — нарасхват... Значит, наврали... не специально, конечно, просто брехня это всё... Челночные «сарафаны» — это испорченные телефоны, мало ли что они тебе скажут, говорите и вы... Так ведь и другой товар застревал у них в квартире, потому что другой слух не подтверждался, и так же точно не распродалась и китайская дребедень, и вообще почти все вещи, что Оля ввозила в незалеж-

ную краину... Но всё же, когда он проснулся впервые вот именно посреди пальто, которые отвергли женщины Китая — вопреки всем русским «сарафанам», — то в первый момент они показались ему обрезками одной материи, какого-то серого единого вещества... пока, присмотревшись в полутьме, он не увидел, что это.

И что эти самые... пальто — обнимают рукавами его Ольгу, сливаясь с ней в какую-то и впрямь в сумерках... кажущуюся сплошной, ну да... какую-то уже просто до хохота — до коликов — гоголевскую... материю.

Ну да, ну да, у Славика мелькнуло тогда в голове, что это уже... что это какой-то совсем Шпоньковский сон, ну конечно... «Какой прикажете материи?» «Вы возьмите жены, это самая модная материя! очень добротная! из нее все теперь шьют себе сюртуки» и т. д.

Сплошной Гоголь то есть, да... во всех своих реинкарнациях, вплоть до — «think locally, fuck globally», ну да, ну да...

В общем, так они и жили — он колесил по России... на тройке без бубенцов, а Оля с другими челночными бабцами и бубенцами — по всему остальному миру... А почему не вместе?

Ну, во-первых, реальные деньги приносили всё-таки его поездки — поначалу с другим товаром, начинал он то есть с запчастями, все эти решётки из Тольятти — на радиатор, а потом рули и т. п. Потом уже пошла «наглядка», т. е. таблички для больниц, школ, частных офисов, домов культуры и министерств... Сначала как запасной вариант — в дополнение к рулям и решёткам, но оказалось, что рулит-то — наглядка... выгоднее, да... И про запчасти Славик как-то постепенно забыл — чтобы ещё через три года забыть и о наглядке, и продавать уже только кооперативные фианиты без оглядки... и врассыпную, что мы успели довольно подробно описать в своём изложении, см. выше.

А Оля смотрела на большой мир большими глазами, и в лучшем случае при этом «отбивала бабки», пеняя на вечную «проруху».

«Шорох орехов», — говорили, когда человек вот так что-то там и сям перепродавал, а в результате получал — и это ещё в лучшем случае — то же, что и потратил, т. е. пшик, ну да.

«Люблю шорох орехов!» — фраза из старого фильма... Славик уже и не помнил, из какого... Но не раз повторял это, глядя на квартиру, всё больше заполняющуюся всемирной шелухой.

Гостям... хотя никаких гостей у них давно уже не было, как-то не до гостей было, да... за исключением, разве что, тех же Олиных челноков, которые иногда заходили за ней на секундочку, чтобы сразу умчаться вместе в сторону Турецко-Польской границы или Татаро-Монгольской Стены...

Но вот что-то там произошло за время распространения «сарфана», какой-то сбой, что ли, в китайской матрице...

Так или иначе, и что бы там ни было, а ни одно пальто никто не купил, ни одно... И Олька, со зла, что ли, решила не выбрасывать их там же, а «на зло кондуктору» притащила из Поднебесной обратно в Дикое Поле, где их уже не то что за гроши, но и даром брать не хотели, она пробовала подарить соседке — старухе Семёновне — но та сказала: «Да на что оно мне, тонкое такое, одна видимость, тока дом захламлять. Не, не надо, мне мой зипун греить...».

Славик лежал с закрытыми глазами — спешить, да и вообще идти — было некуда... и какое-то время он вот так подробно вспоминал тот период полураспада, когда Оля стала ездить-плавать-летать во всё более дальние земли, а он — колесить по соседней... Но его товар не захламлял квартиру! Даже запчасти — для них был пустой гараж друзей, договорённость.

А свои сумки-баулы Оля не хотела везти в гараж — далеко, и там было бы им, что ли, сыро, по её словам... и они должны были быть всегда под рукой — схватил и поехал, караван идёт, не зевай.

Славику казалось, что вслед за пальто в их постель вот-вот полезут китайские игрушки и другие предметы Шёлкового пути, включая и швейные машинки и деревообрабатывающие станки.

А сейчас, лёжа на таможенной даче, как Ленин в Польше, — или где там он лежал — в шалаше, — а в школе у них в коридоре стоял такой макет, как бы в аквариуме, и шалаш там был внутри, да, но вот выглядывали ли пятки оттуда, Славик точно не вспомнил... Он подумал, что их квартира в то время была похожа на плотину, перед которой застревают разные предметы и ветки деревьев, и мусор... или вот ещё — на иллюстрацию к популярному учебнику для медицинских ВУЗов по психиатрии, который написал один его старый знакомый и который он листал на самом деле уже через много лет после челночной эпохи... и почерпнул оттуда — что есть,

оказывается, такая болезнь, известная науке под названием «мессии» — от «месс», «беспорядок» на некоторых языках, и симптомы этой болезни визуально вот именно такие.

Т. е. так выглядело и словесное описание, и фотографии в учебнике по психиатрии квартир этих самых «больных»...

Впрочем, себя тогдашнего Славик не считал мессии... он-то пробовал с этим бороться, он, можно сказать, воевал, да... Хотя война не кончалась никогда и всегда кончалась ничем: огромные баулы прибывали, выбрасывая, как экскаваторные ковши, своё содержимое на пол.

Да, прямо на пол сыпались жесткие куртки из Стамбула... и мягкие бесшумные туфли из Италии,.. и женские пальто харьковской фабрики «Суровая нить», которые мало грели на самом деле — просто Оле нравилось их иметь под рукой, под ногой, на спине... в общем, в кровати, ну да, спать вместе с ними, заворачиваться в них...

И Славик поставил ей задним умом и числом диагнозов — «мессии», а тогда он ещё не знал даже, что есть такая болезнь, и таких слов он не знал соответственно... но о чём-то таком интуитивно догадывался... как и о кое о чём другом, кстати говоря.

В общем, все его уговоры начать новую жизнь в чистой убранной квартире, кончались ничем: «Ничего страшного», — говорила Оля, поворачиваясь на другой бок и подтягивая к себе одно или сразу два пальто, и да — всё чаще сопротивляясь, когда Славик начинал разматывать, снимать с неё эти слои, чтобы заняться... давно уже только в миссионерской позе... — думал он теперь, — это был туповатый и скучноватый... секс посреди сонного войлока мира, конечно... половая жизнь и её глаза — на потолке... и неподвижность её тела... бревно-бревном, но и — бревно в бревне, да... Почему-то стояк был деревянный, привычка, ну да, вторая натура... и вот эти его движения... посреди всех этих женских пальто... посреди склада... как будто это всё-таки были мужские шинели... и он, идиот, упрямо пытался сшить всё это вместе, одновременно и как швейная машинка для Польши, и как деревообрабатывающий... для неё же... А во что это можно было... сшить?... Да хоть во что-то... «И что из всего этого следует? Следует: шить...» — но это уже пела совсем другая Оля, т. е. та ещё — в раю палатки...

И всё-таки эти занятия любовью держали их вместе без кавычек, так чего уж теперь на них напраслину возводить и брезент натягивать... Ведь в то время Славик не выжил бы, наверно, без Оли... Вторая половина была как вторая натура, а первая так много курила — он тогда то есть дури так много курил, что... была ли вообще первая — был ли... спорный вопрос, мальчик... но ясно же, что Оля была тогда его связью с материальным миром как таковым — материя-жена, саме так.

В общем, время было такое мутное, что каждый из них плохо представлял, а что собственно ещё есть — за пределами их двуспального плота... есть ли там вообще живая жизнь, живая плоть — вон там, сразу за их плотинной — перед которой застревают эти самые партии... товара, ну и что же... И очень даже может быть, что Оно... да, вот оно, то самое, что там чавкало иногда — за краем, и впрямь... сглотнуло бы его и/или её с потрохами, на хер, и даже не поперхнулось.

При мысли об этом «It», смеющемся смешком трясины, Славик вспомнил о своём настоящем... но мельком, он отогнал это, ему хотелось ещё побыть там, в памяти у себя, как перед этим во сне — и уснуть и проснуться там, да.

Хотя... Что там было такого... Оля, в отличие от него, уже тогда была взрослой девочкой, она претерпела метаморфозу, она успела где-то — в какой-то стране — сменить кожу на саламандровую — не путать с туфлями, и теперь, гоняясь за своей удачей, ультрамарин не ухватила за хвост, нет... но, по крайней мере, теперь уже точно — как в той же песне «Машины», которую когда-то она пела под гитару... и в воде не плакала, и в огне почти не горела, да.

Впрочем, плакать плакала эта саламандра... иногда и без ледяной воды, например, после каждого второго миссионерского... Ну да, кто её поймёт — это у неё такая «реакция на оргазм» — как она объясняла, или это она снова жалеет кого-то...

Как-то, когда она... долго как-то так плакала и не могла выплакаться... и Славик спросил её, она призналась, что ей жалко одного челнока, так жалко... «Такой хороший и — хромой...»

Ну что-то у него с ногой было, с детства, Славик уже и не помнил, что именно... и как его по имени... Ещё со времён круиза, в котором Оля и познакомилась с этой флотилией челноков (большей частью,

кстати, женщин, но и мужчин там было, скажем так, достаточно), она утверждала, что ничего кроме «бизнеса», ну или там дружбы... не было у неё ни с кем никогда... «С кем? Да ты что? Да он же импотент!..» — и т. п. Такие то есть аргументы у неё были всегда наготове, или другие, и Славик ей верил — почему-то (абсурдно ведь), хотя и понимал, что нельзя в таких вопросах верить женщине, да ещё жене, да ещё и... Ну да, когда никакого бизнеса на самом-то деле нет — всё вхолостую, шорох орехов, какая там ты бизнесмен, дорогая, если по-чесноку, когда каждый блин у тебя — первый ком, вумен... И не это ли... и есть тот самый — «шорох орехов», который тебя во всём этом деле щекочет, нет?

«Вот так они и жили... — думал он, — очень весело, да... Что там было в первоисточнике... ещё перед “самой модной материей”: “Тут его берет тоска”..»

Тоска, ну да, ну да, конечно... пора на улицу, там солнце... по-смотреть, что там у чудовища растёт... «Оно», конечно, глянуть... сад какой-то всё-таки, грядки, наверно, колодец... Пора в здесь и сейчас, какое бы оно ни было... а источник этого бессмысленного провала в прошлое с похмелья... конечно, это всё Гоголь, брателло, причём настоящий, т. е. фатально-фрактальный: «Он бросился бежать в сад; но в саду жарко. Он снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице. Полез в карман за платком — и в кармане жена; вынул из уха хлопчатую бумагу — и там сидит жена...».

Ну да, не сразу, он ещё немного полежал с закрытыми створками век... Ещё какое-то время казалось ему то есть, что он видит Олю... принявшую напоследок уже окончательно вид стаи... полушинелей-полупальто, развешенных на верёвках... в их более чем просторном салтовском дворе... вдали — бетон с тёмными потёками... с салатных пальто стекает вода на асфальт, они свежевывстиранные... и деревянные прищепки на них... и всё это теперь уже выстраданное, конечно... простирадла... и даже уже не свежо... это предание-приданое... и зачем тогда копать в нём, хэээ... т. е. в них-нас, забудь уже это всё, нифнаф... и не ройся в собственном чужом белье, Полишинель, и дались мне эти пальто, нах... — и Славик вслух повторил: «И в шляпе сидит жена... полез в карман — и в кармане сидит жена...» — после чего он вынырнул, наконец-то, из прошлого в ещё более странное настоящее...

Что его удивляло — это форма сейфа (на фоне звучавшего в нём машинального: «...что, и там сидит жена?!»), перед которым он теперь стоял — сейчас, спустившись, пока он бормотал наш текст, по винтовой лесенке пока что только на один этаж, осторожно пройдя в одну из комнат «халабуды»... Он заметил там в углу, между комодом и окном, странный сейф: высокий и узкий, похожий больше не на сейф, а на футляр от чего-то... Чего?

Хотя это был строгий параллелепипед, но всё равно... Он вспомнил, как недавно прочёл по-английски на пузатом футляре, который был на спине маленькой девушки-пони, где-то посреди Москвы, он пересаживался, с самолёта на поезд, ну да, с собак на оленей, в подземке...

«Это не контрабас, а виолончель, — было написано на футляре на английском. — Да, вы совершенно правы, флейта была бы намного лучше — легче носить, и всё-таки в этом футляре находится именно виолончель.»

Лица девушки он не вспомнил, но сожаление, которое испытал, когда уже вышел из вагона, — прекрасно вспомнил и... даже ощутил.

Хотя его никогда не тянуло ни к иностранкам, ни в эти их... иные страны, раза два съездив вместе с Олей в какую-то Чехо-Грецию то есть, в самом начале её карьеры... он потерял интерес к международному туризму.

Оля уверяла его, что это просто «комплексы», может быть, она была права... Но он постановил себе сегодня не думать больше об Оле, да... Так вот: к девчонке с виолончелью его потянуло, как будто у неё там в футляре лежал огромный магнит... в метро, и во все не из-за преклонения перед иностранщиной, а... как-то всё это его тронуло, что ли, ну да, всё вместе, надпись на футляре и само сочетание — огромный футляр (который он и в самом деле, пока не прочёл, принимал за контрабас) и маленькой девушки, мелькнул этот хвостик... а может, всё-таки эта была контра-бандистка... — попробовал улыбнуться Славик-Славик.

Теперь он стоял как бы на совсем другой планете... перед «футляром» из зелёного металла, и гадал, что в нём может такое быть внутри — зелёная женщина или человек... или масса «зелёных», выложенных горкой... модель небоскрёба... минарет... или настоящий

миномёт... Да всё что угодно, в принципе... Но вот только вряд ли флейта, да... скорее уже позвоночник... Но что ему за дело... Грабить её он уже точно не собирается... пусть отдаст только то, что взяла, таможня... всё можешь трогать своими граблями — сказала, «а что нельзя, то под замком, не доберёшься».

Славик машинально попробовал подковырнуть ногтем дверцу сейфа, она не открылась, он задумчиво постучал по ней пальцами, а потом вышел из комнаты и спустился во двор.

Собственно, никакого такого «домашнего ареста» ему объявлено и не было — типа «Вы находитесь под...» ему не сказали, нет, и он, не увидев ничего мало-мальски интересного во дворе — стриженная ёжиком травка, да, коротко совсем то есть, но всё же не «под ноль»... а «ёжики» — это скорее вот эти комки стриженной травы, чуть более тёмные, чем живорастущая... стригли машинкой... газонокосилкой, ну да... вот разводы ещё видны по зелёному — зелёной тоски... Просто от скуки, ну да, он толкнул калитку и пошёл по сельской улочке — куда незнамо, естественно, что он тут мог знать.

Улочка перешла в тропинку, а потом... довольно скоро уже эту тропинку можно было бы назвать и улицей.

Небритый, жутковатого вида Славик-Славик брёл вполне себе... на бреющем автопилоте, и даже от таких медленных движений голова его снова стала раскаливаться, и он думал было поворотить, но его внимание привлёк — он стоял теперь на таком пригорке, на склоне, он чуть оттуда не полетел вниз, в карьер, ну да, — открывшийся его взору уже скорее не посёлок, а городок... в принципе, не особо отличавшийся от какого-нибудь фрагмента Харькова...

Хотя и ничего особенно характерного для Харькова там не было, и сейчас он так уже не думал... Но если бы Славика вот так просто взяли и перенесли сюда с завязанными глазами, так он бы и не подумал, что это НеХарьков, скажем, а подумал бы как раз, что эта речка — и есть Журавлёвка... ну или там Немышлянка... т. е. ни сном ни духом не догадался бы... никогда бы... Да ему и сейчас что-то такое казалось — то ли что впрямь с глаз спала повязка, то ли обруч железный — с головы, а с ним и пелена-вуаль с глаз, бахрома далёкого дождя.

То ли, что ли, наоборот — что это уже глюки у него пошли, началась то есть, синекдоха... Он видел уже как бы и свою среднюю

школу — там вдали, за рекой... и точно такой мостик, по которому в неё ходил... хотя всё это было вырезано теперь как бы из общей открытки ножницами... и не было рядом со всем этим «макетом» как бы узанного им мста... ни площади имени Розы то есть, ни кинотеатра — имени Карла.

Нет, это был не Харьков, нет, Славик это понял и сел на какую-то корягу — было не холодно, ну так немного зябко, но даже хорошо, чтобы прийти в чувство... самой природы вечный вытрезвитель, ну да... Его обдувал ветерок... и снова он закрыл глаза и почувствовал, что перешёл уже черту, за которой прошлое реальнее, чем настоящее, и старый Харьков внутри него живее... во всяком случае, чем фрагмент, нарисованный только что — по-шарлатански вполне, снаружи, в воздухе то есть, ну да.

В этом своём внутреннем Харькове Славик свернул с площади Люксембург в арку и пошёл по длинному проходному двору и снова свернул, и оказался в подъезде, и толкнул там тяжёлую дверь, но не сам — открылась она не от его толчка то есть, а от чьего-то выше, папы, или мамы... Он снова был тем мальчиком, что давеча ему снился в поезде — с заклеенным правым глазом.

Он был там не один, конечно, он был с родителями... только что, но вот уже сейчас он был сам по себе — он стоял в огромном и очень сумрачном коридоре, как будто бы в подземелье из сказки... Родители остались сидеть на стульях возле кабинета Кошелевой, перед ними было ещё пять или шесть пациентов-детей с их родителями, ждать предстояло долго, и Славик пошёл погулять, он был небольшой непоседа, и всё-таки ему не сиделось — скучно всё-таки, будучи пятилетним, сидеть на одном месте... И вот он стоял теперь перед огромной и тёмной картиной, как будто бы Рембрандт писал эту «Встречу Ленина с детьми»... И Славик, вот сейчас, на пригорке, с закрытыми глазами, естественно, пытался вспомнить композицию, но что-то мешало, перебивало, чёрт возьми... может быть, пейзажи, которые он только что видел — картины в доме таможенницы.

Да нет, просто увидеть, реставрировать в памяти... Но не получается, это масло масляное в другом смысле — только что увиденное накладывалось на старые слои на сетчатке, и они исчезали под лубочными пекторалиями... Но проступали всё-таки снова, хоть и

не отчётливо... «Кажется дети, поприветствовавшие Ленина, были с саночками... ну не все, конечно, но некоторые... вот чёрт, не видно... слои... как по маслу... скользко... салазки...» — думал Славик, созерцая всё-таки внутри себя при этом нечто смутное и огромное — от пола до потолка, да... при том, что своды были очень высокие, и вся эта монументальная сов-живопись... Он подумал о картине: «А где она сейчас?» — и вспомнил дворик... где-то возле Рымарской, куда забрёл когда-то в сумерках и увидел — может быть, кто-то и подсказал ему — спутник, или это была спутница, заглянуть за невысокий заборчик... и он увидел там огромное количество бюстов, это была такая мастерская, в которой неизвестно что теперь валяли, какой новолеп... А старые ленины стояли во дворе рядами, на таких стеллажах, и на лысинах были блики от фонаря, или просто висевшей во дворе лампочки ильича, да... а может, было полнолуние... и художники писали уже тогда с другой стороны Луны и портрета — Ленина, ну да, и Брежнева, и т.д. — Славик помнил, как его старый знакомый живописец Артём, показав ему очередную свою «рапсодию красок», резко перевернул картину, и Славик увидел Ленина, ну да.

Он вернулся к родителям, услышав своё имя, дверь кабинета была уже приоткрыта, он вошёл и поздоровался с Елизаветой Абрамовной. И тут тоже что-то примешивалось в воспоминание, что-то уже актуальное, т. е. буквально-вчерашее... Он вспомнил, как мы и предполагали, то, как Максим Андреевич Иевлев рассматривал его в лупу, или, закрыв её и — закрыв ею глаз, — смотрел на него другим глазом... а потом как в монокуляр рассматривал, точно как бы, в шутку, в одну из трёх штук — там было целых три... на одной оси... и сумрак ночи... и кошелёк его обшарпанный рассматривал — в лупу, — пока не выбросил, да... А теперь уже маленький Славик сидел за столом, приставив глаз к окуляру как бы подзорной трубы, или телескопа-рефрактора... и там внутри... горел свет — в глубине, и полная величественная дама в белом халате быстрым изящным движением выхватывала из раскрытого чемоданчика, который лежал на другом столе, стёкла в чёрных кружочках... ну только не с-троенные, а вот именно отдельные, разные — они там лежали, в чемоданчике, который назывался «набор очковых стёкол», рядами, каждая в своей щелочке — несть числа им было, этой «тысяче бино-

клей...»... И Славику казалось, что что-то такое шевелилось у него ещё тогда внутри, догадка... о монадах Лейбница... с их плотными створками, как у раковин... ну да, она же брала их, как с подводного камня — мидии, эти стёкла... У неё в её чемоданчике были сотни как бы опций — его оптики, ну да, ну да... и она выбирает ему из них единственную — чтобы он смог увидеть лучший из миров, это была настройка, тюнинг, приём... А что делать, если родился как бы с размытым «я» в мире смутных пятен, в мутном омуте, по сути, врачи называли это дальновзоркостью и ещё чем-то... но не аутизмом, нет, хотя тогда и диагнозов таких, кажется, не было... но, скорее, всё-таки косоглазие, что тоже аут... и очень сильный «плюс» — так что без очков никуда, только внутрь... а что внутри, то и снаружи, как это ни пошло, но вот оттуда оно пошло, кажется, это чувство беспомощности, застеклённости, тепличного растения, ну да... Стёкла — это и есть ты, маленький гном, поправь колпачок... эти линзы, которые у Кошелевой там, в чемоданчике, лежат, несметные... рядами, разложенные по степеням... приближения... или удаления... первые запчасти, ну да... И вся эта оптика работает теперь с точностью до наоборот... прибор, которым она заглядывала внутрь — вглубь... тебя-тебя... тревожно так, как смотрят в дверной глазок — сквозь глаз, как будто глаза нет, ты — череп-черепок... А теперь, дойдя до перевала, Славик попытался повернуть ту трубу вспять, чтобы посмотреть сквозь неё, как в перископ — туда, в за- или до-смерть... ну да, это и есть теперь... он на мгновение увидел — над бесконечной водой, строгое лицо Кошелевой, подобравшей ему его монаду... в которой он и пребывает поныне один — где нет ни окон, ни дверей, но толпа детей всё ещё встречают Ленина в горнице его глазницы и глазной поликлиники, двое к комнате я и...

— Так вот вы где, гражданин Сосновский! — услышал Славик-Славик и открыл один глаз... «Максим Андреевич, — вспомнил Славик имя-отчество, — и что теперь, честь отдавать?»

— Здравствуйте, полковник, — сказал Славик.

— Можно просто Максим, — сказал таможенник и подошёл поближе. Возможно, он думал было протянуть руку, но сидящему на земле, или там на бревне... каком-то грязном, и неизвестно ещё кому... перебьётся, — решил, видимо, полковник и руки не протянул.

Чему Славик был скорее рад, подумав что-то вроде «минуй нас пуше всех печалей...».

Да ему вполне хватило вчерашней кунст-камеры-обскуры и кутерьмы... Он был всё ещё проспиритован и денатуризован, скажем так... Он чувствовал, что пьянку с очередным жителем этого паноптикума... этого городка уехавших крыш, ну да... его организм просто не вынесет, ну или будет полный дребодан, дребедень, прободение — в наружное пищеварение... и он знал, что отказаться не сможет — надо же было как-то выбираться из этого тихого омута, вот именно — пока все черти, что здесь водятся, тебя не оседлали... Он в этот момент вспомнил, кстати, как давеча — когда всё вокруг превратилось в испарения спирта, и он резко встал... то в глазах у него снова залетали искорки, а он сам испугался на миг... что это всё же не в глазах, а — снаружи и что проспиритованный мир вокруг него — взорвётся, он зажмурился — прежде чем начать расстёгивать змейку — осторожно, чтобы случайно не высечь искру...

— Ты чё, уснул на припёке? — дружелюбно улыбаясь, сказал Максим Андреевич.

— Ну так, немного... — сказал Славик, поднимая голову и опираясь руками на бревно.

— Сиди-сиди, не вставай, — сказал полковник, — я лучше тоже присяду... разговор у меня к тебе.

— Я знаю.

— Что ты знаешь, что ты знаешь? — полковник по-отечески... как бы попробовал потрепать волосы Славика — но тот отдёргнул голову.

— Что разговор есть. О чём — не знаю, — сказал Славик-Славик.

— Разговор будет долгий, предупреждаю. Значит-са так... Ну, во-первых: как ты вообще насчёт того, чтобы с нами сотрудничать?

— Что-то это как-то звучит... как, я не знаю, в старые добрые времена... меня, правда, не вызывали никогда туда, бог миловал, но слышан, естественно. Не забудьте, что я теперь гражданин другой страны.

— Да нет, — засмеялся полковник, — времена другие, гражданин вы наш хороший, и сотрудничество наше будет другое... Речь о камнях... И о людях тоже, но... о мёртвых людях.

— Что-что?! — воскликнул Славик. — Что вы такое говорите, я что вам... Коробочка?!

— Ты о чём? При чём тут твои коробочки...

— Гоголь.

— А-а-а... ну да, я понял, Гоголь, ясен пень, хе-хе... Рассмешил ты меня... Гоголя вспомнил... Нет, гражданин Сосновский, вы зря так волнуетесь. Давайте будем называть друг друга по имени, что ли. Вы уже знаете, как меня зовут.

— Павел Иванович.

— Хе-ха! Да вы зря так волнуетесь! То вам мерещится, что я вас хочу послать... шпионить по чьи-то души, хе-хе... «...наш sos всё глуше, глуше...» — прохрипел полковник, комически хмуря брови, — а я ведь и вовсе в другом ведомстве, гораздо более матерьяльном, да-а-а... А то ещё школьную программу тут мне вспоминаете, острец, классиков наших тревожите... оно, конечно, лестно даже... Вы вот что. Вы успокойтесь, Слава, и слушайте меня внимательно.

— Я вас слушаю.

— Прежде всего, вот что: информация, которую вы услышите, закрытая. Ну то есть не на 100%... а на двести. На тысячу. В случае отказа вы никогда и нигде и ни при каких обстоятельствах — ни пол-слова, ни намёка, вы меня понимаете? Я за вами уже немного понаблюдал, Слава, и психика у вас устойчивая. Как вам моя Вера, кстати?

— Я не знаю... вы православный?

— Хе-хе... Не притворяйтесь и не играйте со мной в детские шарады, Слава. Я имею в виду Веру Скляр — мою служебную... собаку баскервилей, хе-хе-хе...

— Итс окей, Степлтон... Вагина дентата, акуна матата...

— По-русски, будьте добры... Так что, нравится вам Вера Фёдоровна? Ладно, потом с этим разберёмся... Так что на несознанку не спишете, если будете крысятничать, молодой человек, справку не предъявите — не примем. Да это же в ваших интересах — при любом варианте завершения разговора молчать о нём, как рыба в пизде. Чтобы стать долгожителем... Пока всё понятно?

— Да, — кивнул Славик и подумал: «...ещё один сумасшедший, ну да... городок... провинциальный... музыка с утра и сбита резьба... на общем патефоне...».

- Я предлагаю вам сотрудничество!
- Это я уже понял, — вдумчиво кивнул Славик-Славик.
- Мне нужно, чтобы вы наладили в вашем институте...
- Это не мой институт, я просто...

— Да я всё знаю про вас, что вы просто поссать сюда вышли, на нашей станции, хе-хе... не перебивайте меня теперь. Мне нужно, чтобы вы открыли в вашем кооперативе ещё один, можно под той же крышей, а можно просто в том же институте, но другой, второй... ну к этому мы ещё вернёмся. Сейчас по существу. Суть вот в чём... Вы слышали уже про совершенно новый вид погребальных услуг? — Чего-че... То есть что вы этим хотите сказать?— Не слышали? А знаете что? Пожалуй, что вам для начала... надо опохмелиться, я прав? А то что-то вы мне не нравитесь, бормочете что-то несусветное... Поехали!

— Куда?

— Ко мне, куда ещё. Баров нормальных у нас в городе пока нет. А вам надо серьёзно опохмелиться.

Славик в общем-то ожидал увидеть нечто в этом роде... и дом полковника таможенной службы поэтому его не сильно удивил — вот ровно такое он и ожидал: «хатынка», так само, метров так... тыща, наверно, квадратных, если не полторы-две-три... у него не настолько был намётан теодолит внутри, чтобы оценить площадь недвижимости снаружи... и он просто искренне не понял, скорее, чем деланно удивился, да... зачем рядом с этим дурацким теремом — ещё и новодельная мельница стоит... ветряная — что полковник на ней молет... мелет, какую-то чепуху, вот это он только и спросил, «что ты вообще мелешь...», да, ну почти, не совсем так, конечно... на что хозяин махнул рукой и сказал:

— Да это просто пристройка, ну там комнаты есть — для дорогих гостей, а не для зерновых, хе-хе... Ну вы и так пристроены у Веры... а вот в следующий раз — посмотрим-посмотрим, как у нас пойдёт, как у вас пойдёт... Посмотрим на ваше поведение, может, и вы остановитесь там на ночь, почему бы и нет...

— Почту за честь, — кивнул Славик. — Но почему — именно мельница, можете вы мне сказать?

— А мне нравится... в Голландии, я там бывал несколько раз,

Слава... Люблю я эту страну, имею право, понимаете. В доме у меня и «малые голландцы» имеются, увидите, и ветряная мельница у канала — на картине, и всё, как полагается... Ну я вообще люблю... панораму как таковую, Слава, с детства, все краеведческие музеи посещал, где колосья и колышки... натуральные прислонены — к нарисованному полю... вот они оставили свой отпечаток, наверно, ещё в детской душе, и я... да вы проходите-проходите, вы не стесняйтесь.

Славик чуть было не начал говорить в унисон... про то, что только что на пригорке тоже как бы в связке с санками, одним цугом... Ну да, он понял сейчас — вызвано это было ландшафтом, русской горкой... оно, понятно, вытянуло из шляпы помятой... памяти за верёвочку Ильича и деточек, и саночки — любви возить... Он вдруг вспомнил ещё что-то: как упал там... в детском саду, поскользнулся, неуклюжий в этой шубке, эти валенки-калоши... и он упал, ударил меховыми локтями полозья своих санок, лежавших перевёрнутыми на снегу у подножия холмика, с которого он перед этим съехал и в конце перевернулся... И теперь получилось так, как если бы он наступил — там у себя в памяти на грабли, да только ещё хуже — санки, лежавшие на деревянной спинке, резко повернулись и вторым ободом ударили его по переносице так, что из носа хлынула кровь — ручьём на снег, и снег стал красным, и Славик заплакал...

Он так чётко вспомнил это сейчас: снег, кровь и слёзы.

— Что будете пить? — спросил его Максим, раздвигая огромные и чем-то похожие на иконостас створки бара, который он называл «закромами».

— Закрома Родины? — сказал Славик.

— Ну, не только, — засмеялся Максим, — тут весь мир... так что же? Я буду джин с тоником — освежает, рекомендую!

«То есть всё-таки освежить, а не освежевать, — подумал Славик, вспомнив недавнюю остроту полковника, или другого... — а впрочем, меня, похоже, уже освежевала... эта его служебная...»

— А чистого спирта у вас нет? — спросил он голосом самоубийцы.

— Не-не, я же не Вера... я люблю джин... освежает... Вот смотрите — какой выберете? — спросил он Славика, как будто тот уже выбрал джин в принципе.

На одной бутылке, и в самом деле похожей больше на флакон с одеколоном (где-то на заре перестройки появлялся в ларьках одеколон точно в таких «хрустальных» флаконах с большой затычкой, и размером как раз вот с эту бутылку — которая имеет форму... того флакона, — успел подумать Славик-Славик) — «освежить», ну да... на «флаконе» было написано: «The Botanist», на другом — больше похожем всё-таки на бутылку: «Death's Doog»... т. е. всё-таки — освежать, что ли, опять кунсткамера, ну да, здесь всё в одном флаконе...

— Ну как? — спросил полковник, когда Слава выдул «лонг-дринк» едва ли не залпом, — получше?

— Получше, — сказал Славик.

— Ну, тогда к делу. В общем, так. Современные технологии позволяют, то ли на самом деле... то ли, скажем так, грамотно морочить — но так чётко, бля, что люди верят стопудово... — он замолчал, как будто обдумывая дальнейшие слова.— Во что? — В то, что горстка пепла, оставшаяся от их близкого человека, на самом деле превращается в алмаз. Ну, там, углерод-шмуглерод, алмаз — кристалл углерода, это даже я знаю, а в пепле — углерод, и это все знают... и вот, значит, на Западе теперь делают алмазы из углерода мёртвых людей... Родственникам выдают камень, можно носить с собой, хоть перстень, хоть на груди брелок... а можно хранить дома в шкатулке, как угодно... Это пользуется большим спросом, фирма называется «Феникс», естественно, и у неё хорошие обороты. Такие, что мы с вами за ними не угонимся, Слава, даже при всей нашей рекордной смертности.

— А почему? — Да потому, что так называемые — и неспроста — «простые смертные» не наши клиенты, понимаете... Только люди состоятельные — хотя бы относительно... Но таких теперь тоже не так мало, Слава, как кажется... Кому на Руси жить было хорошо... Вот, давайте я вам плесну ещё джину... Вы не голодный? Ну, тогда мы потом закусим чем бог пошлёт.

— Спасибо.

— Комбинация несложная... Мы с вами создадим кооператив. Он не будет переплавлять пепел в алмазы. Это пока что слишком для нас, пусть буржуи это делают у себя... а многие считают, кстати говоря, что они на самом деле ничё и не делают... что в реальности

нет связи между пеплом покойных и камушками, которые вручают... их кумушкам, что это, Слава, чистой воды разводилово... А вы вот, кстати, как думаете?

— Я думаю, что связь есть... всего со всем. Или — с Ничто, если угодно.

— Мгм? А поточнее?

— Согласно Эйнштейну, Розену и Подольскому, все элементарные частицы связаны непосредственно. Одну ущипнёте — другая сразу почувствует, даже если она будет на другом конце вселенной. Это всё потому, что они были одним Целым — да и есть... просто Целое приняло другую форму после Взрыва, вот и частички, скажем так, разлетаются, вселенная расширяется, но при этом частички остаются связанными друг с другом... Ну, как если бы у людей пуповину не отрезали — и мы, хоть и разбежались кто куда, были бы связаны таким образом с общей Праматерью.

— Это очень интересно, Слава, то что вы говорите, но вы сильно отвлеклись, вы не ответили на конкретный вопрос: может ли такое быть, что на Западе не дурят близких, а на самом деле алмаз производят из пепла покойника? Причём только из него?

— Это я точно не знаю, конечно... Но думаю, что да: почему нет? Да, я думаю, это возможно... в принципе.

— Знаю я ваши принципы. У вас «в принципе» всё возможно. Сами мне только что... Да и другой заезжий к нам до вас мне говорил что-то в таком же ключе: «Никто не может ручаться, Максим Андреевич, что все ваши атомы вдруг не соберутся в другом порядке, и не полетят вверх, например, — вы полетите, оставаясь при этом Максим Андреевичем...». — И где теперь этот... заезжий? — А я знаю? Слава, вы не бойтесь, мы теперь с вами друзья, не допивайте, не спешите, постоит... Давайте на брудершафт выпьем... вот так, да... Ну вот, и все эти нанотехнологии опять же... Да? Ну, как-то оно так, а?

— Вот именно, — кивнул Славик, — а можно ещё?

— Обижаете! Зачем спрашиваете... Если кончится ваш «Ботаник» и вы по-прежнему будете бояться пить «Десдор»...

— Чего я боюсь?

— Дес дор!

— А, да...

— Я позвоню, и принесут ещё «Ботаниста», или «Танквери», или «Бомбей», уж чего-чего, а джина у меня залейся... В общем, как бы то ни было, а вот и вы сомневаетесь, я вас понял... А меня эти сомнения — мои, и не только мои — в честности «Феникса»... вот они-то мне как раз и подсказали решение!

— Решение чего? — спросил Славик, помешивая свежую порцию джин-тоника зубочисткой.

— Ну вы же понимаете, Слава... работёнка у меня такая, что всё бывает, то есть вот буквально: проезжает сквозь меня всё что угодно... Вплоть до египетских мумий! И не только египетских... — Что, правда? — А вы знаете, Слава, за счёт чего Ленин в мавзолее, к примеру, выжил в самые трудные времена?

— Нет.

— А братки тогда взяли за моду мумифицировать погибших товарищей... Короче, был такой бизнес: работники мавзолея по той же методе, что в двадцать четвёртом — Володю, спиртовали на заказ... За солидные деньги. Персоналу мавзолея — чтобы поддерживать Володю живее живых... нужно было пару лимонов в год, где-то так... ну и самим как-то жить, что-то есть, ботаники согласились выполнять частные заказы на «муми-ё», хе... Да-да-да, Слава, я вам тут не байки рассказываю, они мимо меня потом проезжали — мумифицированные. — Да ладно вам.— Слава, я вам правду говорю... чего вы так смотрите на меня.

— Да нет, я просто... подумал, что странно как получается... мумия вождя революции пролетарской поддерживалась, по вашим словам, в форме... мумиями авторитетов революции первоначального накопления капитала.

— А, вы о судьбах мировой революции... А я перехожу к делу, не отвлекайтесь... Это всё я к тому только, что сквозь наше решето проходит всё, что угодно... или не проходит... и вот однажды, Слава, так получилось — застряло там, в нашем ситечке, партия таких камушков, которые нигде и никогда засветить нельзя. — А что там такое?— Подробности операции вам знать ни к чему, но я... — Операции? — прервал полковника Славик, — под общим наркозом, я надеюсь?— Под местным — под наркозом наших мест! Хе-хе... Ну, там такие люди были замешаны — и сейчас живые, в отличие от

тех, что ехали и махались... что это была целая операция, я провёл лично... Такие люди, Слава, что... ни камня на камне... ни пепла на пепелище — от меня не останется, если узнают, да и от вас теперь... если что-то где-то всплывёт, ясно?— И что стало с этими камнями?— Алмазный фонд создал, хуле. Глубоко спрятал, и не доставал с тех пор ни разу. А чтоб не вводить себя в искушение... Много лет лежат... Но слишком уж много... их там... есть уникальные, те пусть так и лежат... Но есть и вполне такой себе обычный... размер, формат, как раз — как я слышал об этих, «пепельных», хотя пепел Запада нам не указ... но всё-таки... Время идёт, Слава, жизнь идёт, поезда бегут, я бизнес расширять хочу, а под лежащие камни... вода не течёт. Решил я эти камения постепенно сбывать. Открыто продавать нельзя — нигде, блядь, даже мне при моих эполетах... И вот недавно узнаю в новостях по ящику про новый вид погребального, так сказать, предприятия... и меня как осенило: а что, если открыть и себе такое... Что, бред, говоришь?

— Я говорю?

— Так нам это только на руку, если это бред!

— Да, может, и не бред... Я что-то видел по CNN, передача была из Гонконга, репортаж... Я до конца смотреть не стал... тема не самая весёлая, но что-то успел краем глаза...

— Гонконг! Здорово! Ведь сейчас много говорится о том, что мы должны перенимать как раз ихний опыт, именно... Бинго, Гонконг — вы слышали, наверно, даже там у себя, что наш президент об этом недавно говорил... Точно-точно, Гонконг и Сингапур! Ну, тогда это будет дальнейший толчок к развитию... Нашего бизнеса, а вместе с ним и — всего города, соответственно, у нас тут вырастет свой Гонконг...

Из последовавшего потока Славик понял, что в этом «плане» — выдавать природные минералы за искусственно созданные из атомов покойных — их ближайшим родственникам... Ну да, что во всём этом деле полковника в немалой мере завораживает вот именно атомная составляющая, возможность «прикоснуться к последним тайнам природы» — Славик уже и не помнил, сказал ли это полковник вслух, или это он сам, Славик-Сдавик то есть, о нём так подумал, невольно отвлекаясь от его пламенной речи...

— Что вы говорите? — услышал он вдруг.

— Да я что, — сказал Славик, — я как раз ничего не говорю...
Всё может быть... А может и ничего.

— Это точно... То есть поначалу мы с вами ничего мутить, конечно, не будем — зачем? У нас же не философский камень в итоге должен получиться... а — готовый... достаём, из моего тайника... Во всяком случае, в период становления... Мне нужен только фасад, Слава, точнее, вывеска, — полковник обвёл двумя пальцами в воздухе перед собой прямоугольник. — Но солидная, блядь! Хорошие бумаги, кооператив «Феникс-Финист». Ну, ясно теперь?

— Да, в общем... да.

— Пепел принимаем и — развеиваем по ветру! — полковник сделал такое широкое движение рукой, что казалось, он сейчас пойдёт и дальше по комнате в танце...

— Как... по ветру?

— А так! Ясно ему... Ах ты ботанист... Ну что тут непонятного?! —
А вы, это... не пожнёте бурю?

— Нет. Хе-хе. Мы ж — по ветру. — Ещё лучше... — Ладно, не придирайся к словам... Ну хорошо, можно не на ветер, а в кубышках хранить для чистки... серебра, так сказать, совести, но тут помещение надо, тут затраты, да и возможный всё-таки компромат на самих себя храним... Не-не, лучше по ветру — как я сказал, так оно и будет... и ничего тут такого... А родственникам вручаем камушек из моего фонда — а говорим, что из атомов покойного, ядра чистый изумруд... Ну кто пойдёт его пробивать по базе? Хоть по хазе... Да вот именно: хоть у воров, хоть у ментов... если это — всё, что осталось, так сказать, от твоего отца... или от матери... Да никто — я уверен!

— Вы уверены?

— Уверен, ботанист! Я людей знаю. А камень-то настоящий! Это не финтифлюшки-фианиты, тут всё чин-чинарём, Слава: жидо-ювелира желаете — пожалуйста, подтвердит вам, чистый бриль — что слеза без глицерина, соответственно — цена, да... Цена будет даже чуть получше той, которую я бы получил, продавая камень прямо — тут ведь ещё и услуги заведены в смету... тут вся эта, так сказать, техника... за гранью фантастики... Если кооператив будет при этом твоём «Монокристалле», то всё выглядит более чем убедительно: научная база СССР, это вам

не цапки-печки, бля... Это тигли, Слава! Это почти доменные печи! Которые можно предъявить! Тигли! Ваша задача, Слава, будет создать сбоку припёка... фасад, видимость, да... ну и — доставка камней заказчикам тоже будет на вас, ага. — Так, а... пепел?

— А что — пепел? Опять ты со своим пеплом.

— Кто будет доставлять пепел?

— А, вот ты о чём... Можно пересылать по почте в пакетиках, это не сложно, так сказать, бандероли, заказные... Ну, или сами будут привозить — кто в почту не верит... могут сами получить, так сказать... но — те, которые прах нам будут присылать авиа-, например, почтой, да... то им камни нужно будет отвезти и вручить... Ну так вы этим, гражданин Сосновский, и занимались, разве же не так?

— Вас неправильно информировали.

— Ну, а какая разница? Только тут будет проще в тыщу раз: конкретно по адресу доставить, а не по конторам ноги обивать... вы ж, так сказать, уже не мальчик... юный барабанщик... Ну, и плюс бумаги подписать, деньги с них взять, работёнка же не пыльная... Допили? А ещё? Ну, я настоятельно советую вам всё-таки это попробовать — настоящий джин... Ну как хотите... Значит так: вы едете в Харьков и там для начала связываетесь вот с какими людьми...

Славика периодически так и подмывало указать Максиму Андреевичу на несостыковки в проекте, но он понимал, что по сравнению с безумием всего, так сказать, алгоритма на макроуровне, это такие мелочи...

— Вопросы? — переспросил Славик, когда полковник решил, что ли, снова проконтролировать — следит ли ещё задержанный за ходом его мыслей, — ах да... Максим Анд... Максим, — я вот хотел у вас спросить, а это правда, что... — и он вкратце пересказал то, что слышал вчера от Веры о кавказском «пёрсинге».

— Пошутила, конечно! Вера вообще у нас... большая шутница... Послушайте, Слава, я вам о серьёзных вещах тут говорю, а вы мне чёрт знает что... Забудьте вы это всё! Слушайте сюда, дальше мы с вами...

Далее от бриллиантов полковник перешёл к планам по устройству Энска...

Ну да, ну да.

Ну да!

Полковник собирался построить, условно говоря, «клуб», да, на «таможенные» деньги — он напоминал Славику несколько раз при этом, что так выросло многое в этом мире: таможня — источник зарождения и развития городов. Нужно, значит, только чтобы в правильном месте появился правильный человек и тогда в правильное время город начинает расти в правильном направлении...

Сажайте и — вырастет!

Славик — и не то чтобы с ужасом... всё больше убеждался, что тут... клиника-не клиника, не ему судить, конечно... но клинит человека конкретно — как-никак, а он вот серьёзно хочет, чтобы он, Славик-Славик то есть... ехал в Харьков и открывал там... ну т. е. хоть стой, хоть падай, да... «Кооператив по переработке пепла в алмазы», причём для начала — только в кавычках, а потом...

Для начала, вот именно, как наглядную агитацию, как вывеску-табличку — для развода родственников, ну и что, все средства хороши для достижения цели, а цель — это сбыт грабленного-награбленного, это как раз стародавние вещи...

А потом, возможно, что и для последующей нефиктивной алмазнопепельной индустрии, но это уже был долговременный проект, как пойдёт, насколько эффективным или не фиг ловить... А пока что полковнику нужно было создать фасад... Чтобы в результате — что?

Чтобы всучить кому-то настоящие, то есть выпеченные самой Землёй... но обладавшие какой-то чересчур сложной дорожной картой и кармой караты, да... А то, что всё это было само по себе чересчур сложно, хрупко — вообще всё рассыпалось бы от двух-трёх вопросов на засыпку, так же, как алмаз от удара молотка, вот именно... весь этот «бизнес-план», было лишним свидетельством того, что Максим Андреевич... ебанулся.

— ...А потом мы с вами разберёмся! — полковник тем временем пошёл по кругу, — и если это всё до тех пор не лопнет за границей... если всё подтвердится — то почему бы и нет, так сказать... Почему бы, скажите вы мне, нам не сделать настоящую русскую фабрику «Финист», это же красиво — бриллианты вместо могил или урн — красиво, согласитесь... И как-то трогательно, знаете... И в то же время деньги хорошие могут быть, по моим прикидам... Ну, просто очень крутое бабло... Если всё это не гоневы, конечно...

Пошлю вас потом в командировку, Слава, — в Гонконг полпредом... Ну когда распродам свои камушки, балласт сброшу... заодно и денег поднакоплю, жирок, тогда финист-финансист и всплывёт... Ну, что скажешь, ботанист?

— А производство потом вы хотите наладить в Энске или тоже в Харькове? — спросил Славик, просто чтобы что-то спросить.

— Погодите-погодите, до производства нам ещё далеко, как до Луны... — сказал полковник, как будто он сам же только что... впрочем, Славик уже не удивлялся.

— Вообще-то, я думал, что мы — если до этого дойдёт, конечно, — откроем эту фирму при том же — вашем же, ФИАНе, ХАНе... Но вы мне подкинули мыслишку — вы меня правильно поняли, Слава, я хочу, чтобы Энск развивался... так что подумаем... Но на сегодня всё, теперь... футбол!

— Кто с кем? — спросил Славик, оборачиваясь в поисках телевизора.

— Мы с вами! Мы с вами!

Славик при мысли, что сейчас надо будет ещё гонять с этим психом мяч по лужайке, или там «в квача»... как-то сразу же вспотел или — просто понял, что он давно уже покрыт... потом — от всех этих «пятилетних планов» полковника... Но тут он увидел, как тот, глядя на его растерянность, радостно хихикает и потирает руки.

— Кикер! — воскликнул Максим Андреевич Иевлев, — кикер! Причём антик! Смотрите, — и он повёл Славика в другой кабинет, где действительно стоял стол, состоявший из ящика и множества ручек... и всё это — массивно, из тёмного дерева, а когда Славик подошёл ближе, фигурки игроков на осях... превратились... или, во всяком случае, напомнили Славике-Славику скифские, или половецкие, статуи — что стоят в Харькове на газоне возле Музея природы, вкопанные по пояс, т. н. «бабы», ну да... И в этот момент он краем глаза заметил, что в комнате — а она была довольно большая, скорее «зала», чем кабинет, да... или — кабинет, но большого начальника... что — ещё кто-то есть там — в дальнем углу, за портьерой, какое-то движение...

Судя по тому, что полковника, в отличие от Славика, это не удивило — он вообще никак не прореагировал... это был кто-то

из прислуги — Славик это уже понял, и начал было снова поворачивать голову к футболистам, как будто выточенным вместе со столом из одного куска дерева... но успел заметить — прежде, чем повернулся, что этот самый «Полоний» или кто там... за шторой — что он вышел оттуда, и оказался... ну да, вовсе не Полонием... да и не такой уже... крысой — как Славик подумал в первый миг... нет, рассмотрев лицо, он понял...

Да нет, ничего он не понял в тот момент.

А в то же время можно сказать, что понял всё... почувствовал, ну да, это сложно всегда ему было сформулировать, и много лет спустя...

Позже он думал о том, что «кикер» имеет и другое значение, да и не одно — в покере, например, это карта, играющая решающую роль... при сравнении «рук».

Они немного поиграли с полковником, но начали не раньше, чем Славик смог отвести глаза от горничной — он проводил её взглядом, когда она выходила из комнаты с ведёрком... пластмассовым, синим, наверно, она там мыла окна... и глядя на дёрнувшихся было деревянных футболистов, он почувствовал то же самое, что и они, т. е. ось внутри себя, или «струну души», за которую его дёрнули, так что раздался первый звончок... Но и это не то... Просто что-то внутри его тихонько дёрнулось — но так, что он это почувствовал, а это ведь редко бывает, это ни с чем не спутаешь — у Славика так было только с Ольгой, и он помнил прекрасно день и час, минуту... когда у него вот так же точно — как только что, всё внутри... ну или не всё — но что-то, нечто, про что говорят: «у меня при этом что-то сжалось внутри», — ну да.

В случае с Ольгой в этом «сжалось» было всё-таки больше жалости, и неизвестно почему, кстати, она ведь не была убогой, юродивой или просто — уродливой, вовсе нет, вполне себе... видная барышня — ему многие потом и завидовали, ну да... Но вот вдруг, ни с того ни с сего — жалость к этому существу вдруг так неожиданно скрутила ему тогда... что-то там, кадык, да... Славик чуть не заплакал — защемило глаза, «слабодушие» это называется, что ли, но это же в глубокой старости, или, скажем, после инсульта... неизвестно почему, в общем, но не важно, вер-

нёмся в дом полковника: стоя у ящика с кикером, он испытал то же самое — редкостное для него, во всяком случае, ощущение, но в этот раз, как бы сказать... почти безжалостно — вот так вот, да, «сжалось просто что-то внутри», а жалости — такой, как тогда в сосновом лесу — к Ольге, он не испытал, нет... Но всё равно понял, что это — оно... хотя это преувеличение — «понял», ну что там он понял, что там можно понять... но хватит, в общем... и уже что-то почувствовал и стоявший напротив, изготовившись с ним играть, нетерпеливо дёргая ручку, немного пригнувшись над футболистами... полковник, да — посмотрел вдруг на Славика снизу вверх, хитро подмигнул и сказал: «Запал?».

— Ну нет... но она ничего, — сказал Славик, чувствуя какое-то неудобство... как будто проснулся вдруг — вот так, стоя посреди комнаты, и в тот же миг осознал, что только что его видели спящим и прозрачным, стеклянным — чужие люди, его сны, да.

— Зовут Марина, — сказал полковник. — Свободная девица, так что... Веры родственница, кстати... Что так смотришь? Не заметил сходство? Ну не мудрено, седьмая вода на киселе... Запал, запал, я вижу, Слава... а с лица воду-то не пьют, хе-хе... Чего задумался? Нравится — ну так и лови её момент, а чего? Хотя я бы тебе посоветовал... Ну, да ладно. Не всё сразу, а то как будто мы куда-то спешим... это потом, потом... — Да нет, ничего... Просто вы сказали, родственница... и я это... я просто так, вспомнил что-то... нет, ничего.

— Ну и что, что родственница? Все люди на Земле — родственники, а уж в Энске у нас тут подавно... Да и во всём мире так: все друг другу если не родственники, то друзья друзей. Ты знаешь, что все друг с другом знакомы посредством двух человек, знаешь ты это, а, Слава? Хочешь докажу? Вот я, например, знаком с президентом США, хе-хе, чё, не веришь? А вот смотри: я дружу с губернатором, да? А он дружит, сам знаешь, с кем, а тот — с президентом США!

— Точно так, как вы сейчас... — машинально произнёс Славик, — говорили в старом фильме... Вот вспомнил: «СВ», «Спальный вагон» он назывался. Впрочем, там в титрах предлагалось много словосочетаний, но у всех аббревиатура была:

«СВ». И теперь вот в памяти у меня как бы целый веер фильмов раскладывается, хотя фильм один...

— Чё-то я не помню, Слава, ни одного.

— Это старый фильм.— Ну так, а я какой? Но «СВ» никакого не помню, не-а... а я б запомнил, я же... железный дорожник, хе-хе... вседорожник... подорожник, я — по-дорожни-и-и-к... — запел полковник баритоном, дирижируя обеими руками, а Славик подумал, что футболисты похожи не столько на скифских баб, сколько...

— Там всем заправляют шпорцевые лягушки... — сказал Славик, когда полковник допел.

— Чё-то ты опять пургу несёшь... Ну всё, давай, давай — теперь играть!

— А телефончик дадите? — сказал Славик.

— Маринки? Ах ты... А вот если выиграешь в кикер... Надо ж посмотреть, какой ты в деле, хе-хе... Да ладно, шучу-шучу. Чего же не дать, дам, конечно, для хорошего гостя... Хотя я бы тебе посоветовал всё же к Вере Фёдоровне присмотреться повнимательнее, а не к этой нашей вертихвостке... Я понимаю, что шрам, конечно, лицо немного портит, так сказать, необычно... Но это ж всё — внешнее, а внутри... Знаешь, как на нашей работе говорят: в каждом человеке можно найти что-то хорошее — если только хорошенько поискать! Но — вижу, ты меня тут слушать не будешь, так что получишь-получишь ты её телефончик, хе-хе...

Потом уже Славик думал и о том — вспоминая эту сцену, что они зашли туда — где был кикер, именно в тот момент, неспроста. Нет, даже не в том — не только в том — смысле, что, мол, это была приоткрывшаяся почему-то в тот момент часть всей этой невидимой и чудовищной, если над ней хоть на мгновение задуматься, машинерии, ну да, где все человечки, насаженные на эти самые оси, и хорошо ещё, если не шампуры, хотя похоже и на то... — думал Славик, глядя на команды деревянных футболистов, снова напоминавших ему скифских баб, которые охраняют харьковский Музей природы... «...И нами двигают-вращают чьи-то руки, чтобы что-то там маячило беспрестанно, мяч-немяч...» — думал он.

Т. е. нет, он думал об этом не только в таком общем смысле — типа вот есть какие-то безличные силы, управляющие судьбой и нами с

тобой, и всё такое... не только, нет, он думал и о вполне личных подспудных мотивах, а именно: Максим Андреич в тот момент смекнул своей лысой башкой, — что паспорт паспортном...

Да и паспорт-то — придётся дать, если человека в Харьков посылаешь — граница... а тут паспарту понадежней будет — как у бабочки в коллекции, приколись... или, там, в гербарии — самое место ботанику, ну да... и может, специально её сюда позвал перед этим — второй крючок забросил то есть, который если проглотить, то уже не рыпнешься, хоть на дно ляжешь, а оно тебя вытянет и оттуда — с любой глубины... То есть она... Второй крючок и двойной поводок... узелок — привязка к транспортному узлу... к Энску, ну да, верёвочка, на которой Славика можно пускать-запускать куда твоей душе угодно — а всё равно вернётся, голубок почтовый... если уж завяз коготок, то — да...

Ну чёрт его знает, может это уже и чересчур сложно, — думал впоследствии Славик, — но что-то такое было тогда не просто судьбоносное — в простоте и радостной готовности, с которой полковник записал ему на бумажке телефон Марины.

Игра их больше похожа была на затянувшуюся шутку двух взрослых детей, над которой они же сами и смеялись поминутно — и больше по времени, чем «играли»... Ну что-то такое там вращали-шарили, конечно, да... Но какая там игра в мяч, даже «в шарик», если шарики — за ролики, куда уже совать там шампуры с нападающими... после двух бутылок джина... Шутка, конечно, умора, ну и — хваство-вечное-мальчишество, антикварный кикер был недавним приобретением и стоил, по словам полковника, ненамного меньше, чем ветряная мельница за окном, которую отсюда было прекрасно видно, если отодвинуть штору, и которая, мельница, напомнила, в свою очередь, Славику... скорее всего потому, что Славик теперь знал слабость полковника к винтажным и панорамным явлениям... Вот Славику и мерещились теперь везде какие-то музейные экспонаты, и ещё до того даже, как полковник показал ему свой гараж, где на самом деле была пара-тройка отреставрированных — в полном объёме — немецких машин и с десяток мотоциклов... Славику почудились в тумане за мельничными лопастями... как бы в дымке такой классической перспективы, которой не хватало... нет, не танка, а вот именно — очертания крыльев гигантского биплана.

* * *

Славик навсегда запомнил то мгновение, когда распахнулась дверь и Вера влетела в комнату — хлопнуло окно от сквозняка, отчего показалось, что она залетела одновременно и оттуда, как огромный чёрный кожаный мяч.

Через секунду две Веры слились в одну, но всё равно её было как-то много, она была переполнена чем-то...

Да, вот так она вломилась в комнату, буквально как будто штурмом взяла свою же дачу, прямо туда, где он сидел — то есть не у себя в каморке наверху, а ниже этажом, чинно сидел: «А ты, как будто, при параде, — заметила она, переводя дыхание, — только что без галстука...» ...и смотрел телевизор даже — видно было, что такая благодстная картина Вере понравилась, не смотря ни на что.

Не смотря на новость то есть, которую она имела ему сообщить... «А впрочем, кто знает, — уже вскоре думал наш Славик-Славик, — насколько грустной была для Веры Фёдоровны новость, да и такая ли уж это новость... для неё она была... Судя по всему, что было дальше, так и не очень... Хотя радость, если и была, её надо было, конечно, поскорее прикрыть, хотя бы из приличия, ведь Вера Фёдоровна приличная женщина... Ну и сволочь, разумеется, какую не сыскать, но какую-то там горчичную ветошь поверх неприличной радости она-то уж, конечно, успела набросать, да...» — думал, восстанавливая тот день, Славик-Славик.

— Как — умер? — тихо промолвил Славик, — так не бывает, он же... — и замолчал.

— Он же — шо? — сказала Вера. — Кощей, ты думал, он бессмертный, что ли... С чего решил?.. Вроде, комплекция у него не та... Только не говори ничего, я сама знаю, что это не смешно!

— Комплексный план... зато был у него тот ещё — на сто лет вперёд.

— Это да, планов у Максима было много... Любил Максим смотреть вперёд... Ну, да теперь-то что? Умер Максим и... нет, не хуй с ним! И не надо на меня так смотреть! Помянем, конечно, а как же... Но и твоя чррррез-мерная печаль, пассажир, по этому поводу мне... тоже не очень понятна, если честно... Учитывая, в каких ты тут обстоятельствах находишься чрезвычайных... и кто тебя в них поставил.

— Просто неожиданно.

— А кондрашка так и работает... А ты думал с ним открывать совместное, на хуй, ООО? «Чахлык Нэвмиручий та Эмілька Попіл»... — тут она всё-таки не смогла не прыснуть, но коротко — она быстро взяла себя в руки и сделала лицо, соответствовавшее моменту утраты.

— Так ты в курсе... — сказал Славик.

— Чего это я в курсе? В курсе чего?!

— Ты явно жила на Слобожанщине... Иначе вряд ли бы знала эти древние хохмы... — Ну жила, я тебе, кажется, и говорила, а чё тут скрывать? Так что предприятие, план уже составить успели, я надеюсь?— А предприятие я как раз открывать совсем не хотел — безумия не хватало, знаешь, куда мне за Максимом... Андреевичем... мыслью поспеть... Я даже не совсем понимал иногда, что он говорит. И понимает ли он это сам... Да, но при этом — физическое здоровье его, в отличие — возможно — от психического... казалось мне образцовым, по правде говоря... Старая гвардия...

— А с чего ты решил, что он умер от болезни?

— А что, убили?

— Да не... Но, блин... так быстро — как будто кукушка сняла... Или от цианида... Ты ещё скажи спасибо Кондратию, что он его прибрал не в тот момент, когда ты у него был второй раз, накануне... — Третий.

— Ого, я смотрю, вы с ним успели подружиться! Его хлопцы... пока разобрались бы, точно бы решили, что ты виноват... Давай

выпьём. Не спирт, нет, не боись, то было посвящение, как нас посвящали — в таможенники, ага, ты теперь тоже почти что, хха... а вон там вино у меня есть, красное.

— Вот это?

— Да. За штопором лень идти.

— Я протолкну пробку.

— Спасибо... Представь — мгновенно. На глазах у обслуги, в том числе и моей родственницы, на которую ты, я слыхала, глаз положил... Да, ещё там гости у него были... Вот так вот он стоял посреди комнаты... — Вера сделала шаг вперёд и стала с бокалом в позу — Славику показалось, что она паясничает... и он невольно произнёс слова, которые никогда раньше не говорил, но которые часто повторяла Оля, будучи суеверной:

— Не показывай на себе.

— Да ладно, мне можно, пассажир, за меня не боись... Но падать не буду — как он упал, не потому что... а просто чё мне тут перед тобой разыгрывать в лицах... В общем, так стоял и вдруг — бац, на пол упал, прикинь... Ему искусственное кто-то начал делать из охраны массаж сердца, конечно, но всё без толку... Тромб, блядь... «Тромб-эмболия» — так медики говорят, а мы пьём не чокаясь...

Славик сделал глоток.

Он понимал, что на деле программа полковника сведётся скорее всего к чему-то гораздо более мелкому — он судил по опыту своей работы в НИИ, по временам, когда были ещё и «комплексные обеды», а не только планы... и ещё анекдоты — анекдотов было много, тьма тьмущая... и вот такой, например, был, анекдот-загадка: «Чем отличается комплексное число от комплексного обеда? Тем, что у комплексного числа есть действительная часть и мнимая, тогда как у обеда — только мнимая»...

«А у человека?» — подумал теперь наш Славик-Славик...

Ну да, о душе он подумал... как-то по-своему, по-итээровски, без точки то есть над «i», но всё-таки... и ещё о том, что... опять-таки комплексный — план нового погребального дела, — что если бы ему, то есть Славику, и впрямь пришлось всё это разгрести, развозить то есть родственникам эти страшенькие камушки... это

всё же чем-то бы напоминало ему и дальше Гоголя — он вспомнил, ну да... как на пригорке полковник сказал...

Ну а теперь, когда полковник неожиданно взял и сам представился — «пятилетний план», который не надо было больше осуществлять... в таком «чистом» виде — представился в свою очередь — Славику-Славику — в каком-то «новом свете», да... И люди, и ангелы, и пепел — который кто-то пересыпает, живые алмазы, атомарная решётка, углерод-уголь, шахты... И вот откуда-то оттуда — из-за кристаллической решётки, значит, — смотрел на него теперь маленький полковник, как такая фигурка нэцкэ, ага, лысый такой толстячок... в складах... погрозил пальчиком, и засмеялся, потирая ручки, как мушка, уже впаянная в янтарь — а вот, поди ж ты, продолжает — перетирать... Славик даже встряхнул головой, чтобы избавиться от этого видения.

— Держи, — сказала Вера, протягивая Славику паспорт и помахивая им в воздухе, — Доволен?

— О, — сказал Славик. — А где вы его нашли, Вера Фёдоровна? Интересно, он лежал вместе с моими фианитами? Или с настоящими камнями... настоящего полковника?

— Ну, ты точно конченный пассажир... Такие вопросы тебя сейчас волнуют... Фианиты получишь, я просто не стала их тащить, да они на вокзале и лежат, близко, зачем туда-сюда их возюкать... А вот где твой паспорт лежал, это уже теперь не твоё дело, понял. Может, и в алмазном фонде имени Иевлева М. А. Из чего следует... что ты прав, пассажир, я знала, где находится фонд. Он у меня его и держал, да будет тебе известно, чтобы я дрожала, а не он. Ты знаешь, как я каждой ночью просыпалась? Мне казалось, что всё, пришла смерть за мной с косичками... и по дому уже ходит... И я с двустволкой... в темноте ходила по дому, и чего мне всё это стоило, такие ночки... пока Максим там храпел рядом со своей женой... Ладно, о покойных... Ну и что теперь? Тебе-то что?! Меньше знаешь — лучше спишь, пассажир, я тебе говорила... И дольше живёшь, кстати... Про фонд — я пошутила, ну ты понял уже, наверно, Вера Фёдоровна любительница пошутить, хха. Когда едешь в свой Харьков, завтра или... может, сегодня? Могу подбросить, поезд в двадцать с копейками и с билетом проблем не будет.

— Его кремируют? — сказал Славик, — или так похо...

— Не, ну ты вообще, что ли, debil! Тебе-то какое дело? Езжай в свою хохляндию и забудь всё, и скажи спасибо, что ноги унёс, член ты наш общества... друзей кремации, хха.

— Я?!

— Книжки надо читать, пассажир. Сколько ещё серости в народе, ужас... А, или ты этот — монархист мохнорылый, забыла, как его там... Ну всё, неважно... Короче, уёбывай, пока Вера Фёдоровна добрая и это... сентиментальная, ага... Боевой товарищ умер, сам понимаешь... Уноси ноги, придурок.

— Не знаю, Вера... Я как раз обычно за землю ратую... Но тут... Максим Андреевич так был увлечён этими мыслями — пепел, алмазы... может быть, по совести... надо было бы его самого... превратить в алмаз... Его пепел...

— В Харьков! Пока я не передумала! А то заберу сейчас паспорт обратно, положу его в сейф или вообще... кремирую — его, а потом и тебя, придурок... Для начала оставлю тебя тут — да не на даче, а засажу, сука, в камеру, затравлю ментами...

— Ну не суетись, — сказал Славик, и Вера от неожиданности, что ли, замолчала и широко открыла глаза.

— Человек умер, а мы... Он тебе описывал свои планы? Не только по «разводу», т. е. вруливанию тайных камней, но и по налаживанию этого... реально «погребального дела нового типа», кристально-прозрачного вполне производства то есть... я понял, ты в курсе, конечно... Но ты к этому, может быть, давно привыкла, не знаю... а мне он только на днях — обо всём этом рассказал... и как завещал, да: алмазы и пепел, мол... а теперь вдруг возьми и сам — туда же... поэтому у меня такое странное чувство сейчас, как бы головокружение... и что-то типа долга, да? Что надо это сделать то есть... ну что ли, с ним самим, по крайней мере, кремировать, и пепел сохранить до тех пор, пока до России дойдёт инновация...

— Ты что, блядь, такое несёшь, а?! — закричала Вера уже во всю свою лужёную довольно-таки глотку. — Да я тебя сейчас... — и она оглянулась вокруг в поисках палки или кочерги... но ничего такого не попало ей на глаза, кроме бутылки... но бутылку, подумав секунду, она поставила, взвесив в руке, на столик и вдруг, как лягушка,

плюхнулась прямо-назад — в одно из кожаных кресел, положила ноги в служебных ботинках на журнальный столик и посмотрела на Славика наполовину отсутствующим взглядом.

— Ты что, думаешь, что это и вправду можно наладить? — сказала она. — А впрочем, нет, не надо ничего говорить... прости, у меня сегодня какое-то помутнение, плохо соображаю, так много всего... свалилось за короткое время... И Максим свалился... Нет, я буду налаживать другие дела... свечной заводик, хха... а это всё понты, Максим просто тронулся немного, ты это понял... Ладно, всё это было и ушло вместе с ним, и пусть земля ему пухом будет, и отпоём и свечку поставим, и памятник будет лучший на кладбище... и всё, и не надо нам никакого неба в алмазах, всё просто: земля — пухом, точка.

— Странно, что он...

— Хватит лясы точить, пассажир, если хочешь ехать. А хочешь ещё денёк у Веры Фёдоровны побыть на побывке — я не гоню, попасись на моей лужайке... Только всё, молча, никаких больше слов, и тем более предложений... погребальных, я этим всем уже сыта по горло, понимаешь... А я хочу отдохнуть. Давай выпьем с тобой ещё немного... вот, бутылку добьём и разойдёмся по палубам, хочу от всего отдохнуть, пассажир, отдохнуть... — сказала Вера с какой-то почти уже человеческой интонацией, и Славик подумал, что один... вон только что тоже хотел отдохнуть... последние были такие слова — полковника, т. е. и в первое посещение его Славиком, и в последнее.

«Интересно, Чехова она осознанно цитировала... а что ты думаешь, таможенницы читают только «Двенадцать стульев» и «Золотого Телёнка»... и говорят метаязыком... Эллочки... Нет, я так не думаю, нет... скорее, она сама по себе... людоедка, ну да... прочитавшая несколько книг... и Скляр — не скаляр... и Верка не вектор... а более многомерная сущность... такая вот тётенька... в себе — полковник был прав, что не простая, что-то он предчувствовал, наверно... хотя и не разгадал её до конца... эх ты, подорожник-лопух... — думал Славик-Славик, лёжа на диване в своей комнатке наверху. — Так что там у нас дальше, дядя Ваня... та-а-м — за алмазами... там-там-тарам... Мы отдохнём!.. ну да».

5. Смысл существования

Так после описанных нами событий Славик попал в Энск, где он прожил после этого без малого восемь лет... Совсем блеклое — как девятиэтажка, в которой он эти самые свои годы и провёл, первое наше предложение... может, тогда уже так: «где он и прожил после этого в пространственно-временной запруде». Ещё хуже, пруд пруди, труба... «в депо...», ну да, всё-всё — к тётке в Саратов-Сызрань-Саранск, и название главы, если это будет глава, по правде говоря, не ахти... Смысл существования, о-хо-хох... нет, ну хотя бы уже тогда — «жизни», ну да... Ну да ладно, попробуем как есть, то есть... жизнь, что есть смерть... т. е. как оно само сейчас через нас бормочет-журчит... Нет, это не совсем ещё чревоуещание, читатель, у нас же есть ещё носитель языка... и не radio silence, и не сны земли, но... «бытие моё...» — так и слышно почему-то, вот сейчас пойдёт тёпленькая... «у попа была собака...», но если мы совсем уже зациклимся в таких попури... то остановимся, я думаю, сорвём стопкран, например, мы или вы, да... не будем писать тогда, по крайней мере, или читать, не правда ли.

Попробуем, всё-таки... ну какая-то ответственность, знаете... перед кем-ни перед кем... ну всё-таки свои шестнадцать тонн... словесной руды... и что в результате — центнер-центон... да уж не радий... Да нет, но... всё-таки... мы, хоть так нерадиво, но её несём, ответственность, перед начатым, ну да.

Впрочем, «восемь лет прожил» — это по-любому слишком сильно сказано, ведь существенную часть этого времени Славик провёл

на колёсах — ездил по стране всё-таки, в которой осел со своим украинским документом — хоть и недалеко от траншеи-границы, а всё равно надо не выходить за рамки приличия и отмечаться — в те, немногие, впрочем, периоды, которые он проводил — больше чем месяц подряд — в этом самом... городке N, ну да.

Но причал его жизни теперь был здесь — сюда он возвращался, швартовался, и отсюда отчаливал — в свои командировки (будучи теперь в них полностью сам себе командир — он теперь и маршруты свои намечал то есть сам, да), а Харьков при этом стал... нет, не то чтобы чужим, и не таким уже — далёким, как мы всё ещё помним, но в Харьков Славик заезжал теперь только по делам, которых становилось со временем всё меньше и меньше — пока он не оказался вообще как бы и не у дел совсем и не при делах... наш Славик-Славик, да, но тогда-то как раз он уже вернулся — в город X... Но не забегаем: пока что вокруг него, если он не в поезде или где-то не совсем уже далеко — по инерции, т. е. если он в состоянии покоя, то вокруг него — Энск, и только Энск, ну да.

В общем, фианиты как-то... что ли, надоели барышням в бухгалтериях, может, все пальчики их были уже задействованы, ухогорло... Что — нос, носы? Нет, вот именно, к сожалению, «фианитовый пёрсинг», эта бизнес-идея Славика-Славика могла бы быть и перспективной в принципе, вполне возможно, но как-то... не стала развиваться, нет. Поплавский то есть — председатель кооператива, выслушал рацпредложение своего реализатора довольно-таки внимательно, обещал над этим подумать. И хорошенько подумав, решил не вкладываться в рекламу такой «бizarрной, — как он выразился, — бижу-терии», ну да, как-то: «серьги в пупках, соски в сосках, или — где-где...». «Не так много желающих, — сказал Поплавский, — будет, я оценил, это не стоит того.»

В то же время... ну т. е. по прошествии времени, да, — коробейников с серёжками и колечками, снаряжённых в путь-дорогу от других кооперативов, или теперь уже предприятий нового типа из других губерний... стало становиться всё больше, потому что губа не дура, а кристаллы циркония росли теперь, как грибы (а кое-где, так, в скобках заметим, потому что тема не самая весёлая, а у нас тут не готический роман всё-таки — чтобы не было ложного впечатления

такого у всё ещё нашего читателя... читача)... Так вот, просто уже к слову: с тех пор открыли даже и похоронное предприятие нового типа, т. е. в каком-то виде сбылось и то, о чём мечтал полковник, будучи ещё на этом свете, а не на том, да, причём жизнь пошла, как это часто бывает, ещё дальше его визионов — дальше смерти взглянули белоглазые создатели похоронно-оборонного комплекса при компании «Каменный век».

То есть бриллиант в два карата можно было теперь сделать там даже... из живого родственника, ну да, или даже совсем близкого, скажем так, человека... Да-да, из волос — нужно было предоставить в компанию пакетик с достаточным количеством грамм-волос, хоть мёртвого, хоть живого, неважно, главное — твой... и через месяц вам вручался лучащийся сгусток тех же атомов, но уплотнённых до такой тесноты, что вы уже точно были не в обиде — по крайней мере, так многообещающе звучал один из слоганов этой компании... Настоящий твёрдый алмаз, да, и теперь его заказывали не только когда кто-то умирал, как мы уже говорили, но и рождался — ну, не сразу, но как только мамаша накапливала необходимое количество граммов волос — собирая их, как та горничная втихую за Флобером, чтобы после его смерти продать за хорошую цену — и всё для того, чтобы ещё через сто тридцать лет волосы превратились в бриллиант «Густав»... Что-то нас это, того... снова тянет на inferнальные байки в духе идей полковника, ну да, зачем здесь эта некрофилия, она же, по идее, оставлена в прошлой главе... Мамаши же собирали теперь кудри... своих драгоценных, ну конечно, чад, ну да, и если они при этом были достаточно обеспеченные, и/или ейный муж... то ребёночек получал драгоценный талисман-спутник-по-жизни, который чуть позже превращался в перстень, или брелок... Ну, потому что генеральный директор «Каменного века», в отличие от Поплавского, не поскупился на рекламу, и такие вот «живые алмазы» тоже стали трендом в своём роде, хотя и не таким мощным, конечно, как «похоронные», но как дополнение к нему, к погребальному то есть делу, — вполне... Ну да, им и конкурировать-то было не с кем, с момента своего возникновения и до известного нам времени «Каменный век» сохранил полную монополию в этой области — по всей стране.

Славик же по-прежнему носился по стране с бижутерией из циркония всех цветов — каждому своё...

Ну и что... он ни о чём не жалел, кстати... и в каком-то сне отвечал смеявшемуся над ним полковнику-покойнику примерно такими же словами, как там этот частный детектив — в «17 мгновениях», ну да, — своему однокашнику Мюллеру: «Знаешь, лучше уж я буду пить свой иод...».

Ну, только тут были «леденцы» — так полковник назвал как-то фианиты, ещё наяву то есть и при жизни как бы... А может, это теперь так казалось Славику: сны в Энске слипались, как цемент со складками серой мешковины провинциальной яви — знатно, скажем так, или как масло с пшенной кашей — не испортишь, смешивались, да... хотя и не так, как в поездах, нет-нет, но мы об этом ещё отдельно поговорим — о снах городка N...

Славик-Славик, приезжая из Энска в какой-нибудь там Омск-Луганск... Томск-Весьегонск... или даже — на Дальний Восток, ну да, он забирался, хоть всё реже и реже, но — зато дальше и дальше... и видел теперь иногда в конторах как бы своего... более пронырливого, что ли, двойника, или даже двойников... Но не будем преувеличивать, превращая всё в сюр-шапито... Ну да, оставаясь в рамках... сурового капреализма: такое случилось с нашим продавцом циркония всего раза два-три, но... вот как-то оно подсказало ему, что, блин, «бытие мое...», ну да, ну да, голосом этого самого... бытия-небытия, ага... ну не попа же... ну разве что — inferнального теперь Максима... подсказало ему, в общем, Славику — сам Dasein, да, ну а что... «а всё, мол, финита, брат, в этом дизайне твоя бизнес-идея уже не катит, разуй глаза, вынь бананы из ушей — это пошёл уже тот самый «шорох орехов», за который ты же пенял Ольге...».

Да Славик это ощущал и по худобе кошелька... но, обладая какой-никакой инерцией мышления... но, чёрт, опять эта инерция... Ну что мы всё клише и клише... даже, кстати, и «полковник» наш — тоже какое-то клише, нет?

Хоть и не поручик, а всё равно Кижее... ну да, тот же анекдот, хоть и в обратную сторону... как-то слишком вовремя он и сыграл в свой этот ящик, и вообще... наш роман что-то буксует, может, пора всё бросить как есть и пойти водку пить.

Ладно, никогда не поздно...

В общем, мыши его, может быть, так... простые серые мыши — лучше, чем мышления инерция и серого вещества — застой... как-то так... Мышки, да, и вместе с ними — мышинный король наш, Славик-Славик, бич... олдбой-раздолбай, в общем... так и продолжал бы ещё бегать по этому лабиринту, кататься — да не как сыр в масле, а как его же собственные «мыши» в поисках сыра... если бы не эти самые продавцы-двойники, как водится... как проводники — в том давнем сне, но — его собственные, ну или того же самого товара... Вот именно — эти его доппельгенгеры, ну да, встреча с которыми подсказала Славiku, как бы тактично на ушко, что с этих рельс пора сойти — так бы и ездил наш пассажир по Необъятной, может быть, и посейчас.

А так — он ездит всё ещё, ездит, да, но всё реже и реже... А может, уже и остановился — в данный момент он уже вообще находится где-то в следующей главе, а что там, мы ведь не знаем, мы же не поспеваем, как наш пострел — за нашим носителем... Пока вот, вроде Энск, где на хлеб насущный он зарабатывает то статейками-кроссвордами — в местную вечёрку, и опять же гороскопы... курочка по зёрнышку... ну, такое дело... а то и шахматами — да-да, шахматы, это серьёзная игра в Энске, почти как преферанс в Харькове или деберц в Херсоне... на деньги, а что, где наша не пропадала... плюс Марина — устроилась «секретаршей-референтом»... в контору ЖКХ, да... Ну как-то оно пока и хватает, машины нет, детей нет, запросы невелики, ну такой вот расклад.

Вспоминает ли он, как мы только что... сон, с которого началась предыдущая глава? А как же, это ведь вообще тут такая глава — в которой мы сейчас, — это в большой степени — сонник... Да он много чего вспомнил за эти годы, проведенные... и своё «попадание» — свои первые дни в «транспортном узле» то есть, не говоря уже о своём первом приходе — в дом-квартиру, где и застрял на все эти годы, вот именно.

Как она открыла дверь, ну да, и что он там морозил с порога, мокрый — на улице был дождь, ну конечно, и её, и без того большие, а в тот момент просто страшно огромные... глазища, и то странное первое ощущение заворачивания — вместе с ней — как бы в погонные метры материи новой жизни-жены, ну да, там, в промежье,

немного другой, как будто гофрированной, когда на ощупь... или... кто знает, что оно такое, это бытие-бетон-материя-память... Оставим их пока там вместе в её комнате... и поговорим о дальней родственнице Марины.

Славик вспоминал её ещё ту — тогдашнюю Веру, которой теперь уже не было в природе — исчезли все особые приметы, по крайней мере, самые заметные... плюс другой образ жизни, секретарши-повара-визажисты-парикмахеры... в общем — свита.

Не было теперь ни шрама на пол-лица — что казалось Славику ещё страшнее, кстати, сам факт то есть его исчезновения, почему-то, чем был сам этот шрам то есть (что-то вспоминалось смутно из прочитанного в детстве «Доуэля»)... не говоря о кожанке, смешно даже было это теперь вспоминать, ну да.

Он видел её теперь только на экране ТВ. С тех самых пор, как покинул тогда её дачу, live он вообще её не видел и немудрено — Вера Фёдоровна ведь была теперь важная птица — такая, что парит где-то там... это надо понимать, да, одна из самых влиятельных птиц в городе — настолько небольшом, впрочем, что его как-то, что ли, даже... и не хватило для её влияния, этого городка, оно распространилось и дальше — на область, размах её крыл, да.

Ей посвящали... ну не оды, но всё-таки — стихи, местные поэты, о ней писали в московских газетах, и невозможно теперь уже сосчитать, сколько региональных изданий разной степени глянцеvitости — т. н. журналов для женщин, например, избирали её «женщиной года», вот именно... её-её, Веру Фёдоровну, Скляр, да, бывало, что и помещая при этом её портрет на свою обложку.

Марина видела свою «кватрину», как она её называла, — свою «четвероюродную сестру» то есть — точно, как и Славик, вот именно на обложках, в новостях, по телевизору... Если раньше, до её воспарения в другие страто-сферы российского общества... Вера ещё как-то участвовала в судьбе Марины — это же она, естественно, устроила Марину горничной к Максиму Андреевичу... То теперь она полностью о ней забыла — «как отрезало», сказала Марина, попробовав связаться с родственницей — раз или два, и всё, больше не пыталась, решив, что если «её высотчество» о ней вспомнит — то само и выйдет на связь, — заметим, что так оно в своё время и случилось.

Но пока что высочество на связь не выходило, может быть, — и Марина, и Славик это понимали, конечно, хотя никогда не проговаривали... а что тут проговаривать — ну что Вера всё-таки как-то там это... приревновала, по-своему, ну всё это настолько ясно и в то же время — темно, т. е. всё, что касалось личной жизни Веры (ну были теперь вокруг неё какие-то загорелые «мачики», напоминавшие, впрочем, больше эскорт), что об этом наши персонажи вообще никогда не говорили, по крайней мере вслух, даже между собой, да.

Отчуждённый же, медийный, можно сказать, образ, Веры Фёдоровны был настолько омнипрезентен в Энске... и так далеко вытеснил тот старый, прошлый, мшистый-стрёмный... образ той «самой страшной русской таможенницы», что, может быть, теперь во всём Энске только один Славик и вспоминал отчётливо тогдашнюю «Верку в кожанке», потому что в купе, стоя над ним со своим шрамом и маузером (за который он там принял со сна её планшет и ручку), она произвела на него по-своему неизгладимое впечатление — и он так поэтому её живо запомнил, да... Как и живого тогда ещё Максима Андреевича, скажем, за его рабочим столом — как в ложе театра одного зрителя с тремя моноклями... полковника, ну да, который мелькнул в его жизни таким джином — из флакона — по сути, на мгновение... но — успел передвинуть стрелку.

Может, потому, что возраст уже к этому располагал, но Славик вообще много всего вспоминал и большую часть времени проводил в Энске — если не во сне, то в памяти, а частично это и сочеталось, уже не говоря о том, что сама часть Энска — как раз та, где... но об этом чуть позже.

Вот что странно, а может и не так странно: вспоминал он в Энске в основном то, что и было с ним в Энске — где ничего и не было, по сути... а не в Харькове, где прошла большая часть жизни и всё-таки что-то происходило иногда... как будто, он был таким 5-летним и одновременно 40-летним дада-мальчиком, а не дядей, ну понятно...

Хотя в то же время — саму постель, в которой он всё это вспоминал, и «постель» в более широком смысле, то есть то, что происходило там между ним и Мариной, — это ведь он не вспоминал потом, нет. Такое не вспоминают, мы имеем в виду — потом, когда из Энска уехал — навсегда, т. е. зрительно — он не мог этого увидеть...

Нет, мы не заглянули в следующую главу, это же не обязательно, ну да, «постельные сцены» стираются из памяти почище всего — видимо, так нужно, эта стирка, чтобы...

Впрочем, куда-то уже нас совсем занесло за край нашего произведения — в Каспийское море вместе с Волгой-рекой... Это оттого, наверно, что мы не привыкли к таким перескокам во времени — «прошло 10 лет, прошло 100 лет...», мы привыкли писать последовательно, поминутно, глядя на всё своим монокулярно-перископическим зрением, ну да... Это же самые примитивные и тихие — в смысле даже и скорости, хроники... т. е. «тише едешь» — наш девиз, да, всё так... и сейчас, когда в романе действие как-то вдруг перескочило далеко вперёд, хронист немного стушевался, это правда.

Но правда при этом и то, что память продавца контрафактов в Энске работала похоже на наше неспешное возвратно-поступательное изложение фактов его бесцветной жизни: мысли его самого то и дело возвращались назад, Славик видел заново сцены как бы спектакля, разыграншегося перед ним в начале его Энской жизни. Пышные похороны полковника, огромную чёрную вдову, сотрясаемую рыданиями, роняющую на землю, — казалось Славiku, — не только слёзы, но и бриллианты... и чью-то речь он помнил, да, может быть, и губернаторскую, где несколько раз прозвучало это «кристально честный человек», ну да...

Может быть, ещё потому, что это была инерция его воображения, скажем так, разыгравшегося после начертанных перед ним полковником планов, разогнавших его мысли во весь опор, и... пшик, эта внезапная игра в ящик — полковника, ну да, в старом мрачно-обрядном смысле... Всё это создало там, в его «Энском» прошлом, как бы такую внутреннюю область — локальную уже и в Энской памяти Славика-Славика, ну да, куда он часто попадал во сне, в ту же ипси-лон-окрестность своей ипостаси арестанта-дачника... Да и наяву... он заново переживал иногда те события, как темы вариаций, когда режиссёром становился Морфей, ну понятно... и когда всё становилось совсем странным, сны то есть в неподвижной системе отсчёта — это не так, как в инерционно-дорожной, где сновидения, благодаря наличию общего вектора с поездом, как-то уже так за ним по цепочке и тянутся — потягом, и отличаются от яви только лёгкими вариациями и краевыми завихрениями субстанции, как мы уже отмечали, на этой своей, скажем так, придорожной гидро-метеостанции... мы не тормозим, нет, мы плывём дальше... В общем, такой вот залив в призрачной жизни, запруда-комната без зеркал и без карпов... мутновато-тёмная явь, засыхающая, как в ваве сукровица... Где всё как бы вчера, если не сегодня и — рядом, рукой подать, но это уже буквально, Энск — маленький городок, в котором с нами-вами ничего не происходит, все танцы — шаг вперёд и три назад — в ту же память, ну да...

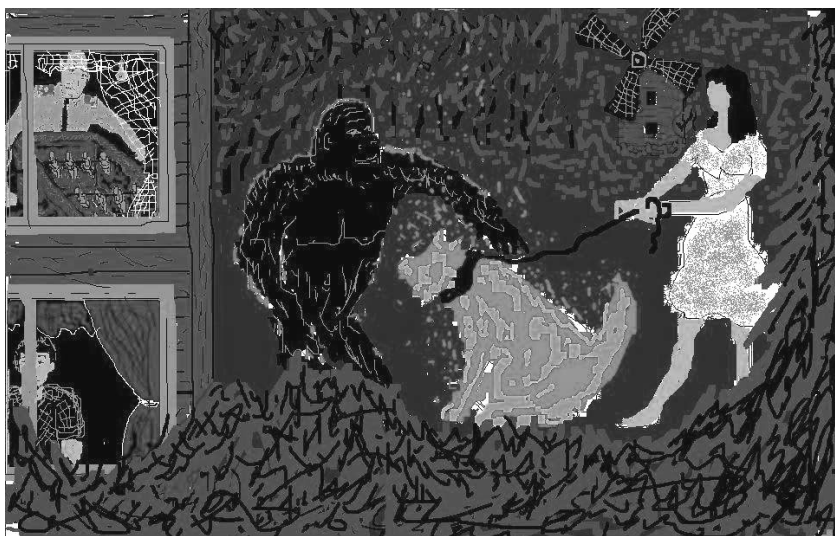
Сегодня вот Славик отчего-то отчётливо так вспоминал почему-то... the day after — второе похмелье после ведра джина, выпитого с полковником — когда он проснулся на даче у нынешней «высокой персоны» и у него было такое чувство, как будто он прожевал вчера тонну хвои... Точнее, ему вообще тогда показалось, что в сухом рту у него выросла... нет, не грибы, а — пихтовая роща, да-да, это ощущение тогда ещё почему-то облеклось у него в слово — «пихтовая», сейчас он от этого тихо рассмеялся — лёжа на диване у её дальней родственницы... Хотя за окном — тогда, у Веры, — и росло нечто вечно зелёное, но вполне себе одинокое, ну какая там роща... максимум — одна еле-сосна, ну да... Ну может быть пихты он видел в своих поездках, в окне, если оно не было прикрыто дерматином, что-то такое показалось ему где-то, помаhalo веткой, смахнув снежок, кедр или пихта... вот что-то и аукнулось во внутреннем его лесу в другом месте... после первого

разговора с «Кикером», как он называл его заглазно в те дни — пока полковник не отбросил коньки, хотя казалось, что ему уж точно всё на свете «хоть бы хны», ну да... и ещё в двух шагах-днях после предыдущего — совсем уже страшного, отравления... Но об этой тряске молекул он не вспоминал вообще никогда, стёр, да... стало быть, герой был в состоянии полумёртвом и вообще странном — как бы и психофизически... т. е. и мысль его, пульсируя, ускользала всё время куда-то туда, во тьму, и вместе с ней — пульс, и думка «за-порожца» — где-то уже была за порогом произведения, скажем так... и была при этом слишком короткой, чтобы мы могли её уловить и протокольно стенографировать, мысль его вообще стремилась к абсолютному нулю... в тундру... на собаках цугом... ну да, в упряжке... в которую он и вышел — внутреннюю пихтовую тайгу, выплыл в дымке, рот-фронт, язык сухой, искал глазами колодец... во дворе, ну да... и там была эта рыжая чихуа, или нет, там для начала была белка... но ещё не та — «белка», нет... а с хвостом, и её шуганула — белку — стрелка... нет, ну собака, или такого же цвета вещество... но не чихуа, а чау-чау... Славик сначала даже подумал, что это — глюк, скажем так, или там — собравшиеся обратно в пламя искры, которые до этого летали перед глазами по отдельности... а потом, когда она на него взглянула, чау-чау, — будто это ему, долбоёбу, подставили зеркало, и неча пенять... Так он подумал, впрочем, напрасно: у собаки действительно было выражение помятой морды разбуженного медведя... но не шагуна, нет.

А потом из сарая — но такого аккуратного, что хотелось назвать его как-то иначе... флигель-флюгель... вышла, значит, гостья... из будущего... или — сама будущность, да, или как там, что там... в чём там... в чём-то том... из тех материй, из которых хлопья шьют, ну да... это самая модная материя... Да, но только на ней было платье как бы тоже из хлопьев, но не снега, нет... и не овсяных в молоке, хотя это уже больше похоже... из цвета — весеннего, вот, точно, фруктово-древесного, белого цвета... маленькие цветочки, лепет-ветер, лепестки, да.

Славику показалось тогда, что платье сейчас само по себе облетит — разлетится, но этого не произошло...

Марина убрала со лба прядь волос, и как будто строго глянула на него, и так резко потянула поводок — что Славик даже это сам почувствовал — что-то перехватило и ему горло, может быть, так оно и

было в тот момент — лассо, прозрачное, сдавило горло... и девушка с медвежонком вышла за ворота, а он так и остался стоять — как стоял, таким растрёпанным и жутковатым... небритым недобитком, таким дедом Пихто в подтяжках на голое до пояса тело, ворочая посреди пихтовой рощи сухим языком...

И всё-таки белой горячки там не было, нет... Хотя искорки летали — помимо огненного чау... Был там у него секундный как бы блэк-аут... или это он вспомнил в тот момент, как её первый раз увидел в доме полковника — содрогнулся, и что там были эти футболисты — вздрагивавшие, пародируя его... и на одной с ним оси, похожие при этом на каменных баб, что по пояс в земле... на Тринклера, у Музея природы.... и что эти самые каменные «бабы» когда-то — когда Славик-Славик был маленький, ну да... и ходил мимо них первый раз в первый класс, когда он был ещё тот — с заклеенными очками, и топтал портрет генсека — за компанию — они, вероятно, навяли ему сон — эти «бабы», да, который он запомнил на всю жизнь, и вот этот сон: кто-то, покрытый чёрным мехом и двуногий, но не обезьяна, а с человеческим лицом хотя... Видел ли он анфас? Нет, а голова сзади и влоборота была, как у каменных «баб», охранявших вход в Музей природы, вот именно, и ещё у

горилл такие головы были, да... Но горилл Славик тогда ещё не видел, их не было в харьковском зоо, и вряд ли в его сне загорелась горилла, а на шимпанзе, скажем, танцор во сне был совсем не похож, совсем другие там были пропорции, скорее уж йети, да... И вот он то ли танцевал там во тьме, то ли просто стряхивал с себя искры, прямо у костра — искр было много, и они разлетались во все стороны с чёрной шерсти... И вот сейчас — тогда то есть, во дворе всё ещё таможенницы, когда в глазах у него стало на мгновение черным-черно и в этой ночи сыпанули рыжие искринки... он вдруг вспомнил детский сон — на секунду, на долю... тот самый сон, да, и как будто... посмотрел на неё — на Марину, ну да, прямо оттуда, из той ночи, что была на Земле за миллион лет до...

А второй раз — когда она зашла к нему на дачу... на ней было то же самое платье, но на этот раз... ну да, оно слетело — как с рощи... белых яблонь, и разлетелись уже не искры, а конфетти, ну да... жар, жаж и молния в облепихе... пока его хлопушка не выстрелила... И всё это было ещё при жизни полковника.

«Полковник Мерзлота», ну да, Чернота... и хотя сами твёрдые и совсем уже не человеческие — алмазы части плана «А» полковника, нерукотворные то есть, — остались по эту сторону черты-границы и — вполне осмысленно разрослись поэтому — потихоньку в «Веркину», скажем так — а так и говорили, но за глаза и тихо то есть — «маленькую империю Веры», ну да, ну да.

Но это было слишком длинное словосочетание, и по местным меркам она вскоре была уже и не такой маленькой — империя, говорить стали короче... А потом и не по местным, а впрочем, всё относительно, но в Энке и не только в Энке её уж точно называли через несколько лет просто «Империей Веры», ну да, ну да.

От «охранных фирм»... Т. е. не только от телохранителей, но уже точно «от и до». Да, до — всего, чего душе угодно... А чего угодно? А кто её знает, эту в богу душу... «Мать», ну да, так тоже стали называть, то есть Веру Фёдоровну Скляр, «мать», только что без прилагательного, «Мать» это не то же самое, что «Отец родной», ну понятно... т. е. через витрины-новые рестораны-ланжи — с подмигивающей рекламой в окнах: «А может быть, в соломинке она!» — на фоне высокого стакана с оранжадом... до скромных ганделиков

старого типа, рюмочных-забегаловок — и вот так вплоть до тех же услуг для тех, кто набегался уже, да... куда без них-то, но — и без алмазов, потому что это не «Каменный век» какой-нибудь, а 21-й, и это Нью-Энск, а не Васюки, и главное — не Москва, здесь свои нью-ансы, знаете, традиции... и здесь у Веры Фёдоровны всё по доброй старой старинной привычке: гробы-с.

Ну — и пепел, если угодно, крематорий тоже был теперь её — ея... А «свечной заводик», о котором она пошутила ещё тогда — когда полковник не успел остыть ещё, да... он тоже был, только выпускал другие свечи, ну вы поняли... ну и таблетки, конечно, всевозможные — итс ноу бизнес лайк фарма-бизнес, йес.

Сиречь империя, что есть полный замкнутый цикл круговорота вещей в природе — и веществ, но тсс... ТАСС не всё уполномочен сообщить — только о прозрачном, как те таблетки, не совсем палёные причём, ну да... и вот — где-то на краю этого мирка — Энска то есть, — да, который мы и не пытаемся здесь описать, это невозможно, не такие тут ломали свои копыта-стрелы-перья... мы же только постольку-поскольку... пишем про жизнь нашего Славика-Славика... к Энску — только разве что не прикоснуться не смогли слегка, раз уж он сюда попал, на поезде — угодил, чтобы потом не угодить — фискальным органам... или не успеть им угодить, да... где-то там у земляной прорвы на краю — где этот спальный район, небольшой, всего несколько девятиэтажек, даже и районом-то не назовёшь — так, маленькая спаленка... и там вот в одном из пяти-шести домов — однокомнатная квартирка в торце девятиэтажки, ну да, на седьмом этаже, дом панельный, серо-белый — был то есть, а теперь уже тёмно-серый, да вы знаете этот ненастный в любую погоду затвердевший раствор сумерек, он один на СНГ, — дом на улице имярека, да.

Он не думал, что это может быть — с ним, Славик-Славик, он был до этого не то чтобы «холодным в постели», все эти клише тут ни к чёрту... И потом — ну кто его там знает, мы свечку не держали, и как результат (неудачная шутка, да) — может, просто постели были раньше холодными, не прогрелись, и все эти полушинели не помогали, а, наоборот, отбирали тепло, как будто в них в Поднебесной вселились народные китайские привидения, невидимые, но чувственные, как те женщины-лисы — оборотни, ну да.

Количество которых, кстати — пальто то есть... равно было примерно количеству русских женщин — сколько у него их там было, летом у лентяя, всего то есть, до-Марины-после-Оли, да и во время оной, Ольги то есть, он у нас того... он же ездил каждый месяц, и в Харькове было всё холоднее, ну и были там всякие... не столько в пути даже, сколько в пунктах назначения — немногие, но... перепиши, скажем так, и все вместе они, эти пихты... как раз и оделись бы в пару дюжин демисезонных пальто, ну да.

Одинаковых, ну конечно, как лица отвергнувших их китайнок — на наш варварский взгляд, разумеется...

И вот он со всеми до этого, русскими ли, татарками — был в постели таким — слишком равновесным, что ли, если говорить о термодинамике и, как бы сказать, прагматичным, Славик-Славик, ну да... Придумал себе там — в постели и для постели, да... такой девиз-отмазку-слоган от лишней возни-волокиты: «Эргономика должна быть эргономной», не очень оригинальный, ну да, он и вообще там был не большой оригинал... чтобы потом вот так вдруг на тебе — взять да и остаться из-за каких-то нежностей... в Мухозэнске, на краю Земли, — и то ли перед — полем, то ли уже за — причём Диким Полем, ну да, в ксерокопии дома, где вырос, или, по крайней мере, где рос, в стенах, спрессованных, по сути, из тех же лет — потраченных напрасно, как те пальто — молью, но там хотя бы моли был корм... «И на старуху бывает проруха» — короче, так точно.

Такие стены у этого дома — из пасмурных дней, стоявшего на краю поля, а за ним только пугала — те же пальто, надетые на швабры... именно в том, что мудрый не цепляется за дао — гарантия того, что дао никогда не оставит мудрого... и кто ж тут такой мудрый? — что мудрости его хватило на то, чтобы перебраться в самую большую дыру на свете... из-за какой-то меньшей дыры, дырки, дырочки, ну да... Нас несёт, читатель, конечно... Но тут и в прямом смысле — дом у Марины стоял на самом краю поля, за ним уже ничего не было, и расчётный срок его давно уже вышел даже из словесного употребления — т. е. об этом никто уже и не упоминал, и не помнил, ну что здание было рассчитано на столько лет, а стояло уже столько, ну и чего, так — половина страны стоит, пока не рухнула, тогда как и страны той уже давно нет, ну да... И вот

он переехал, стало быть... даже и не к Марине, а — в неё, въехал то есть, пусть как угодно плохо это звучит, бульварно, все эти оттенки серого, переходящие в жёлтые, мы понимаем, ну да.

Славик недавно то есть, уже через много лет после того, как там поселился — у Марины и в Марине, понял, на что именно это похоже, т. е. не просто — как один такой дом в Харькове, а другой, скажем так, в Воркуте — как две капли то есть, но ещё и — расположение, сочетание, поля и воздуха, бетона и Ничто, ну да.

Эти несколько панельных — блочных — домов перед бесконечным чёрным полем напоминали начало микрорайона — на Салтовке, когда там «ещё ничего не было», или по крайней мере, так Сосновские говорили потом тридцать лет гостям, когда кто-то отодвигал занавеску и бросал взгляд наружу из их окна на бетонные соты, — «А когда мы сюда вселились, — говорили они гостю, — здесь, представьте себе, совсем ничего ничего ещё не было».

Но это было, по сути, стало у них, то есть, такой фигурой речи, да, в реальности же что-то было — всегда же что-то есть... и это что-то вокруг них тогда выглядело в точности так, как выглядело и вокруг него теперь, когда он поселился у Марины и в Марине — точно так же там (в детстве, на Украине) стояло несколько домов — на краю бескрайнего поля, недолго, но некоторое времени оно всё стояло там именно вот так, одну осень примерно, так и стояло, да.

Славик вспомнил, как бы даже заново увидел в перископ — как мы смотрим и туда и сюда, — и сравнил два кадра, приложил один к другому и понял, что район, куда завезла его подвода — как бы перемотанная назад плёнка дней его... А потом уже у них на глазах тогда (Славика, родителей и родителей родителей — все они переехали в большую квартиру — вместе) — в семьдесят первом-третьем-четвёртом, стали расти по кругу дома-дома... очень быстро, а в обратной перспективе вообще — это уж точно выглядело буквально вот именно так, что их окружил в одно прекрасное утро очень плотный туман, и так никогда уже и не расступился, ну да.

Вышел месяц из тумана — вот именно, а потом — и год, а потом — и десять лет, и тридцать, ну — так вот вышло... Закрыв всё вокруг — горизонт и окоём, и дальний — Нагорный район, который видно было до этого вдаль — и не только купол, но и всю каланчу

Успенского... Теперь же вокруг были стены из серо-белых дней, простейшие пространственные фигуры — параллелепипеды, хромосомы хроноса — так, для красного словца, дешёвка, конечно, все эти наши попытки... «А какого цвета ничто?»... Ну да, вот именно — такого... а дома просто — из хроноса, ну да, может быть, и из вечности («... дома из бетона хрупки и бренны, — писал там в стиховую тетрадь подросток-Славик, — но люди из нервов бренны тем более...»), но такой, «извечной вечности», с расчётным сроком, этакая материя-память, жена-страна-субстанция, короче, их плотно тогда замотали в железобетонное «оно», в этакое нежелезнодорожное полотно, замуровали, казалось, то есть не только все взгляды — в этот бетон, жильцов, но и нежильцов — туда же, ну да... Ночью, правда, было красивее, как бы всё-таки «море огней» разверзлось, ну да, соты-пчёлы-светляки, «мама, а он живой или светится...».

Ну, так вот: здесь, у Марины, он попал как бы на тридцать лет назад — в тот ещё пренатальный, почти бетонный, эмбрион номер шестьсот восемь, микрорайон, ну да, в который они вселились в семидесятом, поскольку дома были из времени, причём вечно-ноябрьские такие, когда было солнце, они немного сжимались, в непогоду разбухали, естественно... Поэтому ничего странного — они вполне способны были предстать и к полю передом, и к прошлому — в прошлом своём, зачаточном, комплекте — и вот он теперь и жил, значит, как бы в материализовавшемся прошлом: только два-три серых прямоугольника, мимикрирующие под воздух сумерек, которые не исчезают в полдень, за ними поле выгоревших злаков, а микрорайона с 50000 чел. населения нет, как не было и в помине, не говоря уже о макростастроее... т. е. обо всём будущем — о жилмассиве с населением в полмиллиона, вместо этого там было чистое поле совхоза «Кутузовский», засеянное, правда, уже и не рожью, и не кукурузой, а семенами какой-то новой культуры — из которых стали расти формы тумана, дыма, пара, в общем, дымящейся субстанции Соляриса... ну да, воссоздавшего ему тут заново... не жену — жена (в самом узком смысле, а не то, куда нас там заносило — жена-страна и всё такое, нет-нет) как раз была здесь другая, и даже не «протез первой», нет... но вот окружение — вот оно было то самое — как бы взятый из детства энвайермент, ну да.

Закрывая глаза, он попадал туда внутрь — начало микрорайона, начало семидесятых, и там белели уже фундаменты будущих домов-коробок — уплотнений вещества времени, ну да, сколько ещё раз мы это повторим, интересно... Между которыми была глина, да, особенно в ненастье, которое — «мряка» (если не дождь, то что-то такое в воздухе, делающее его раствором, в котором вы тихонько шевелитесь, если вы уже счастливый жилец новостроек) — было постоянным состоянием, потому что они переехали в конце августа или начале сентября, а после осени, или даже в течение, вокруг них выросли чуть более плотные стены из того же вещества. Ну не все сразу всё-таки — несколько времени оставались просветы, даже кусочек старого города был ещё виден какое-то время — сквозь шелку толщиной в ножик в этом затворе тумана, ещё несколько лет, между домами N и N+2, это потом уже её прикрыли третьим домом, составленным из блоков того же вещества, но более дальним, ну да.

Между туманами почти не было асфальта — иногда появлялась кромка у входов в подъезды, и её снова быстро покрывал слой грязи, которую равномерно месили-распределяли подошвы жильцов, можно сказать, вокруг был один чернозём... на котором возвышались рыжеватые горы из глины, куда вполне можно было уйти с головой и выйти пластилиновым человечком или вороной... Так что лучше было туда не ходить, по этим горам, конечно, однако ночью, которая зимой наступала здесь ещё раньше — солнце быстро заходило за фасады, которые, сами будучи из временного раствора, влияли и на его ход — времени, как будто дома эти — серые льдины, и это тут такая полярная ночь, да... которой — ночью — можно было попасть в мокрую гору-трясину — запросто, поскользнуться-упасть — глина была скользкой и люди падали часто, и пластилиновые взрослые смущённо улыбались в лифте, разводя чёрными руками... Странно было, что стены домов, в отличие от асфальта, оставались светло-серыми, ведь они жили в ту первую осень — на уровне ощущений, как бы в таком котловане, где разницы особой не было между направлениями — прямо или вверх, на юг или на север... По бледным панелям скакали на скакалках те же привидения (Славик их никогда не видел, но слышал, когда сидел дома за столом, да и кто-то же рисовал всё это на асфальте), что прыгали по горизонтальным остров-

кам асфальта, когда они проступали перед домом — «классики», ну да — «земля и небо» на другом языке.

«Это просто земля и небо!» — говорили тогда родители, имея в виду «*far cry of*», или — «это как день и ночь», например, когда Славик переделывал правильно домашнее задание, или когда папа или мама меняли какую-то покупку в универмаге, случалось и такое: посоветовавшись, скажем, костюм цвета маренго на цвета беж: «Вот, теперь совсем другое дело: просто как земля и небо!».

Или: «Как день и ночь!». Пока асфальт вновь не затаптывали в глину подошвы жителей микрорайона, и он снова становился похож, если не исчезал совсем, на овощи, которые жильцы покупали в овощном магазине, стоявшем в центре огромного двора. Уже были стороны у него, и это уже был всё-таки скорее двор, чем котлован, по крайней мере пока не выросли тополя — как раз высотой с девятиэтажки... Но при этом стены этой огромной ямы оставались всё-таки бледными, как были изначально, грязь к ним не приставала, как к воздуху. Может быть потому, что они и были, по сути, воздух времени — законсервированный, вот мы и повторили это сто первый раз... Да хоть бы и тысячу первый — так они стоят и до сих пор, стало быть, воздушные катакомбы, мумифицированный воздух великой эпохи. Но тут — вот тут, где он теперь живёт, наш герой, наш человек, — в окне — если встать, открыть глаза и подойти к окну, ну да... тут ещё видно первобытное поле — всюду, куда простирается взгляд, да.

А что снаружи — то и внутри, как известно, не надо быть большим гностиком... И вот иногда они играют там в такую древнюю полевою игру — ролевою, ну да, Марина заплетает косы — невзирая на крики-просьбы Славика «Не делай этого! Я тебя прошу!», она сидит на стуле в центре комнаты и молча, упрямо делает это... Нет-нет не дреды, а вот именно косы — косички, хотя для Славика они как раз и есть — *dreads of the world*, ну да.

Не часто, слава богу, это бывает один раз, от силы два раза в год, но бывало и так, что она делала это ещё раз и через месяц... но потом — год никаких кос, правда... нет, и косяки тут тоже были ни при чём... да она вообще не травяная — хотя со стороны может показаться... а она просто — полевая, как цветочки, ну да, поле, неважно,

что в нём растёт, ничего, вот именно... И вот, короче, если найдёт на неё, она это делает снова: не глядя в зеркало, потому что взгляд её уже там — в чистом поле за окном, или в городе — за спиной, в нигде, но неважно... Если Славик стоит перед ней и закликает её это не делать, то она смотрит прямо в его глаза, но насквозь — во всё поле, это невозможно объяснить — почему Славик так боится этого её взгляда, или точнее, вот именно, не её — а той, в кого она превращается, когда заплетает эти самые... косы, ну да.

И всё же сказать, что он боится того, что перед ним в эти моменты — не Марина, а кто-то другой, можно, но это будет неточно, его ведь пугает не только Другой при этом, ну то есть Другая, конечно, хотя уже там, может быть и нет разницы... но и то — какая другая, вот именно.

Марина — самая что ни на есть 100%-ая женщина, какую он знал, и может становиться, соответственно, другой женщиной, да и становится — часто, несколько раз на день... и при этом Другим, ну да, тем самым... хотя только что была ему в том числе и лучшим другом, секунду назад, казалось бы, а вот еле слышный щелчок как бы статического электричества — и она уже Другой... и тут ничего такого нет, всё это уже тысячу раз описано-показано другими, конечно, есть же статистика...

Но тут Славика пугает не просто сам факт женского раздвоения-оборотничества... а именно то самоЕ, во что она там превращается при этом — вот эта конкретно женщина с косами... можно даже сказать, косичками — они совсем не большие и даже как бы торчат в разные стороны, как рожки, ну и что, у москвички две косички, у узбечки тридцать две... ну да, ну и что тут такого — вроде бы... Но вот Славик теперь, когда это видит — уже даже не пытается её уговаривать, а просто встаёт, хватая плащ, выходит из квартиры, садится в лифт — если лифт работает, ну да, если нет — он просто сбегает по лестнице...

Но она теперь каждый раз успевает в него войти — в лифт, где стоит уже перепуганный Славик-Славик, в последний момент, выставив руку — чтобы створки дёрнулись и нехотя снова разъехались, не успев сомкнуться, — и глядя на эту руку, протянутую к нему с лестничной клетки, Славик думает, что не только лицо —

она вся теперь другая, вся, включая и руку, и то самое, из-за чего, собственно... Конечно, если он успеваешь подумать — вот уже перед ним и не только рука её, но и вся эта Другая — стоит прямо перед ним, и пока лифт спускается на семь этажей вниз, просто смотрит, на мигая, в его глаза, да.

А дальше начинается всегда одно и то же. Разнообразие состоит разве что в том, что иногда это бывало в поле — да-да, прямо в поле, когда там сухая земля, засуха, когда лето, хотя один раз там это было и в осенней земле — но тогда он не далеко убежал от неё, ноги погружались в чавкающую массу всё глубже, сзади неумолимо шла на него немигающая... Марина с косами, ну да, секретарша-марабу, как он её называл в эти моменты, с длинным клювом, со стороны невидимым, но данным ему в ощущение... И в какой-то момент он остановился, как вкопанный, почувствовав, что ещё метров десять, и, может быть, уже и без всяких «как» — он утонет в этом поле, рот зажёёт глина, чернозём-пластилин... Такой вот огород они городили иногда, ну да, скажем так, от скуки... Или, с другой стороны, — в город: он идёт на остановку, она за ним, стоит в нескольких метрах, о да, и она ведёт себя в эти моменты... как гордая незнакомка-оборванка, цыганка-из-табора и гостья из другого измерения, ему вспоминается «Господин оформитель». Ну да — мы не шутим, он на самом деле боится её в эти минуты... в городе он иногда отрывается от неё, всё-таки это город, хоть и Энеск, городок... Но можно быстро зайти в подъезд, если на нём нет домофона, или в кафе — там уже есть и кафе, да, и выйти через чёрный ход, скажем, или туалет, кухню, или что там... пройти через проходной двор, выйти на параллельную улицу — чтобы снова наткнуться там на неё, кто бы она там ни была в эти самые моменты, когда косы преображают её лицо — она закручивает в них не только волосы, да и волосы — связь женщины с космосом и полем... но ещё и черты лица меняются, ну да... Это просто какая-то чертовщина — то, что в её глазах в эти минуты мелькает, когда на неё всё это находит, ну да, ну да... Она однажды предлагала ему пройти дальше в эту степь — она сказала, что у её подруги имеется и вполне зримая плётка из соответствующего салона, и все эти кожаные причиндалы, или латексные — безразмерные, в общем, подойдут... Он так и не понял, шутила она или

нет — говорила смеясь, но, может, и не шутила, что он вообще знает о том, что происходит, когда его нет здесь, когда он в отъезде, а ведь он там — где-то в разъездах — проводит всё-таки большую часть времени, да.

И потом, приезжая, иногда застаёт её какой-то... не своей, ну... «Чё ну, подковы гну», — вот такое примерно обращение бывает с порога, когда он спрашивает, не случилось ли чего, да... или это всё кажется ему... Но вряд ли — кажется, судя по тому, как она поначалу — если он долго отсутствует — неохотно подается... то есть пока снова не войдёт во вкус, не станет его — Мариной... она его отталкивает иногда после приезда, и даже однажды сказала, что ли, со сна, когда он, войдя в квартиру, встретил её в коридоре, в ночной рубашке, похожей на то платье — в котором увидел много лет назад впервые на даче, и которую — бросив чемодан, — сразу же стал задирать, комбинацию то есть... а она схватила его руку и пробормотала: «Да что все, как один, сразу туда... как будто я там мёдом помазана...».

Но потом она входит в свой образ — «его Марины», ну да, сладкая, сонная, желанная, как мёд, так и ложка — в ступе, толочь, и день и ночь... ну да, а он — бестолочь, больше ему ничего уже не надо, как оказалось, ебанько... да и ей, вроде бы, во всяком случае, на то время, когда он снова в Энке, и снова — это умоисступление, от которого у соседей шевелятся порой волосы, ну да... благий мат — криками, пробивающий стены, как кирки, или победитовые свёрла — сплошной мат то есть, на который они переходят, хотя так не употребляют практически — между собой, не только сплошной т. е., но вообще никакой — чтобы потом всё отбросить, весь словарь... вообще все невидимые слои — которые он не мог снять раньше ни с себя, ни с кого-то другого... не только с Ольги то есть, ну да, только с ней — с этой малахольной, в Энке, Славик дошёл до такой степени — дикости, ну а что это ещё, когда... что когда... Да вот, когда так — можно застрять на годы в ступе у чёрта на рогах — в Энке то есть, на краю Дикого Поля — где нет вообще ничего, и быть счастливым при этом, в городке то есть, который отличается — городок — от Харькова — гораздо больше, чем тот же Харьков, скажем, от того же Парижа, ну да... Не верите — думаете,

нас снова несёт, читатель? Ну так, может быть, мы чуть ниже ещё скажем пару слов всё-таки — не больше — про сам город этого типа — про Энс, ну да.

Он переехал не к ней, а в неё, и не только в том смысле, что частично (как часть тела, сорри) проводит в ней немалую часть суток... Но и когда он не в ней — его дуралей, да, болтается... но весь Славик всё равно в Энске как бы сам не свой всё-таки, не в себе, а — её, то есть в ней... его бы — если бы он был там просто тем же Славой Сосновским — скорее всего там бы уже того, ну вы понимаете... что-то бы с ним произошло то есть, чужие здесь не ходят, шуток не понимают, местные нравы серьёзные, такое устройство... Какие уж тут шутки, когда... вот навскидку, совсем недавнее, крик души: «Да я же думал, это сын! Темно было!» — это так объяснил Славик их сосед с четвёртого этажа — дядя Петя — заведение на него — на дядю Петю то есть — уголовного дела по статье за нанесение тяжёлого увечья случайному прохожему.

А просто дядя Петя очень рассердился на собственного наследника, поздно где-то загулявшего, несмотря на все отцовские последние предупреждения, ну и — вышел во двор, ему всё равно не спалось, нервно постукивая коротким ломиком о ладонь: «я тебя породил, я тебя и...», и когда в темноте показалась фигура — ну точно его Лёшки, точно... дядя Петя, уже ничего не соображая от гнева, размахнулся и...

Ну и так далее. Вокруг полно было таких вот... переломанных рёбер, отбитых почек, пробитых черепов и т. д. Славик же был все эти годы цел-невредим, выходил сух из воды... как будто носил на себе скафандр, сшитый для него Мариной, — вот только так, немного витиевато, да, но только так мы это можем объяснить вместе с ним — чудом, короче, что он не только там ни разу не дрался, но даже не было никаких угроз его жизни... Один раз, правда, «чудом остался цел» — да, но тогда мужик, плохо опохмелившись, что ли, просто тоже принял его за кого-то другого, только и всего, как дядя Петя за сына — кого-то, ну да.

Так теперь и Славика — приняли за того, кто накануне выкинул мужика из «Калиостро» (это такой пивной бар был в Энске, довольно долго проживший сравнительно с другими заведениями,

которые существовали совсем недолго, особенно в первые годы энской жизни Славика, — в основном по причине причинения, ну да... «слишком сильного материального ущерба посетителями в нетрезвом виде», несмотря на своеобразные энские нововведения даже, одно из которых коротко опишем, раз зашла речь, это местное ноу-хау — ценники в меню, преЙскуранте то есть, который распространялся гораздо дальше ассортимента блюд и вообще пригодных к внутреннему употреблению вещей — на окружавшие посетителя предметы, да... там было указано, например: «стакан — 90 руб., тарелка — 200 руб., стул — 500 руб., занавеска — 1000 руб.» и т. д., и в первый раз Славик немного растерялся, открыв такое вот «расширенное меню», и даже Марина тогда посмеялась — над его тупостью, что он не смог решить простенькую задачку, кибернетик... пока она не подсказала ему ответ — и он почему-то был этим ответом так поражён, что ещё какое-то время бормотал что-то под нос ошарашенно, а потом про себя — потому что Марина не любила Бродского: «...время создано смертью, нуждаясь в телах и вещах, свойство тех и иных оно ищет в сырых овощах... и пространство торчит преЙскурантом... кочет внемлет курантам...»).

Да, так вот, один раз и Славика нашего в Энске просто приняли за кого-то другого, и не то чтобы даже за «ненашего», нет... Было так: в набитом автобусе облако перегара уплотнилось перед ним в конкретного шкафа, сказавшего: «Я же тебе говорил, сука, что я тебя найду», — а дальше мужик объяснил-напомнил Славика, что было накануне.

Славик, видя набалдашник, судя по всему, на рукоятке ножа, который мужик пока ещё не достал целиком из своего ящика-кармана, попробовал воззвать к логике, он сказал, что у него алиби есть, железные, был с женой в этот момент совсем в другом месте — в кинокафе «Восток», где их видели человек сорок, если не больше, он предложил отправиться туда, и мужик, как ни странно, согласился, а там уже, выслушав череду подтверждений от завсегдаев — от членов киноклуба, шкаф сказал: «Ну прости тогда, обознался, с кем не бывает... С меня водка...» — и выпив с ним графинчик, Славик всерьёз задумался над сделанным им открытием: все проблемы Энска — это то, что все постоянно принимают...

друг друга за кого-то другого — и мужик, едва не зарезавший его по неразберихе... с ним в этом как раз согласился, но третий собутыльник — вице-председатель киноклуба, кстати, упрямо повторял в ответ на эти его умопостроения: «Опасно обобщаете, молодой человек», — и Славик в конце концов махнул рукой и тоже согласился, ну и они, естественно, ещё и ещё — выпили, всё-таки стресс всё-таки, ну да.

И правильно сделал, кстати, — что согласился с завкиноklubом, потому что в другой раз ему спасло жизнь, ну или какое-никакое здоровье, подорванное уже нарзаном, конечно, но всё-таки... как раз то, что его за кого-то не того приняли... иначе у него были бы большие проблемы со здоровьем, наверно, ну или — вообще уже больше никаких, если, конечно, поэт, которого так не любила Марина, ошибался, и «сильная боль, начатая на этом свете, НЕ продолжается и на том», ну вот... Трое в сумерках подошли к нему, Славику, а вокруг никого не было — как будто он пошёл от подъезда не направо в город, а налево в поле... И они, кажется, даже не столько хотели отнять у него кошелёк, или что там можно было у него отнять — мало что, именно... сколько дать волю кулакам, ну понятно... и уже было вышел — месяц из тумана... вынул ножик из кармана... как вдруг один из них — после того, как посмотрел Славику в глаза, несмотря на сумерки, что-то увидел там, как видят вдруг труп на дне колодца... ну что-то такое, от чего ему стало вдруг как-то не по себе... «Пацаны, это маньяк, — сказал он, — точно вам говорю... пошли-пошли...» И троица исчезла — как ветром сдуло.

Тогда по Энску ещё ходили только слухи о маньяке — которые впоследствии полностью подтвердились, кстати, — закапывавшем жертвы, расчлняя их не вполне тупыми предметами, на соседних огородах частного сектора — полоса которого начиналась сразу за девятиэтажками и шла к «центру», не говоря о тех невидимых хуторах, что были в поле и далеко за оврагами — Энск был, как та Америка Ильфа, в основном одноэтажным городом-огородом, ну понятно... и маньяк эти головы закапывал на чужих участках, ну так, от скуки, как тыквы в Хэллоуин, а впрочем — там те же маньяки, и этот тоже, кстати, попробовал на всякий случай человечинки — но нет, не пошло что-то...

Славик, приходя в себя, подумал, что они увидели у него в глазах — Марину, точнее, ту, в кого она превращается — с косичками, вселяя в него этот вселенский ужас-dread... В общем, не сползая глубоко в этот коллективный энский бред, повторим только, что Славика в этом самом Энске такая идиллическая мирно-маразматическая жизнь все эти годы была, скорее всего, результатом пребывания всё время в чём-то, что мы назовём вслед за ним если не «Мариной», то шитым Мариной костюмом-оберегом, «скафандром для выхода в открытый Энск», да.

А так вообще Энск для него — это и была Марина, конечно, её квартира, стол-ковёр-телевизор-холодильник-диван — над которым висела тройная репродукция — как бы панорама — какого-то литовского (Марина не помнила фамилию) художника: а просто три широкие, немного дрожащие по краям полосы: серая, голубоватая и снова серая — небо, море и суша — Балтика, одним словом, тоска советского человека по Другому — осталась там ещё от предыдущих жильцов.

Так что все эти свои «теории обознания» и вообще — познание как таковое — он давно уже отбросил на фиг, да здесь и не было место сухой теории — мы имеем в виду не столько Энск, сколько Марину, хотя это всё было здесь со всем связано, разумеется... Гуляя с Мариной «по городу», ну то есть к «центру» — от края света, или наоборот, под ручку, Славик не мог не замечать того, что каждый почти энский мужчина... ну, если не каждый, то каждый энный, пятый примерно, с Мариной здороваётся так... что Славика каждый раз казалось — что тот не просто здороваётся, а как бы в эту секунду мелькает между ними — незнакомцем и Мариной то есть, их собственное прошлое, они что-то такое переживают в воздухе, своё прекрасное мгновение — заново, и поэтому такие улыбки в это мгновение расцветают — которыми они обмениваются, очень даже возможно, что это всё он отнюдь себе не рисовал...

«Ну и что? — говорил Славик себе при этом, — ну и что?»

Раз-другой рассевшиеся на длинной лавке у подъезда, где обычно сидели бабки, мужики-соседи-парни, когда он проходил мимо них с чемоданом из очередной командировки, ну не то чтобы дружно расхохотались... но да, он слышал какие-то смешки, не

«взрыв хохота», нет, не будем преувеличивать (это вообще наша фобия при описании Энска, вы заметили — преувеличения), но смех всё-таки... и слова вдогонку — хотя он был и не уверен, что правильно расслышал... что что-то кто-то там сказал о том, мол, что вот ездит этот чудик пассажирским за тридевять земель за тем, что каждый из них имеет и так — не отходя от кассы, рядом, под боком.

Но он на самом деле был не уверен, что это не послышалось ему, усталому после дороги, — что её имеет кто хочет, что она такая вот прямо тут давалка-раздевалка, короче говоря, блядь... Но даже если это было и так: «Ну и что? — говорил себе Славик, — ну и что?».

Если и в самом деле — как будто мёдом, да... если ни с кем ему-дураку и его дуралею, ну да... не было так хорошо нигде, ни с кем, то — ну и что с того, что?

Разве что... это было странное немного чувство — он это ощутил, когда однажды не сразу воспрепятствовал себе немного на эту тему, ну, что ли, «порексфлексировать»... Как бы трансцендентное такое чувство — при мысли, что в его отсутствие Марина, быть может, спит со всем Энском, а он ведь — в ней, и значит... ну да.

Трансцендентальная блядь... Или, так сказать, медитация... Один раз можно попробовать — но дальше нужно быть осторожным, сознание может и того, растекаешся... и больше Славик в такие глубины не заглядывал — так глубоко то есть не копал он тёмный энский чёрнозём, нет.

«Он же не знает, что эта женщина — ведьма», — вот это он как раз расслышал отчётливо однажды. Это сказала их соседка с третьего этажа, тихо, но внятно, им вслед, провожая взглядом — шли под ручку... и Марина не прореагировала, и вообще сделала вид, что не слышала, — впрочем, она никогда не обращала внимания на слова этой соседки — объяснив Славiku, что бабка — «ку-ку».

Он никогда никого не заставлял у неё, приезжая, никогда... Хотя один раз некто не то чтобы ломился совсем уж в открытую... но позвонил довольно как-то откровенно-нагло, надо сказать, требовательно — казалось, звучал сам звонок как-то хамски, да, и Славик хотел взять трубку, но Марина метнулась и опередила его... и поздно уже

было очень, и она ушла с телефоном в ванную, и говорила там тихо, он вообще ничего не слышал, как будто она там молчала — узнав что-то, например... А когда вышла, и он всё же её спросил, кто это был, она ответила ему фразой, которую он никогда не забывал, как оказалось... с тех пор, как впервые услышал — в Энске, и потому вздрогнул, услышав впервые это от неё: «Меньше знаешь — лучше спишь», ну да.

«Вера?» — спросил Славик — как дурак... Или ещё так — как будто... ну да, ему показалось, что та проступила на мгновение сквозь эту... и далее — когда она наступала на него, заплетая косички — так туго, что и глаза у неё расходились немного в стороны, и вообще черты лица у неё были немного перекошены — казалось, что сквозь неё проступала её дальняя родственница... а кто там уже из них был с циркулярной пилой изначально — you never know, да и вообще всё это домыслы, известно только, что пол-Энска — дальние родственники.

«Боже, какой вы нудный, Веру он вспомнил... — сказала Марина, — ну да, конечно, это была Вера.»

Нет, не рассмеялась, но он не задавал больше ни одного «запытания»... Он правильно подумал тогда, что никогда не узнает, кто это звонил на ночь глядя, а кроме того — кто из двух «кватрин» первый сказал эту фразу — про здоровый сон, хотя она и была общим местом, по сути, но вот как раз в Энске, кроме как от Марины и Веры, Славик не слышал её больше ни от кого. Зато слышал храп, ну да. «Ну и что? — сказал он себе, — ну и что, ну и что? Может быть, другие это не произносят вслух, но про себя постоянно, потому все так хорошо и спят в этом Энске. Ну да, храпят, как наш сосед — так, что даже в поле слышно — полёвкам, вздрагивают там...» — как-то так он подумал тогда, Славик-Славик, в тот вечер, если и не во сне, то засыпая — рядом с уснувшей уже Мариной. Может, ещё «дунул» перед этим, хотя вообще-то с этим он редко тут баловал — всегда ощущая, что он здесь хоть и «в Марине», а всё равно на чужой территории, и если что — куда ты денешься с субмарины, ну да... Он знал, что она пыталась куда-то деться... из этих степей, ну да, проступала в ГИТИс, может быть, даже и не один раз — но дальше

это уже было чересчур для неё, об этом говорить, о провалах на вступительных, как и вообще о её московской жизни, как будто провал в памяти там у неё... и... ну да, мы, как и Славик, её там не видели — в Москве, поэтому трудно представить... и поэтому она у нас всё время здесь, а так она не всю жизнь провела в Энске, нет, и даже можно сказать, что Энск — как возвращение — это была её добровольная ссылка-крест... взятая на себя — как бы явка в хоть и родное, а всё равно — болото, ну или поле-сечь, конечно, с повинной головой и с обидой на себя и на весь свет.

На край его, ну да, повернувшись к целому свету спиной... она могла там часами сидеть на балконе и разговаривать с полевым ветром — так что Славик, будучи совсем рядом — в комнате, дверь балконная могла быть и приоткрыта, с одной стороны, ничего не слышал, а с другой — отчётливо ощущал, что Марина, ну да, играет в спектакле — в театре-студии-подвале, где она работала в Москве и без образования, понятно, что в маленьких ролях, но всё-таки... и теперь вот проговаривает монологи, иногда делая какие-то движения рукой — он видел краем глаза, читая книгу, иногда это было крыло, возможно, только что не чайки, откуда здесь... но — что-то птичье точно там было, да.

Это была вообще запретная тема — и она никогда не говорила ему, в какой она только что была пьесе — может быть, иногда это даже совпадало... в том смысле, что он прочитал у неё там почти всё собрание советских пьес в тёмно-бордовых обложках с золотистым шрифтом, десять или сколько там было томов, и Вампилов, конечно — за окном вечный отпуск в сентябре, микрорайон-котлован, ну да... но однажды косвенно, что ли, подтвердила, что да, из Театра она на самом деле никогда и не уходила... ну да.

А потом позвонила её квартира — достигшая всего, что можно себе представить, по крайней мере, в этом материальном мире — хотя она строила теперь и церкви, разумеется, ещё бы.

И если раньше — когда был тот ночной звонок и какие-то оправдывающиеся слова — произносила Марина, и Славик, сказавший «Вера?» — сам над собой потом смеялся, напоминая сам себе — скверный анекдот про мужа, который подглядел, но из-за того, что они выключили свет прежде, чем лечь в постель, черты-

хается: «Опять эта неопределённость!»... Так вот: после дневного уже звонка Веры Фёдоровны Скляр он подумал, что и тот ночной звонок мог всё-таки быть — её, да... Вот только какое это уже имело значение, первый это был звонок или второй, если по-школьному... или точнее, по-театральному, да, этот звонок стал вот именно что третьим — а сразу после него началось такое аллегро, в котором Славику, как это очень быстро стало ему ясно — и ему, и всем вокруг, то есть... не было отведено уже никакой роли... Никакой — значит никакой, даже зрителя, нет.

Ему не дано было даже увидеть Марину в этом спектакле — а в самом её театре он побывал, только когда он ещё и театром-то не стал...

В свой собственный домашний театр — он был почему-то в этом полностью уверен — Марина превратила впоследствии Верин подарочек — отчасти ему знакомый... Ну да, ту самую дачу... И что-то ещё — может быть, даже нового мужа — в придачу... Шутки шутками — а Славику и такие каламбуры приходили на ум, когда он пытался понять... ну ладно, бывает, жизнь становится вдруг — кому-то, возможно, прекрасной, дай бог... а кому-то — так просто даже удивительной, да... но почему так быстро? Что это была за спешка такая, что с глаз долой нужно было ещё быстрее, чем из сердца — вон. Как это ещё объяснить — кроме как «нашли какого-нибудь мужа»...

Объяснить вот это: «Славик, милый... ты знаешь, я давно хотела тебе что-то сказать...».

Давно-то давно, но сказала на следующий день после разговора с Верой.

Отчасти — такую внезапность Славик объяснял... ну да, «объяснял» — не то, конечно, слово, он не разбирал эти свои довольно-таки лихорадочные последние дни энской жизни, как, скажем, свою же в том же Энке — последнюю шахматную партию, которую вспоминать было гораздо приятнее, хотя бы потому, что выиграл, и более того — выигрыш был большой, и даже дал возможность... как-то не стыдно, скажем так, совсем уже появиться — в первые дни, по крайней мере, у рідному місті... Теперь уже, после долгого отсутствия, если не более чужом, то ещё более мистическом для

него — чем был Энск, ну да, Харькове (где он в свою очередь пережил ужас адаптации — в первый день ему показалось то есть, что Первая Столица, Город Науки... за это время стал теперь больше похожим на Энск).

Так вот, не то чтобы он как-то «объяснял», раскладывая по ходам-по полочкам... Но где-то он чувствовал вероятность такого объяснения: косички, ну да, накосячили в конце концов, и теперь уже были не нужны — теперь Марина была на самом деле той — Другой, и без них, всё сплелось где-то... немного дальше от её головы, и не её ума это уже было дело: звонок Веры, возвестившей начало новой жизни, — был как те же косички, превращавшие её в другого человека, опыт-то был, да ещё какой, — и без театра... Да и что значит «без», если она — при всей своей скрытности — в этом всё-таки признавалась шёпотом и не раз: что она оттуда никогда и не уходила, ну да, — «Я — чайка...» — не вслух, но он, даже при всей своей душевной глухоте (не нам судить, но так, по крайней мере, о нём говорили некоторые женщины), это отчётливо слышал, ну да.

И вот теперь — так он это себе представлял всегда впоследствии... Да, ещё заметим вскользь: не то чтобы условием «развода» (на самом деле, они не были расписаны, но Марина почему-то на самом деле употребляла при расставании слово «развод» — хотя де-юре, повторим, они разошлись просто как в море корабли-девятитазки — расплылись по разные стороны границы двух краин, только и всего), но просто, скажем так, её постановление было такое: никогда никаких контактов, ни письменных, ни устных, звонки это вообще — «Боже упаси», а если случайно где-то... хотя на самом деле мир как раз не так мал... но если всё-таки — то пройти мимо, сделав вид, что не узнал, вот так... — и она повернула голову вполоборота и сделала вид, что его не знает, — и так он её и запомнил навсегда, кстати говоря, в полупрофиль... Так вот, когда она создала там ещё и театр внутри театра — ну да, Чайка, бабочка, фрактал... или — если быть уже точным до конца, как эта балерина — о которой они вместе видели передачу, точнее, сюжет в передаче, вместе с Мариной, ну да, — Славик видел, поворачивая к ней голову, в какое волнение она тогда пришла.

«Дорогая передача», ну да, просто в новостях, но воскресных — там было большим довольно-таки блоком — о Марте Беккет, однофамилице, никакого родства... Балерина, которая сорок лет назад внезапно всё бросила — карьеру в Нью-Йорке, театральный Бродвей... у неё была там уже какая-то слава... Но так случилось: она с мужем ехала сквозь Долину Смерти... вот просто буквально — проезжали там на машине — Dead Valley Junction, и где-то там вылетело колесо, спустилась, что ли, по крышка... и пока муж заменял, она немного прошлась наугад по окрестностям и забрела-очутилась — дверь была открыта или вообще не было двери... и вдруг она нашла себя в доме-призраке, полностью заброшенном, лет этак сто назад опустевшем... Золотоискатели его построили, но не найдя никакого золота, как-то сразу и... испарились — соседние жилые дома в округе остались в десятках миль оттуда, да и то — два-три на сотни миль пустыни вокруг... и вот в голову миссис Беккет там — в этом пустом доме, в гост-хаусе посреди Долины Смерти — такое нарочно не придумаешь, конечно, нет-нет... пришла в голову мысль: создать там свой собственный театр — одного актёра — себя то есть — «Ты — сцена и актёр в пустующем театре...», ну да.

Ну да, играть там ни для кого — или, потом уже, через много лет после того, как они там поселились, миссис Беккет — она ещё и художница была, и всё-таки нарисовала на стенах дома — зрителей... Да-да, вот просто нарисовала их в натуральную величину — полные ряды, и ложи, и партер, и галёрку — аншлаг, и всё реалистично — «как живые»... И вот там она танцевала — и не только танцевала... Марта Беккет ставила и исполняла всё более сложные синтетические спектакли, там уже была и драма и балет с текстом, «гезамткунстверк», если одним словом, как таковой, ну да.

Потом случайно туда занесло каким-то ветром — в глубину Dead Valley то есть — четырёх репортёров, что ли, из «National Geographic», началась федеральная известность, стали приезжать зрители из всех штатов, побывал даже Рэй Бредбери — но всё это уже через сорок сезонов примерно, прошедших посреди пустыни без всяких зрителей, помимо нарисованных.

Прожив с Мариной без малого 8 сезонов и чётко зная, что за это время всё его знание о ней отнюдь не стало больше, чем восемь лет назад (ну то есть то, что он узнал, — было, по совершенно правильной оценке Славика, величиной бесконечно малой по сравнению с величиной неизвестной... вот она, скажем, рисовала когда-то — это он знал то есть, но картины не видел — мельком только, когда она что-то разбирала на антресолях, мелькнули свёрнутые холсты и она сразу их спрятала туда же — а потом, когда он туда полез в её отсутствие, их там уже не было, перепрятала в более надёжное место — к кому-то из подружек, наверно, или друзей, да что он вообще о ней знал), но вот почему-то в этом единственном случае он не сомневался — в своём «ясном видении» её дальнейшей жизни: превращения дачи, подаренной родственницей, в Театр имени Марты Беккет... Ну то есть он вообще мало в чём так мало сомневался, да... Потому что видел это так отчётливо — у себя в голове... Декорации — из «ящика», перед которым они провели на диване с Мариной столько времени эти годы, года... что теперь казалось: если они не трахались, то смотрели туда — в этот ящик, — он тогда ещё не был плоским, он был именно ящиком... и декорации — теперь уже в его голове — были оттуда, из ящика и — из театра в Долине Смерти, который он увидел в программе «Время», да.

В поезде, на котором он покидал навсегда славный город Энск и на который его никто не провожал, — на поезд, потому что у него не было здесь ни друзей, ни даже просто постоянных собутыльников, скажем так, не говоря про любовниц, потому что он жил, как мы уже писали, — «в Марине», чтобы она теперь, в свою очередь... ну да — жила теперь в нём самом, угадали... Так вот, в этом самом поезде... нет, и не в том, на котором он восемь лет назад сюда попал, — тот маршрут отменили всё-таки, несмотря на все усилия «таможенного лобби», — Вера Фёдоровна не поддержала их по старой памяти, нет, она теперь мыслила шире, ну да... И в поезде, стало быть, раз уж мы говорили о телевизоре, ну да... то вспомним и об этом, то есть что Славик, глядя на приходящий в движение перрон, вдруг как бы заново увидел и другую передачу — одно телеинтервью, да... Оно было по каналу «Культура», и гостьей программы в тот раз стала не кто иной — иная, — ну да, как прима-балерина, шутка... не кто

иной — как Инге Фельтринелли, да-да, заменитая вдова и управляющая-владелица (совместно с сыном) самого большого (ну или одного из — двух-трёх от силы, а может, всё-таки и самого, Славик точно не запомнил) издательства Европы.

Она вообще-то много чего рассказывала там интересного о своём бизнесе и о своей жизни, столь богатой событиями... но Славику — глядя теперь уже на поле, мелькавшее в окне, — и где-то там на краю эти серые полосы, а может, просто уже чудятся, ну да... ему вспомнился в этот момент рассказ издательницы о её посещении Эрнеста Хемингуэя на Кубе.

Ну вот да, бывает, память, знаете, как датчик случайных чисел — которые оказываются часто и не совсем случайными... В силу некоторых обстоятельств, то есть, Инге Фельтринелли точно запомнила день, когда она, обидевшись на сверх-литератора, тихо-тихо и очень-очень рано — ни свет, ни заря — собрала вещи в чемодан и пошла к выходу, но живой классик её окликнул: оказалось, что он не спал всю ночь.

Нет-нет, вовсе не потому, что накануне её обидел и раскаивался — смешно даже представить такое, нет-нет.

Накануне они поехали вдвоём — сверхлитератор-супермен и юная совсем тогда, и даже вовсе не издательница — ею она стала, конечно, уже только выйдя замуж за Джанджакомо... а тогда ещё — совсем юная немецкая, но уже тоже немного звёздная при этом — благодаря нескольким удачным фотосессиям — фотограф Инге... Славик не смог вспомнить её имя в девичестве, но вот всё остальное он помнил так, будто не слушал рассказ старой женщины — всё ещё очаровательной притом, а видел такой фильм: Хемингуэй остановился вдруг на пороге колониального кабака, куда они вошли, достал из кармана «фальшивые жемчужины», ну да, откуда-то было у старика множество бижутерии, в карманах... и стал швырять их на пол... и не просто на пол — он метал там этот фальшивый жемчуг, а под ноги ребятишек, которые сразу же сбежались, да, под ноги — туземных мальчишек, — которые сразу кинулись, конечно, не зная, что жемчуг фальшивый, и стали его собирать и — драться, да-да... по-настоящему драться между собой, не на жизнь, а на смерть — за эти самые «перлы» американского дядюшки.

Хемингуэй при этом, по словам Инге Фельтринелли, радостно улыбался — просто-таки счастливой восторженной улыбкой этакого... старого морского дьявола — ему приятно было, что он показывает юной спутнице «шоу» — дерущиеся за цапки туземцы, ну, то есть «инстант классик»... И когда она стала дёргать его за руку — упрямо продолжавшую метать «жемчуг»... и закричала, чтобы он прекратил немедленно — мальчики же бьют друг друга не по-детски, на полу — кровь... Хемингуэй резко отдёрнул руку — чтобы продолжить свою забаву и — не менее резко, чем отдёрнул, как отрезал: «Я никогда не позволю какой-то немке делать мне замечания морального толка!».

Ну, вырвалось...

Но вот после этого Инге решила уехать, уплыть досрочно, собрала до рассвета чемодан, пошла на цыпочках к выходу, но великий рыболов её не отпустил — окликнул... Он подошёл к ней и сказал, что накануне умер Иосиф Сталин, поэтому он всю ночь не спал, а слушал радиоприёмник.

«Этот человек спас вашу Германию», — Фельтринелли запомнила, что Хемингуэй произнёс тогда эти слова и... как-то, в общем, уговорил её остаться — и она провела ещё две недели на Кубе, в марте 53-го, ну да, ну да... Ну и вот же — прежде, чем вынырнуть из поехавшего с ним в поезде как бы уже призрачного «зомбоящика» Марины, Славик так явно всё это увидел теперь, что... ну понятно, да.

Хотя — что тут может быть ясно вообще? Ясно-то ясно, но вот вместо Хемингуэя в этой короткой пьеске-скетче, в телеспектакле — в голове Славика — на пороге заведения, хоть бы и на Кубе, почему бы и нет... если там стоял теперь Максим Андреевич Иевлев, конечно, и — метал, и метал... фальшивый жемчуг-бисер — под ноги кубинских мальчишек...

Почему он, а не Хемингуэй?.. или не Славик? Если как раз Славик торговал «фальшивыми алмазами» (ну, по крайней мере, ненастоящими), а полковник-то как раз хотел... но тсс, тсс... это неважно, уже неважно... никакого полковника уже нет — ну или он стоит на пороге бара, на Кубе, ага... вместо того, другого старика-разбойника, или они сошлись там все вместе, социал-виста, whatever, Славик спит уже, если вам больше нравится такая фигура... речи, ну да... и до речи: ехать ведь не так далеко — до границы, но и не так

близко — вполне можно выспаться, разбудят его всё те же таможенники... Но на самом деле вовсе не те конечно, и теперь уже только в Белгороде, а это не так скоро, да... так что хватит ему мешать, мы умолкаем, мы слишком громко всё это читали вслух, мы гасим ночник и глава заканчивается, странная, но что уже теперь — да и остальные ведь ненамного, того, — менее... хотя всё относительно всё-таки, да и не нам судить тем более...

Скажем только, что это видение у него — при оставлении навсегда городка, в котором он прожил отдельную жизнь... было, конечно же, неспроста — видение сие... Мы, честное слово, хотели более подробно описать Энск, не так патефонно, да... хотя бы вот беседы Славика с одним соседом Марины, этажом то есть ниже, и строчками стами примерно — выше бы их описать... но теперь уже разве что тоже нашей этой скороговоркой... эх всё у нас через пень-колоду, однако... ну да: сосед — Геннадий Степанович был глубоким — во всех смыслах — стариком и бывшим школьным учителем иностранных языков, и в шутку, что ли, как-то в лифте предложил давать Славiku частные уроки — бесплатные, хоть французского, хоть немецкого... «Да мне бы хоть английский...» — сказал Славик, на что старик сказал: «Можно и английский, заходите, молодой человек».

И Славик — иногда с Мариной, иногда без — когда она была на работе, а он не в разъездах... провёл немало славных часов в чаепитии... Нет, языки они там не учили, это был просто повод — иностранный язык, но зато — у старика рос в трёхлитровой банке чайный гриб, например, огромный, старик Колесников как-то шутя назвал его «головной профессора Доуэля», хотя гриб был больше похож на волнистый портрет — как бы искажённый рябью, отражение на поверхности моря — Альфреда Хичкока — так показалось Славiku, может быть, потому, что он вспоминал, глядя на гриб, те Верины соленья-банки, которые видел у неё на даче — то ли в чёрном горячечном сне, то ли уже в белой горячке, и там были другие грибки — маслята, ну да.

А в общей сложности — и дни, или даже месяцы, наверно, если сложить, — он провёл с этим замечательным книжным червяком-говоруном, как он его называл про себя — Геннадия Степановича Колесникова, заслуженного учителя СССР... И вот, то ли после этой передачи — которую бывший учитель не видел — пропустил,

и Славик ему пересказывал своими словами... то ли это уже было независимо от «бус Хемингуэя» (ну т. е. бусинок, конечно, мы, что ли, оговорились — бусы носили уже потомки супермачо, почему-то расплачиваясь за избыток его мужественности своей андрогинностью, — но так же отправляя себя на тот свет, впрочем, стреляя в самих себя то есть, как и мужественный их предок), они как-то заговорили об «Игре в бисер», и старик Колесников посетовал, что Славик — который признался учителю, что во всём «магнетическом», по мнению учителя, «опус-магнуме», ну да... ему нравятся, пожалуй, лишь стихи Йозефа Кнехта в конце — как, кстати, в «Живаго» — стихи Живаго, примерно... и тут вот Славик припомнил к слову — интервью с Инге Фельтринелли, хотя и не сразу стал цитировать, потому что старик Колесников настроился на «волну Гессе» всерьёз и стал «вещать» — посетовал, стало быть, что Славик не может читать «Игру» в оригинале, — по его словам, на немецком это же «совсем другое дело», ритмическая проза, суггестивная, завораживающая, «и вам, Слава, всё-таки надо учить немецкий»... Ну вот, а потом ещё он сказал, что, с его точки зрения, и название переведено неудачно, т. е. не точно, потому что «Glasperlenspiel» — в оригинале означает буквально «игру в фальшивый жемчуг» или «перебирание бус из ложного жемчуга», как-то так, да... и в этом есть, стало быть, самоирония — автора, придающая дополнительный оттенок названию произведения, этакий благородный блеск, мерцание, знаете... На что Славик осмелился возразить: русское название, де, не просто удачное, но и по-своему многоёмкое, если вспомнить — а как тут не вспомнить — про «не мечите бисер перед свиньями», например, ну да... то покажется, что переводчик очень даже осознанно его выбрал... С чем старый учитель Колесников — неожиданно вдруг согласился, как ни странно, кивнул, отхлебнув свой чайный напиток — с лимончиком... и даже, подумав немного, признал вдруг, что русское название и в самом деле совсем не такой уж «нефонтан», как он перед этим выразился (старик изредка любил вставлять в рафинированно-академическую свою речь разговорные словечки), а возможно даже, вы, молодой человек, в этот раз и правы...

— К тому же, — хитро улыбнулся Геннадий Степанович, — не знаю, как вы, дорогой Слава, а мы — наше поколение — называло

его «Хэмом», ну да, «старик Хэм», вы не помните, но вы знаете, что такое по-английски — «хэм»?

— Да, это я знаю, — улыбнулся Славик, — свинина, то бишь свинья, мечущая бисер, йес.

— Ветчина... но вы меня поняли... Так вот какие мысли тут приходят мне в голову, молодой человек...

Но наш-ненаш, — наш с вами «молодой человек» уже не слышал, к сожалению, что говорил ему сосед и заслуженный учитель, вместо этого — с чашкой напитка в руке — герой наш под конец этой главы задумался о чём-то своём, извечно-туманном, ну да, об этих своих странных скитаниях, в том числе с автомобильными решётками-табличками, а потом — с искусственными алмазами — в пакетиках, потом об алмазном полковнике, переведенном в какое-то другое звание, наверно — то ли под-, то ли над-... полковника, поди пойми... ну да, и чуть было не подменившего его фианиты «в натуре» на алмазы — такая вот «гласперленшпильщина» промелькнула со скоростью перемотки, вся эта наша с вами глава то есть — у Славика в голове, плюс-бонус — игра, в которую на самом деле сыграла «некто Вера», решившая, как она ему тогда ещё сказала, между прочим... так что он поёжился и даже забыл это надолго: «Не время было разбрасывать камни», — ну и вот, не дав их «разбросать», собравшая — соответственно, из осколков,— эту свою «империю Веры» — вместо полковничьих «алмазов из пепла», ну да... много странных мыслей то есть пронеслось ещё тогда, в гостях у старого соседа, — пока Славик нёс руку с чашкой к поверхности столика — пронеслось и исчезло, как это и бывает, вы это тоже знаете, и мы тут не совсем удачно выразились, конечно, назвав их «мыслями» — это были ощущения, мерцающие бусинки, или... просто море, солнечная дорожка бликовала-слепила, больше ничего... И вот уже — поезд, и позади — славный город Энск, очень живописный летом, между прочим, славный городок, да... и, засыпая в поезде, Славик видит старика с лицом Мика Джеггера, потом — Моби Дика, или теперь — совсем уже без лица, может и так... но который стоит, тем не менее, довольно прочно на ногах и по-прежнему, несмотря на все одёргивания и замечания, на все окрики и требования политкорректности — стоит и мечет, и мечет... невесть откуда появляющиеся в его

руке жемчужины на деревянный пол — со стуком, на красноватый пол, под босые пятки туземных мальчишек... А теперь и этот пол, кажется, тоже исчез — свернулся, как покрытие над бассейном на новой даче Веры Фёдоровны Склад... Хотя это на самом деле и не бассейн — это блестит море, и всё тот же старик на берегу бросает гальку — так, чтобы плоские камушки прыгали — много раз, высоко отскакивая от воды — так далеко в даль, что в момент, когда очередной jumping stone не подлетает больше вверх рикошетом, а камнем идёт ко дну, он совсем уже невидим сновидцу и, может быть, вправду улечучивается, улечая за горизонт, а там превращается в метеорит, который летит обратно — в ночь, откуда прилетел... а может быть, просто чтобы лишний раз подчеркнуть таким коротким, что ли, росчерком, в конце — что вот этот энный был уже вот именно последний Энский — сон, ну да.

6. Эстафета поколений

Статья, эссе, или реферат — мы не знаем, как правильнее назвать странный текст, опубликованный Славой Сосновским в 4-м номере за 2012 год харьковского журнала «Ваше здоровье».

Возможно, что такое желание — вставить в произведение опус его персонажа, эта старая, как сама литература, идея-фикс появилась у нас примерно по той же причине, что и у редактора «Вашего здоровья»: почему бы — пришло вдруг в голову — нам не использовать некий «нулевой текст о нулевых» из более или менее органичного, или, по крайней мере, органического (ну там «биомеханика» какая-то внутри всё-таки, не путать с бионикой) наполнителя — вот оно, это слово.

И всё-таки, зачем это нужно нам, в отличие от редактора, хотя бы даже худо-бедно глянцевого и полумедицинского журнала — понять сложнее, конечно... Знаете что, если совсем уже начистоту: мы, признаться, пока вообще не уверены, что мы пишем, а вы, стало быть, читаете, эту часть жизнеописания Вячеслава Сосновского. Потому что жизнь Славика после возвращения его из Энска в Харьков пока не выглядит в наших глазах, так сказать, содержащей «вещество литературы» и, соответственно, возможности переработки дней и вечеров героя в литературное, прости господи, произведение.

Ну как-то вот не вырисовывается пока — что ты тут будешь делать...

Хотя и окончательное решение нами тоже ещё не принято, и вот пока суд да дело, раз уж он сам теперь пописывает — наш герой, наш человек, снюсь-гусь, да... пусть сам и заполняет нашу заминку-паузу,

скоморох. Или — арлекин, которого он, в свою очередь, упоминает в своём фельетоне... Вместо того, чтобы мы тут и пели, и плясали от печки, крутили сальто-мортале и хула-хупы вводных оборотов, причём всё это, точно зная, что эти страницы потом отправятся обратно в печку, потому что изначально были предназначены для растопки и разгонки... для разогрева, в общем, как если бы у нас тут вдруг разом взяли и отключили центральное отопление.

А других оснований вставлять в нашу притчу эссеи её персонажа, по-видимому, нет, вполне достаточно было бы, например, сказав в двух словах, что, дескать, вернувшись в город X после долгих лет, Сосновский выживает там посредством разного рода подёнщины — в том числе и литературной, то есть сочинения текстов разной степени сомнительности.

Зарабатывает, стало быть, отставной коммивояжер — написанием статей на любые темы.

Эта глава, как мы уже сказали, пока что под большим вопросом, но если мы всё-таки будем её писать, то обещаем, по крайней мере, не множить авторов без надобности, более того — вообще не тематизировать дистанцию между нами и Славик-Славиком, мы или сократим её до нуля, или совсем уже оторвёмся от всех и вся — вовсю, по полной программе, будем обходиться и без шарниров «штернерианства», без всех этих неспортивных комментариев и стёршихся шарикоподшипников, клянёмся.

Скажем ещё только вот что: слов, которые Славик взял в качестве эпиграфа, в приведённом им источнике мы не нашли. Что и неудивительно, с него, знаете ли, станется. Вот его текст.

О ФИЗИКЕ И МЕТАФИЗИКЕ СМЕХА

Живы только серьёзные.

Дхаммапада

Мне приснилось, что я снова сижу в том НИИ, где в прошлом веке работал наяву.

И что меня вызывает к себе начальство и даёт такое техзадание:

1) вывести на основании методов, разработанных в газовой динамике, уравнения человеческого смеха; 2) с помощью асимпто-

тических методов Боголюбова исследовать систему на устойчивость, учитывая все имеющиеся в ней нелинейности; 3) написать к указанному сроку статью в «Вестник машиностроения» под названием «О физике и о метафизике русского смеха».

Начальник отдела «уточнил», увидев смятение на моём лице: «От тебя, Коля, требуется срочно сказать что-либо внятное о смехе как о физическом явлении в биологической части системы и сделать выводы об устойчивости всей системы в целом». Я поплёлся за свой стол, сел и стал думать, или делать вид, что я думаю — я на самом деле сразу понял, что это тупик. Даже оставляя в покое пока что всю эту на хрен «метафизику» — ну какие я мог принести сюда свои хотя бы даже три копейки, а? Ну был у нас в харьковском университете спецкурс «Механика живых систем», помню, что специально приехал его читать некто Р. из Москвы, было такое дело, и зачем-то я об этом рассказал — на свою голову — когда-то шефу, ну дурак.

К сожалению, я ничего не смог сейчас из этого курса вспомнить, вообще ничего, и в голове у меня был один курсив, возможно, что и не мой... Хотя логос присущ всем, так что этим-то зачем ещё заморачиваться, хватает проблем и без того... И вот, значит, чтобы как-то «заговорить» хаос и смеющуюся бездну, которая и была настоящим заказчиком исследования, — я уверен, шефа просто выбрали посредником (на мой вопрос, для кого это, он засмеялся и сказал «много будешь знать...»)... Хотя бы для себя самого то есть — заговорить, как зубы, — я, поборов искушение встать и сбежать навсегда с работы, сидя на рабочем месте, как бы то ни было, не дезертируя в «бизнес», например, как некоторые... взялся, по крайней мере, записывать разбегающиеся мысли: «Отрицательные обратные связи... смеховая физ-культура... ну а что, смех смехом, а в систему уравнений наверняка подвергается и какая-нибудь там «виброгимнастика», скажем, скорее всего её тоже надо будет включить, раз уж от смеха физические тела «сотрясаются» (подумал я, глянув первое попавшееся на глаза по тегу «смех» — «смехотерапия»), — как частный случай легендарной геронтологии... конструктора самолётных двигателей А. А. Микулина...».

А способствующая — в силу своего созвучия, по крайней мере — непрерывности аллитераций «гелатология» — это специальная наука

о смехе, да-да, есть теперь, значит, и такое, оказывается: век живи — век учись, воистину. Довольно-таки молодая отрасль знания — моложе геронтологии, но высказавшая уже, как минимум, одно сильное утверждение: что смех якобы старше самого человеческого рода, о как!

Да, но при чём тут была «вибротерапия» Микулина...

Ах, почему бы и нет... Ну а что, никто же не знает собственных частот этой системы — «Человек», может быть, как раз «смеховые» и являются собственными, или, там, «биоэффективными» частотами... Только вот я не гелатолог и не геронтолог, а... аллитератор, вот именно, закончивший мехмат, работавший в НИИ, при этом как раз воспоминание о том времени, когда в сферу моей деятельности входил анализ собственных частот и — соответственно — устойчивости, более простых, но, по-своему, тоже каверзных гидравлических систем, — именно этот опыт не давал мне теперь «без цифр в руке», на глазок, этак походя, выносить суждения о системе, которая уже три миллиона лет, по словам профгелатологов, как работает.

«Работает — не трогай»... Ну то есть по их версии — гелатологов, — смех был уже у предков человека... Хотя я лично не очень в это верю — в три миллиона лет смеха... Ага, вот и гелатологи, кстати говоря, уточняют: предки человека совсем не так громко смеялись... Да, кажется, совсем даже беззвучно... ну то есть это были просто такие частые «выдохи», а это напоминает скорее другие функции организма, всё-таки более жизненно важные, как бы то ни было, не правда ли... Так что там у вас было, «смех как свободные колебания»... Или как автоколебания... т. е. «стоячие волны», смех как эхо... чего?

Да, и ещё: в эту самую по себе гремучую, как метан, смесь «физики и мета-физики» (оба слова написаны чёрным по белому — в техзадании) всё время примешиваются воспоминания о «хохотунчиках», например, т. е. хорошо известных всем состояниях, которые бывают не у всех, но у некоторых — после употребления психоактивных веществ.

А есть ведь ещё и такие, которым вообще не нужно никаких веществ, чтобы войти в эти состояния. Каждый, наверно, знает таких людей, они часто бывают в зале кинотеатра, этакие «мешки со смешками», кажется что это и не люди, что они там лежат всегда на сиденьях в темноте и смеются... А мне вспоминаются ещё и две

хохотушки с того же мехмата... Были у нас в группе две девицы, которые всегда сидели рядом и громко смеялись без причины, во всяком случае, так это выглядело для посторонних наблюдателей, какими были мы, одnogруппники, не говоря уже о бедных преподавателях у доски, которых поначалу эти взрывы хохота довольно сильно смущали — каждого нового то есть, но потом он, или она, как правило, приходили в себя и выставляли девчонок за дверь. На следующем курсе они в момент начала припадка (слово соскочило сейчас с пера случайно, но я не буду его вымарывать, девицы наши падали со смеху не буквально, а фигурально, но всё равно интенсивность, регулярность и неотвратимость этих приступов делала их похожими на эпилептические) уже сами просились выйти и выбегали так стремительно, как будто им надо было добежать до туалета. Зажимая рты, но смех всё равно из них прорывался. «Резко выдыхаемый при смехе воздух может достигать скорости 120 километров в час», — сообщают вот гелатологи... ну да, такое трудно удержать в себе ладошкой. Преподаватель недоуменно пожимал плечами, а потом приходил в себя и продолжал произносить несмешные, вроде бы, слова вроде: «тензор», «интеграл», «дивергенция»...

Ну их всё что угодно могло ввести в это состояние, хоть «ротор», хоть «дивергенция»... И «тензор», конечно... а уж если у него было имя, скажем — «тензор Римана-Кристоффеля», наших хохотушек было слышно по всему этажу университета. Мы, во всяком случае, прекрасно слышали их и тогда, когда они выбегали в коридор и за ними захлопывалась тяжёлая дверь аудитории Логунова. И я вот сейчас думаю, что, может быть, это они виноваты в том, что я с юных лет невзлюбил смех.

Да-да, смех как таковой. Мне часто хочется сказать или написать смеющемуся: «Съешь лимон». Ну не всегда, но в большинстве случаев, правда. Особенно женский раздражает... Девичий — ещё куда ни шло, ну не все же так ржали как те две. Нет, мне нравилось, как многие смеялись в девичестве, но когда они подрастали и становились «зрелыми женщинами», я каждый раз содрогался от ужаса, когда они смеялись... этим своим смехом, правда.

Каюсь, но мне казалось, что они все, как бы сказать... что этот смех — он у них один на всех, что ли, я некоторое время называл

феномен, помнится, «синдромом Пугачёвой». Может быть и незаслуженно, кстати, не так часто она и хохочет... Но вы помните, если слышали, её смех в «Арлекино», от которого хотелось самому кувыркаться и хохотать, как от щекотки... И потом этот смешок Примадонны, от которого сразу становилось как-то холодно, зябко, во всяком случае, не смешно... Хотя именно он — этот второй пугачёвский — как раз потому, что был не совсем здоровым, я думаю, и оказался заразительным для женщин, началась даже такая, я бы сказал, эпидемия, охватившая не всех, но значительную их часть, да.

В первую очередь — «уверенных в себе», конечно, «добившихся всего», «властелин» или, как сказать, властительниц? — далеко не только дум, нет... Я вот помню, как мой знакомый, известный фотограф, хотел привезти одну такую, обладающую большим состоянием и особенно умопомрачительным хохотом, в Германию, где он тогда жил на стипендии, — пригласить её официально от какой-то там бундес-земли как наиболее яркую «представительницу нового русского бизнеса», встретить на лимузине в аэропорту с местными чиновниками, всё как полагается, чин чинарём, чтобы она ни о чём там не подозревала, принимала всё это как должное, а что — она важная птица и есть, а как... И — чтоб она смеялась, смеялась, смеялось... этим своим смехом, и произносила свои монологи — в камеру, ну просто записать это всё живую на фоне этих чинных немцев, — по его мнению, это был бы «просто шикарный перформанс, шикарный — лучшее, что может быть сейчас, поверь, это и есть сейчас контемпорери арт, ничего не надо делать больше, просто дать ей слово», — а он человек в этом смысле довольно опытный.

Своего рода реди мэйд он, впрочем, так и не осуществил, хотя даму, о которой у нас зашла как-то речь — владелицу газет-пароходов то есть... Не помню уже, по какому поводу я её упомянул в разговоре, кстати... Сейчас, в тексте, помню — из-за её смеха... А в разговоре, кажется, просто случайно, рассказывая о своём недавнем тогда ещё совсем прошлом, а фотограф, увидев её потом в телевизоре, так оживился, что сделал фотосессию, да ещё и видео, но не в Германии — он сам совершил рейд, не поленился — в родной городок дамы, где пробыл неделю как бы придворным фотографом, увековечивая даму... Что-то он мне потом показывал: как

она прыгает в чёрную воду, например, хохоча, в крещенский мороз, не совсем голая то есть... Ещё она там — в его видео — скакала на лошади амазонкой, прыгала в проруби вот именно и «строила» на своём подворье «души», хотя тут точнее — «тела» — обслугу, надо бы сказать, около ямы-канавы (соблюдая приличия — как бы играя ими в тетрис, отдавая команды...), дама эта, кстати, строила и церкви... да и сейчас строит — дай бог ей здоровья, это великая женщина... После показанной фотографом в Берлине выставки — саму даму выманить немцам к себе не удалось, нет, ну что-то она почувствовала в этом приглашении, видимо подвох-засаду... кстати, немного зная, скажем так, эту удивительную женщину, я был искренне рад, что она не дала фотографу заманить себя в фотоловушка, иначе я, опять же немного зная её... эмоциональность, беспокоился бы о здоровье фотохудожника, вы меня понимаете... и не то чтобы она была права при этом — я вообще против любого насилия, и особенно — по отношению к художникам, потому, что «художника легко обидеть», конечно.

Да выставка и без присутствия на ней дамы удалась на славу, была хорошо посещаемая и даже как-то расширила — как писали потом (мне рассказывал фотограф) немецкие газеты — представления немцев о русской природе и о русской женщине.

В одной газете вскоре после выставки, например, была опубликована карта «мира как представлений о нём нас, немцев», где на каждой крупной стране было что-нибудь да нарисовано и/или написано — и вот на розовой России, значит: «Женщины с миллиардами» — так до Урала, а от Урала — «Женщины с бородами» почему-то, хотя там уже — за Уралом то есть — это вряд ли было влияние берлинской выставки фотографа, это было что-то другое, нам непонятное, немецкая юморина или просто оксюморон, может быть, какой-то их с бородой.

В общем, я рад, что «визит дамы», которым фотограф хотел украсить свою ретроспективу, не состоялся... Но я об этом уже сказал, и вообще... я вроде бы как отвлекся, сорри, мне давно уже пора было вернуться к моим баранам.

Однако нет худа без добра, что-то я проговорил тем временем всё-таки, да и тема моего доклада такова, что, сколько от неё

ни уворачивайся, всё равно она, как та худоба, к тебе повернётся другим боком — не физикой, так метафизикой — смеха ради, да... Если вы, конечно, ещё читаете эти каракули... Каракуль, кстати, это шерсть ещё не родившегося ягнёнка, да, это ужас, а вы не носите... и не носитесь... с этими вашими шубами — на вешалке висеть... Так что там, если мы ещё в теме, физика, метафизика... Ну разве что ещё мета-химия... «Химия и жизнь», ну да, у фотографа была такая серия, с таким названием, хотя она так много кочевала по всему миру — как та отара, ну да, по музеям и выставочным залам то есть, успела сменить несколько названий — может быть, на разных языках разные словосочетания звучат лучше или хуже, «Физика и смерть», например, я не знаю, я не полиглот и даже не политолог-аллюзионист, к сожалению, а — всего-навсего аллитератор.

Я помню, может быть, и не все... названия (в переводе на русский): «Соляной раствор», «Сток — исток», «И сток мира...».

Снимки были сделаны аналоговой и вообще древней камерой — с треножником, такой станок — станины-пластины, ну и пласти — коллективного бессознательного-безответственного.

Это где-то во внутреннем Донбассе — там вокруг этого места выстроена, говорят, устойчивая мифология.

Есть такая вера у людей то есть, что солоноватая жидкость, текущая из трубы тамошнего химкомбината, обладает целительным воздействием.

Жидкость течёт из трубы уже очень давно, и там, где она вытекает, образовалось озеро, «ставок», в общем, куда и приезжают совершать омовения со всей округи, а может, и более отдалённых уголков страны-краины.

И вот эти народные омовения фотограф запечатлел, получились серо-белые отпечатки, без преувеличения, эпической мощи: огромные лифы-купола, трусы-парашюты, тела-облака, панамы-каналы... Нет, я не смеюсь, упаси бог, и, глядя на них, никто не смеет смеяться, а впадает в некую задумчивость, да? Я вот к чему — всё это сейчас подведу: я давеча машинально подумал об этой серии, когда смотрел фильм «Мишень».

Аналогию, наверно, не нужно долго объяснять, во всяком случае тому, кто видел фильм, фотографии я уже кое-как прояснил, по

крайней мере, их штудиум... В фильме мифология несколько другая, но похожая, а если прибавить к «Соляному раствору» ещё сколько-то унций «Соляриса»... ну то есть не «Соляриса», а «Сталкера», конечно, это была оговорка, инерция потока — аллитераций, издержки производства бывают всюду, вот именно, — то получится «Мишень».

Только из Вселенной вытекла на Землю и скопилась в одном месте, что называется, raw energy, а не солёная жидкость из трубы химкомбината. Но вся Россия «сидит на трубе» — и в этом недалёком будущем, ещё прочнее, чем в настоящем то есть, на энергоносителях и прочих «недрах Земли».

Максим Суханов играет «царя горы», но не Годунова, а — «министра недр», дарит жене кусочки стратегического вещества для её серёжек, которые стоят, как космические корабли, но не будем отклоняться больше от темы ни влево, ни вправо: там есть, стало быть, такой как бы и физический объект — «мишень», — который в этой наполовину китайской уже или ещё России становится одновременно и мета-физическим (слово ведь «метафизика» изначально означало то, что «за физику», да?.. ну вот и здесь буквально — это то, что возникло «после физики»).

Оставшаяся от СССР ловушка космических частиц — покрытый специальным материалом кусок плоскогорья — плато, ну что ли, на Алтае, в общем, такая «Зона», короче говоря, оставленная на обочине — окраине Китая, да, на этот раз не инопланетянами, а — советскими учёными-астрофизиками.

Ну вот, и плюс оставшаяся от коммунизма электрификация всей страны — до самых до окраин, плюс ко всему — крепкая вера в народе — как в «Источник жизни» на Донбассе то есть, запечатлённая фотографом, — что зона исцеляет от всех болезней. Ну то есть тут ещё она омолаживает попутно и вообще — останавливает процессы старения. Те, кто «могут себе это позволить», летят на Алтай и «проходят сеанс», т. е. просто сидят там несколько времени прямо в уловителе. Там не только плато с покрытием входит в комплекс «Мишень», но ещё и бункер, инфраструктура сохранилась, то есть, частично.

После чего — как их и предупреждал парнишка-сталкер — персонажи «Мишени» начинают смеяться. Безудержно, по любому поводу, точь-в-точь как «торчки».

Естественно, эти кадры напомнили и галлюциногенный «хохотунчик» и — мне лично — хохотушек из моей группы, на которых так действовала матфизика, матанализ, или я не знаю, что это могло быть, потому что я не гелатолог.

И как бывший механик «смехмата» тоже больше ничего не могу вам доложить, друзья мои, тут скорее филолог бы пригодился, хотя и он — не уверен, что справился бы.

Особенно в рамках одной статьи — у меня вот, например, от плохого сочетания физики и метафизики — со смехом, передо мной то есть... и вправду мелькает уже что-то и вовсе несусветное — ни уравнениями описать, ни с письмом уравнивать... как будто это техзадание на самом деле и не тех и не этих... — нечто простирающееся то есть — да так, примерно, от «Имени розы» с вложенным в неё трактатом Аристотеля (мол, «из всех живых существ только человеку...») вплоть до какой-нибудь там «йоги смеха» — ну в таком вот диапазоне примерно, со всеми этими смехачами, стариками-сатириками, обэриутами, да и вообще с половиной мировой литературы — в таком примерно промежутке — в придачу к уравнениям то есть, такие то есть должны быть тогда уже приложения, по идее, таблицы-словари,.. даже редуцируя которые до утилит кажется, что обнимаешь необъятное, испытываешь океаническое чувство.

Есть же много предупреждений в самом языке по поводу смеха, не мне вам говорить, да, «много смеёшься — потом будешь много плакать», «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним» — вот первое, что приходит на ум, да. Что плохо согласуется, скажете, с IQ, зависящим от скорости понимания анекдота...

Ну и ладно, я, как уже сказал... да вы и сами успели заметить — не филолог, последним, так последним, мне вообще больше нравится, как бы это сказать... Внутренний смех? Ну да. Особенно женский. Так ведь было, по словам гелатологов, и у наших предков, а это что-то да значит — беззвучный смех нашей общей праматери, не правда ли...

Тогда как громкий неизбежно вызывает у меня желание покинуть зал, или если я не в кинотеатре, всё равно вызывает весьма неприятные ассоциации, уже полностью, впрочем, описанные, см. выше.

Может быть, ещё и потому, что я, как бы это сказать... продукт эпохи распада... и одновременно — кризиса, по крайней мере, в

моём кругу, образа мышления шестидесятников — на месте которого ничего так и не выросло, увы.

Впрочем, это всё пустые слова, я знаю, что вы скажете: есть шестидесятники, родившиеся и в восьмидесятые, и в девяностые... Не хочется говорить совсем уже банальные вещи, но всё может быть, то есть сразу много факторов — могли повлиять на становление этой моей смехофобии.

Всё предыдущее было написано мной только потому, что шеф от меня требовал ко всему ещё и статью по результатам исследования (у них там свои проблемы — отчётность, статистика публикаций и т. п.), а если бы я изложил здесь только лишь голую суть своего открытия, на статью это бы не потянуло точно, просто по объёму, ну понятно, простите.

Этот феномен поведения системы — «Торонтский смех» — представляет собой специальное и очень редкое решение нелинейных уравнений, найти его с помощью аналитических методов (с помощью, скажем, метода малого параметра, как я это делаю в иных случаях) невозможно.

Но я всё-таки почти предсказал феномен когда-то давно теоретически, «на кончике пера» (фигурально выражаясь — а так я тогда просто произнёс это вслух в курилке, — поэтому, думаю, шеф и дал мне теперь такое задание — вспомнив наш давний разговор).

А потом уже это явление было и зарегистрировано-подтверждено — опытным путём, — когда на Родни Ховарда — проповедника-пятидесятника — в городе Торонто, да, напал нечеловеческий хохот.

Совершенно беспричинный. Во время работы. Заразительный: люди, заражаясь от него, ржали часами до упаду — в прямом смысле, падая то есть, продолжали хохотать.

Да вы и сами наверняка видели эти кадры: проповедник касается своего прихожанина, тот валится на пол и начинает дико смеяться, а за ним и другой, третий, сотый — дёргаясь и «умирая от смеха», прямо на полу церкви, да, тут уже и впрямь нелегко отделаться от ассоциации с эпилепсией или — аналогии с ударами электрическим током, который как будто подведён под пол.

Хотя на самом деле ток бьёт их сверху: проповедник Родни Ховард открыто признавался потом СМИ, что в Торонто он случайно подключился к «Электрической Сети Небес».

Над Канадой небо синее, конечно... но я думаю, он мог втихую ещё и съездить на машине куда-то туда — к «мишени», например, или просто что-то принять, чтобы далеко не ходить, — легко.

Как бы то ни было: теперь его единственное желание — это подключить других, и в итоге — всех.

То есть нас с вами, всех нас — и вот тогда-то, уверен, и настанет капец, что есть власть тьмы плюс полная «электрификация».

Последнее время эти программы с гогочущими в церкви людьми показывают по всем каналам харьковского телевидения — с чего бы, а?

Показывают отнюдь не в критическом ракурсе: проповедники получают эфирное время после этого для своих обращений к зрителям и т. д. Как уж тут не резонёрствовать... об опасностях смехорезонанса в системе... Но я всё это уже изложил, как мог, закругляюсь.

Мой текст можно было бы назвать, наверно, «фельетонным эпохё» (в смысле феноменологии), но это было бы слишком пафосно и совсем уже, скажете вы, курам на смех — «философствующий аллитератор» это даже не играющий слогами философ-дадаист-хайдеггер, это совсем уже смешно, согласен... И всё же, несмотря на то, что эти мои итерации аллитераций покажутся кому-то совершенно лишёнными содержания, всё-таки, всё-таки... по-моему, этот мой, по сути своей, омен... несмотря на мешанину в нём номенов и проч., весь этот мэш-ап то есть, «имеет право», как говорили у нас в НИИ. Потому что это «тоже вариант», говоря на том же языке, выхода из «фельетонной эпохи», «если угодно». Не только ради красного словца, между прочим, — ведь и сам денотат всем уже осточертел не меньше, чем замусоленное словосочетание из «Игры стеклянных бус» Г. Гессе.

Славик, надо сказать, сомневался, что сделать двести гривен «из воздуха» удастся в этот раз — потому и позволил себе стиль «раззудись плечо», как он это называл, совсем уже в радикальном его изводе... ещё и потому, что он всё-таки был не уверен, что Вадим — Вадим Потапов, редактор журнала «У. Н.» — давая ему такое задание — наяву, а не во сне, как он обыграл это в тексте... Что Вадим, стало быть — не шутит.

Славик-Славик даже два раза переспросил, когда тот диктовал ему «техзадание», ну т. е. тему, по телефону, а потом хотел было ещё спросить, где он берёт такую траву... но не спросил — это было бы, во-первых, панибратством (ну пили они пару раз с Вадимом коньяк, ну и что, не на брудершафт же), кроме того, этот вопрос с восклицательным знаком... стал уже таким частым — столько раз его повторяли и в социальных сетях, и вокруг — примерно с такой же частотой, как раньше, подумал Славик, «кино и немцы», например, да... смысл то есть немного разный, амплитуда голоса... но частота примерно та же, факт.

Хотя «Кино и немцы!» восклицали преимущественно девушки, а это «как бы спрашивали» — независимо от пола, кажется, хотя девушки, возможно, и тут лидировали всё-таки — они вообще ведь больше любят восклицать, выказывать удивление...

Ну т. е. и раньше это были не все знакомые Славiku фемины — а только те, что пользовались эвфемизмами.

Но так или иначе вспомнив тех девушек — которые теперь уже были молодыми бабушками в прямом смысле, наверно... герой наш (который и сам мог бы уже быть дедушкой) вспомнил заодно старый анекдот.

Молодая женщина встречает подругу в метро впервые после нескольких лет, и та ей сообщает, как пулемёт: вышла замуж, красавец-бизнесмен-однолюб, ни на кого не смотрит, родился ребёнок — мальчик-красавчик-вундеркинд, дом — полная чаша, дача-три-этажа в часе езды и прямо на озере и т. д. На каждую новость подружка её кивает головой и восклицает: «Потрясающе!» — в конце концов счастливица вспоминает, что у той тоже за это время какая-то была своя жизнь, наверно, всё-таки... спрашивает, ну а ты-то как сама, та отвечает: «А я пошла в школу хороших манер — для будущих невест», — отчего счастливица становится немного задумчивой... а на её вопрос: «И что же вы там учите?» — подруга говорит: «Да разные темы у нас... например, эвфемизмы». — «А что это?» — «Ну, как тебе объяснить... ну вот сегодня весь день нас учили вместо "не пизди" говорить "потрясающе"».

Перечитав часть наших, скажем так, стенограмм, мы подумали, что эта книга может быть интересна тому, кто всё это и так знает —

т. е. видел, пережил, имеет свой собственный опыт... Кто жил тогда, а вовсе не тому, кто тогда ещё не родился, скажем так, или был совсем маленьким и ничего не запомнил... Ну вот у нас, по крайней мере, такое почему-то ощущение возникло — когда мы попытались себя поставить на ваше место, поэтому в этой части — сколько бы её там ни было, — а нам сейчас кажется, что она будет небольшая, ещё и потому — нам опять-таки кажется... что в ней будет меньше описаний — только квинтэссенция.

Как говорится: «Кто служил, тот не забудет, кто не служил, тот ещё будет». Так что никому не надо подробно, выходит так, всё это пережёвывать.

Такая поговорка была у служивых, ну да, бессмысленная прибаутка, кстати говоря, потому что Славик вот наш, к примеру, не служил — отделался лёгким испугом... и трудно представить нам его и впредь... хоть с берданкой, хоть с калашом, хоть с бластером в калошах, whatever... только в порядке уже полного бреда... с гранатой разве что — да и то она была учебной (но всё равно: не забегаем, бросаем только по команде). Поэтому, раз уж тут у нас возникла на повестке эта тема — военно-полевая, так сказать, кухня, посреди фельетонной эпохи, да в украинской степи... То подробности уже точно не нужны, кто служил — тот и т. д., и далее по списку.

Да-да, мы, видя вслед за Славиком сейчас — его же фигурку в форме солдатика (в университетском лагере — хотя на фотографии, о которой речь подробнее пойдёт чуть ниже, он себя как раз и не нашёл... но не забегаем, нет, идём в ногу с нашей, пусть и хромой, но хронотопой), сильно сомневаемся в возможности серьёзно говорить здесь на военно-техническую тему — и надо сказать, что тут уже — совпадая в своём мнении с высоким военным начальством. Когда эти самые студенты в солдатской шкуре (без пяти минут офицеры, между прочим, — после лагерей все получили звания лейтенантов запаса, включая Славика-Славика) из брезентовых палаток, которые стояли на берегу мутного Азовского моря, перебрались за трое суток — в этакое, уже точно никуда не спешащем, товарно-артиллерийском эшелоне (товарная часть — это где студенты спали на дощатых полатах, лёжа там плотно — чтобы поместиться, как сельди иваси в бочках, или как, не дай бог, пушечное мясо — солонина,

ну да... чередовались с просторными открытыми платформами — с пушечными, вот именно, лафетами... ну и — самими пушками, разумеется), в деревню Башкировку — что уже непосредственно под Харьковом, и они должны были провести там ещё как минимум две недели, но уже не самостоятельно — т. е. не так, как было на Азове, где они были под командованием только «своих», т. е. не совсем настоящих, а университетских — полковников, с военной кафедры... ну и оборотней-сержантов, о которых тоже чуть ниже.

Но на второй день их пребывания в реальной части туда приехала — на их счастье — какая-то комиссия из Москвы, и кто-то из студентов в зелёном... попался начальству на глаза, а потом ещё несколько таких же нелепых существ — и от этого зрелища заезжий генерал сначала тихо ужаснулся, а потом закричал, весь красный от гнева: «Что это за карикатуры на род человеческий!...».

В общем, в результате им всем было приказано срочно собираться, выйти строем и первой же электричкой все эти креатуры военной кафедры без исключения были отправлены в Харьков, так что самый хардкор в духе «ю ин зе ами нау» они даже и не испытали, хотя на море тоже были свои прелести, конечно, но всё-таки с реальной военной зоной это было несравнимо, не... Мы обещали без подробностей и выполняем обещанное, просто скажем так, что одного взгляда в реальную казарму Славику хватило, чтобы не забыть это — на всю жизнь, это правда. На море — это была ерунда, палатки, котомки, котелки... Несмотря на то, что на море, скажем, они все почти переболели дизентерией, или, по крайней мере, инфекционным колитом — с высокой температурой, поносом и пребыванием в том же дизбараке, где были и подтверждённые анализами кала дизентерийщики, и неподтверждённые, но подверженные тем же симптомам... и откуда — из «лазарета» — они все, независимо от диагноза, тем не менее должны были являться на площадку в момент принятия присяги — текст каковой, по понятной причине, многие из них читали гораздо быстрее, чем в детстве «на дворе трава...», после чего дизентерийщики вели себя внешне чем-то похоже и на дезертиров — добормотав текст присяги, подбегали к столику, бросали на него папку с текстом... присяги, и с калашниковым наперевес (присягу надо было принимать то есть непременно с автоматом

на груди) — бежали стремглав и скрывались впрыскадку, казалось, уже навсегда в ближайших кустах какого-то южного чертополоха.

От этого зрелища, как университетские, так и приглашённые на присягу — строевые офицеры части то есть — с трудом сдерживали хохот, несмотря на гимн Советского Союза и вообще — серьёзность минуты.

Ну да, это была та ещё армия спасения — от армии, естественно; став офицером, никто из них при этом ни разу даже не выстрелил из орудия, представьте себе эту боеготовность... А сама формулировка сейчас напомнила что-то... кажется, из «Игры в классики», хотя там это тоже, возможно, цитата: «Нам нужен бог, что освободит нас от бога», — ну да, а если учесть, что артиллерия — бог войны... Но снова мы забегаем, так не годится — сразу видно отсутствие строевой подготовки... И как же вы хотите, чтобы мы сохраняли дистанцию, а? Ну или мы хотим, сами, так са́мо, окей, всё, отставить разговорчики, воки-токи в строю.

Да что там не выстрелили, большинство из них даже не увидело ни разу как стреляют орудия (только несколько — пять-шесть из шестидесяти, избранных не понятно по какому принципу, свозили ночью на полигон, и там они издали увидели плюющие в небо зенитки — ночью, трассирующими снарядами, это было красиво... наверно — наверняка), и Славик не видел, и даже более того — Славик-Славик проболел-пропустил стрельбища из простого табельного оружия.

Подполковник Гусев пытался исправить этот пробел в биографии нашего героя (впрочем, не совсем пробел — у всех были стрельбы тогда на уроках НВП в средней школе, и у Славика, естественно, — стрелял по мишеням-гениям из автомата, да, лёжа в каком-то туннеле), но безуспешно. В школе Славик стрелял только из калашникова, а вот из пистолета макарова или стечкина... или из гранатомёта — так и не удосужился, да и не метнул — ни разу — просто даже старую добрую ручную гранату. Зато потом однажды... когда ему не отдавали деньги, а других денег у него совсем уже не было... да, было такое дело — где-то взял учебную гранату, просто такую крашеную болвано-лимонку, и, придя в офис, пригрозил кинуть ею — в намеревавшегося кинуть его — Славика-Славика то есть, не очень-то великого... ну одного такого харьковского комбинатора, да.

Немного опасаясь, что тот отличит даже на расстоянии муляж, или не поверит в его мухляж... но, как ни странно, комбинатор поверил — побледнел, позвонил, принесли зелёные, Славик, не спуская палец с «сорванной чеки», взял и не то чтобы откланялся... но почему-то кивнул, причём так, что комбинатору в этот момент почудилось, что кивнул Славик кому-то за его спиной — кабинет был большой, и он закричал «нет!», так что Славик даже и не понял — подумал, что тот передумал то есть, хотел уже подойти вплотную к столу и использовать «лимонку» иначе — она была не такой тяжёлой, как настоящая, но вполне... Но тут комбинатор резко обернулся, увидел, что за спиной у него никто не стоит, успокоился, и сказал, что он бы и так отдал эти деньги, не стоило «так рисковать жизнями людей».

А подполковник Гусев ворвался в лазарет внезапно и успел засечь взгляд Славика — до того, как тот перевёл взгляд с потолка, увидев подполковника.

И вот что-то совершенно невозможное в этом взгляде для военного человека... глубоко возмутило подполковника Гусева, это точно.

— А этот кайфует! — вскричал он. — Его товарищи, блядь, там гранаты бросают, из пистолетов, блядь, стреляют (это прозвучало — без преувеличения — так, как будто боевые товарищи Славика в это время отстреливались от врага из пистолетов в сорок первом, потому что у их автоматов закончились патроны), а этот разлёгся тут, блядь, и кайфует, сибарит, блядь!.. Чтобы через полчаса был, блядь, в строю, блядь!

И он не шутил, нет, Славик — несмотря на температуру под сорок — был в мгновение ока выписан из дизбарака и поплёлся в палатку, стоявшую на берегу Азовского моря, со своим матрасом — они ложились там в этот лазарет со своим, а так же и выписывались, тьюфки не сжигали то есть, всё-таки не тиф... Вот, и он навсегда это запомнил — дорогу в серых дюнах длиною, казалось, во всю его короткую тогда ещё совсем, но всё-таки жизнь, ну да... пыль, как-то странно-сильно клубившуюся со всех сторон, как будто за ним по пятам шли смерч или смерш — он бредил, но пыль и вправду поднялась где-то там столбом — ещё до того, как он упал на землю... матрас выскользнул из рук, расстелился... и наш тьюфак шлёпнулся на него всё-таки — на матрас, а не в грязь непосредственно, и там

отключился на какое-то время... и вроде бы мимо него прошёл — и не раз — всё тот же Гусев, по кругу, по кругу... А может, это были разные подполковники или даже целый их под-полк, а потом, проснувшись, Славик-Славик продолжил путь курсом молодого бойца и дошёл всё-таки до палаток — а там уже, на берегу, во время вечернего купания, что ли... да-да, они купались, строем заходя в море, по команде снимали трусы — строем, это было немного смешно... и в море он ожил, да.

Море — источник жизни и соляной раствор, Азовское — не Чёрное, беспонтовый понт... но всё равно... не из трубы же, по крайней мере, натекло, так что и дело их было — не совсем труба... То есть ничего такого по-настоящему военного там не было... И всё же, «выйдя на гражданку», т. е. уже в Харькове, он в какой-то момент... Ну да, конечно — как раз таки 8 марта, — он, хоть и не будучи злопамятным по природе своей человеком, если вы успели заметить, однажды, выпив, что ли, лишнего, припомнил Гусеву это его «чтобы был в строю, блядь».

Позвонил ему домой, подполковник и старший преподаватель университета взял трубку, и Славик сказал: «Поздравляю вас с 8 марта!».

Гусев от неожиданности... вполне так мило-приветливо — бархатным голоском, который Славик раньше не слышал, естественно, но узнал: «Спаси-и-ибо... Но почему же меня — с восьмым?..» — «Да потому, что вы — блядь.» — «Кто это говорит?!!» — «Это все говорят», — сказал Славик-Славик и повесил трубку, которую он прикрывал, как это делали в фильмах, платком.

Вы спрашиваете, откуда он мог достать номер домашнего телефона подполковника?

А, ну дал в обмен на решение какой-то задачки — кто-то из закорешившихся с подполковником в лагерях на почве бухалова «сержантов», т. е. студентов, которые ранее служили в армии — до учёбы в университете то есть, ну да, служивые люди понимают друг друга, как рыбак рыбака... и в лагерях они были совсем в другом положении — как бы «дедов» таких, да, командовали то есть всеми остальными — у кого ещё вчера списывали всё абсолютно и благодаря кому — ботаникам-очкарикам то есть — они и дотянули, собственно... до дипломов.

Это было поразительно на самом деле: быстрота и глубина метаморфоз, которые способны происходить с человеческим существом... С одной стороны — вечная тема, банальный сюжет, не стоящий выеденного... С другой стороны — это так поразило сокурсников Славика... у них же не психологический был факультет, и эти не юннаты, но ботаники, значит, впервые здесь — в лагерях — узнали эти новые для них сведения — о человеке... что послужило, надо сказать, темой двух-трёх сочинений на одну и ту же — лагерную — тему, да и не только сочинений — также и убийств — фантазийных, правда, к счастью, да.

Стасик К., скажем, обещал — тому же Славiku, уговаривавшему его выкинуть всё это из головы, — что убьёт по возвращении в Харьков их «сержанта» Игоря М., в прямом смысле — кухонным, то есть, ножом.

Но этот и другие кровавые планы, зревшие в головах некоторых домашних мальчиков, слава богу, не были осуществлены — ни один, то есть разве что на бумаге, да и то вряд ли...

Даже в рассказе, то есть, который довелось прочесть — точнее, услышать от автора, читавшего свой рассказ вслух Славiku, — убийства тоже не было, и все остались живы, да.

Марик С. показывал Славiku через много лет при встрече — затащив к себе в гости — небольшой рассказ под названием «Лагерь», который он посылал в журнал «Юность» и получил оттуда «прекрасный», как он сказал, отзыв.

Да он, чтобы не быть голословным, нашёл у себя в ящике и зачитал Славiku это письмо — из «Юности»: «...очень понравился ваш военный рассказ с южнорусской чертовщинкой и остроумными парафразами "Обломова". Мы бы рады были его напечатать в нашем журнале, но... к сожалению, портфель наш полон на четыре года вперёд».

Рассказ Марика С. Славик забыл, за исключением, пожалуй, эпизода, которому и сам стал там свидетелем (что подтверждает отчасти всё-таки приведённую выше поговорку «кто служил, тот не забудет...») и, как нам кажется, правильность нашего решения — опускать подробности): стало быть, когда они копали траншею... нет, даже не от забора, никакого забора там не было — чисто степь

вокруг, да степь, пустыня Гоби, по сути... назначение бесконечной траншеи было тайной то есть — а скорее всего, его вообще не было, ну просто надо было их чем-то занять, и всё, — чтобы жизнь малиной не казалась, ну понятно, в общем, чтоб запомнили на всю жизнь — Славик и запомнил, причём в памяти это вообще выглядело как-то эпически, ну да, как будто они там копали себе братскую могилу перед расстрелом — ну а зачем ещё эта траншея, этот «мор-канал», такой там у них был южнорусский чёрный юморок... Хотя реальность была намного менее страшной, но гораздо более подробно-неприятной, чем мгновенная смерть и квинтэссенция.

И вот к ним туда подкатил вдруг в облаке пыли «газик», из него вышел маленький пьяный полковник-подполковник — не их, нет, из строевых, с позволения сказать, частей... Он подошёл — сильно шатаясь и болтая частями тела — к Марику, который опёрся о лопату — подпёр подбородок древком и не отдал честь, но пьяный вдрызг полковник это даже не заметил, он подошёл к Марику совсем близко и сказал, подмигнув, как такой алкаш дядь Коль возле твоего подъезда: «Слышь... мне сказали, что у вас евреи есть... Ты не можешь мне показать, кто... Ну, понимаешь, я никогда не видел... Покажи еврея, а?» — и полковник захихикал и снова подмигнул Марику, а потом и Славику — который стоял рядом и всё слышал. «Ну, я, — сказал Марик, — я еврей.» — «Та не пизди!» — сказал подполковник и захохотал так, что начал сползать на землю, схватившись за живот... и два подоспевших его адъютанта-денщика подхватили с двух сторон и повели к бобику-газику, а полковник продолжал икать-хохотать и повторять что-то вроде: «Во юмористы... Я, говорит, еврей...» — а потом уже что-то совсем нечленораздельное.

Славик помнил, как адъютанты «паковали» его превосходительство, сажая в бобик, казалось, что они и впрямь его сложили-свернули, такая кукла — надувной полковник-подполковник, как бывают надувные танки-пушки, и вообще — всё для победы и для обмана противника... Но тогда ещё такого не было — это уже сейчас, в другой стране и на другой планете... Славик видел это в какой-то передаче: есть надувные войска, так точно — размер один к одному, цвет — тот же хаки, с воздуха уж точно не отличишь, да хоть из безвоздушного пространства смотри на них, спутник-шпион-су-

постат не отличит. Но в то — советское — время... такого, может, и не было... но подполковники — надувные — уже были, по крайней мере, именно так это запомнилось — что маленького подполковника сдули, как надувной матрас, — он издавал при этом, выпуская воздух, разнообразные звуки и возгласы, работала вся биодинамика-физика, в том числе и смеха, ну да, как будто они его щекотали... После чего — когда его погрузили в бобик — бобик мгновенно исчез в облаке пыли, и после немой сцены «сержанты» пришли в себя и снова начали командовать-распоряжаться, а прочие «рядовые» продолжили долбить лопатами обожжённый солнцем глиняный ландшафт.

Славик смутно припоминал, что в рассказе Марика подполковник, с одной стороны, представлял хтоническим существом — выросшим из-под рыжей глины-земли, а не привезённым на «газике»...

А с другой — там было сравнение подполковника с внутренностями, выпавшими наружу из Гусева... Потому что Марику — или его альтер эго, рассказчику... казалось, что вот это... красненькое сморщенное личико... и маленькое тельце — это то, что у статного и бесстрастного по большей части Гусева — было внутри, пока... не вывалилось в пыль, как кишки... как-то там было всё это достаточно, то есть, сложно типологически... и даже — топологически, кажется. Офицеры там — в рассказе Марика — были ещё и соединены шлангами между собой, образы то есть были суровые и довольно сомнительные даже чисто эстетически... А под конец, вообще, там всё это сгорало ясным пламенем, как в каком-то треш-боевике, хотя мусор там — в лагерях — жгли и на самом деле в конце, в огромных таких кострах, это Славик помнил, да.

Когда Славик встретил Марика после возвращения из Энска, оказалось, что Марик не оставил свои литературные опыты, а перевёл их в практическое русло — он стал востребованным журналистом, и это он привёл Славика, скажем, в редакцию «Вашего здоровья», например, куда писал регулярно колонку, как и в десяток ещё других изданий, — в основном, это были, правда, журналы не для мужчин (как «ВЗ»), а для женщин.

Когда Славик спросил у него про тот — лагерный — текст, Марик засмеялся и сказал, что пламя, которое там разгоралось в конце, оказалось как бы самопожирающим... «А чего ты вдруг вспомнил?»

— Я в последнее время почему-то часто вспоминаю деда, — сказал Славик, — может быть даже я попробую что-то о нём написать для... ну да посмотрим.

— Которого из наших дедов? — смеялся Марик.

— Своего деда, ты меня не понял. Дело в том, что «наша» пятидесятисемимиллиметровая пушка, как ты знаешь, прошла всю войну — это нам говорили ещё на первом занятии. Но вот чего ты не знаешь, Марк, так это то, что мой дед командовал взводом как раз таких автоматических зениток. Та самая, пятидесятисемимиллиметровка, представь.

— Да? А, ну совпадение... Я вспоминаю, в смысле: потом к ней просто приспособили РЛС, поместив её в «Урал», чтобы он всё это тянул... пушка у нас была древняя, факт, это я помню... Да и РЛС теперь уже... но ты никогда не говорил, что твой дед... Хотя — что здесь такого? И какое имеет отношение твой дед к тому фарсу, который мы там пережили — и который был бы простой комедией... если бы не грязь и дизентерия, «деды» и жара, «испанские сапоги» и мошकारа, муштра и песок на зубах... Слава богу, что нас выкинули из Башкировки... Алюминиевые огурцы на брезентовом... Ну, при чём тут, скажи, твой дед?

— Я же говорю: пятидесятисеми...

— Вы о чём? — спросил вышедший в этот момент из своего кабинета редактор «Вашего здоровья» Вадим Потапов.

— Представь себе, о зенитках, — сказал Марик.

— С чего вдруг? Вроде нас не бомбят пока... Впрочем, неважно, мне некогда. Слава, значит так... Мои сотрудники категорически не хотели пропускать твой последний текст, ну эту физику-метафизику... У нас тут не совсем единоначалие, зенитчик ты наш, и мне потребовалось немало усилий, чтобы их убедить... Особенно двух наших женщин — они вдруг стали прям настаивать, что этот «мизогинистический» текст не имеет права у нас появляться вот именно потому, что мы в большей мере журнал для мужчин и что это... ну не по-джентльменски, ты понял, печатать этикие тексты у нас, и — подожди, дай мне сказать — все мои уверения, что это же там всё в шутку, стёб, хоть как бы и антистёб... и даже места-ми на самом деле... прикольно... их мало убедили, чтоб ты знал...

Но дело не столько в этом — если б только это, с бабами я умею справляться — опыт, хе-хе, сын ошибок... труднее было побороть всеобщее недовольство — которое я и сам разделял, чтоб ты знал, мизогинистический — это полбеда, а вот... — и редактор на мгновение задумался.

— Мозгоантагонистический, — подсказал ему наш аллитератор, кисло улыбаясь...

— Вот — ты сказал!

— Ну, я.

— Послушай, если ты уж решил всех простебать своим умняком... то и пиши умняк, но не за-умняк, то бишь заумь, она же — полный бред... В общем, больше так не делай, будь добр. Или это будет и правда последний твой текст у нас.

— Ладно, — сказал Славик, — но если можно, уточни всё-таки — как? Как не делать? Ты же просил научный...

— Я просил тебя: научный поп-корн, понятный любому гаврику, заказали тебе как пишущему физику-биофизику, можно сказать, а «мета» я добавил просто для интриги читателя — я ведь тебе и это сказал по телефону.

— Что-то я не помню.

— У тебя ко всему ещё и склероз — вдобавок к маразму... Говорил! Что в принципе можно просто «Физика смеха», но главное, чтобы интересно, легко и квази-научно... а ты сделал какой-то вообще оторванный... авто-био-фото-робот-тест... ну или что это, а, Слава? Хуйня какая-то... прости, конечно... Хуйня! Тут вообще не нужно было от первого лица, а уж такая отсебятина, как эти твои «мои университеты»... Короче, полный отстой... Застойный и болотный... жуткая трясина этот твой текст... В общем, ладно, последний раз, у нас уже всё равно нет времени, понадеялись на него — на тебя... Но тебе надо его сократить на пятьсот знаков. Сделаешь?

— Да, — пожал плечами Славик-Славик, после чего Марк и Вадим зашли в кабинет, а Славик пошёл домой, где и стал кромсать свой и вправду несколько дурацкий... Он это понимал, несмотря на свою естественную первую — защитную — реакцию на хамские слова редактора, он всё же и сам понимал, что текст в этот раз вы-

шел дурацкий, впрочем, теперь уже ему было всё равно, он только немного опасался поначалу, что тот лопнет при первом прикосновении ножниц — как воздушный шарик, именно.

Покончив с этим сокращением — в основном за счёт куска, где железная женщина стоит у канавы и «играет в тетрис» телами своих работников — вот этот «уклад домостроя» был описан обширнее, Славик там рисовал пасторали и пересказывал анекдоты... В частности, о сержанте, выстроившем взвод вдоль рва и отдающем команды: «Рядовой Иванов, руку правую поднять, левую ногу отставить... А теперь — в яму!.. Рядовой Петров, две руки расставить в разные стороны... В яму!..» — и т. д., пока его самого не зовёт офицер, и он тяжело вздыхает: «От чёрт, опять в тетрис не дали доиграть...» (в сноску: тетрис — древняя компьютерная игра, где складывают падающие сверху фигурки разной формы — ну такой блиц-пазл как бы, недавно МоМа, кстати, внес его в реестр игр, которые МоМа же постановил считать искусством).

Так вот, вычеркнутый им самим из текста «тетрисный» анекдот, возможно, напомнил Славику разговор с Мариком — о лагерях, — а потом снова — об одной на двоих с дедом пушке — со станинами, сделавшими этакий шпагат во времени, — думал он, — станины... в сорок лет примерно, и о пушечных расчётах в обоих смыслах — мехмат... Он вдруг начал рыться в старых фотографиях, лежавших большей частью в картонных коробках из-под обуви, оставшихся ещё от Оли, т. е. не от её «челночных лодочек», нет-нет — те она возила без коробок, конечно, много бы она увезла с коробками, у неё же не собственный товарный вагон был всё-таки и не баржа, а сумки-баулы, как мы всё ещё помним, наверно.

Нет, это были коробки — те, что стояли на антресолях, в шкафах внизу и на самом верху, — от её собственных сапожек-босоножек — некоторые из которых можно было видеть и на фотографиях...

И так вот, провозившись часа два, наверно, и перебрав содержание ещё далеко не всех коробок — в каждой был большущий ворох снимков, — Славик дошёл в конце концов и до коробки не от обуви, и вообще, возможно, что не от мира сего, но не забегаем.

Эта коробка уже как будто изначально была предназначена для хранения фотографий — так они в ней теперь лежали, как будто она специально для них и была сделана... Или?

Нет, конечно-конечно, — фотографии хранились у Сосновских и в семейных альбомах — у родителей Славика были альбомы, как в каждой семье, ну да, был там и тёмно-бордовый бархатный (снаружи) альбом «Наш Славик», кстати говоря... Просто в них помещалась малая часть — а если бы все фотографии были в альбомах, то этих альбомов было бы столько, что они заняли бы все шкафы, наверно, и книжные, и платяные, — и всё равно бы не поместились, потому что отец Славика всю свою жизнь снимал, ну, как любитель. Да и не только отец, но и сам — Славик-Славик наш — в какой-то период своей жизни, по крайней мере, часто имел при себе «ФЭД», а потом и просто «мыльницу»-«Олимпус», когда они появились... он тогда, кстати, снимал гораздо чаще, чем в наше время, когда на цифровую можно снимать, казалось бы, всю свою жизнь в прямом смысле — посекундно снять, вот именно, «жизнь свою как киноплёнку...». Но вот, может быть, как раз и опасаясь этакой «упаковки актуального континуума» (к этой теме мы точно ещё вернёмся, если не забудем, конечно), он вообще ничего почти не снимал теперь, ни на телефон то есть, ни на дешёвенькую цифровую с 8-ю всего миллионами пикселей, которую купил по случаю, ну потому, что для некоторых статей требовались сопроводительные снимки — ну так его просили в редакциях... Но сам по себе — помимо «журналистских», т. е. по работе — фотографий Славик в цифровую эпоху почти не делал, нет.

Да, ну так вот же: дойдя до странной коробки — не из-под обуви, а просто для бумаг, скажем так, формой напоминающей большую книгу, — да, её можно было бы поставить и на полку... хотя у деда Сени в его комнате — Славик отчётливо вспомнил — коробка лежала в тумбочке, и в ней были всевозможные бумажки: квитанции за пенсию, магазинные чеки, если покупалось что-то «крупное», но это редко, больше так... какие-то даже, может быть, письма — Славик никогда не рылся в бумагах дедушки, только видел, как тот раскрывает коробку и что-то там пишет — Славик даже не знал, что... в общем, дед хранил там свои бумаги, ну понятно... А уже после его смерти родители в эту коробку стали класть фотографии, которые постепенно вытеснили оттуда просто бумаги, и теперь Славик не нашёл там уже вообще ни одной нефотграфии — в коробке были только снимки, среди которых он и увидел, перебирая их, тот, ко-

торый зачем-то начал искать: вот она, та самая 57-миллиметровая автоматическая зенитка, вокруг которой сидит, как на карусели в парке, весь их расчёт... Хотя на самом деле для орудийного расчёта там слишком много — а это потому, что все там сгрудились, весь «взвод» то есть, составленный не только из их группы, но и из половины примерно всей мужской половины их курса.

Фотография выглядела поразительно военной, велико-отечественной то есть, просто поразительно, и не только из-за формы, в которую были одеты студенты, похожие на фронтовиков, но и всей фактурой, внутренним устройством светотени — ну т. е. структурой тех доисторических «пикселей», что делали старые фотографии так удивительно непохожими на новые, как будто то удивление, которое они вызвали, появившись, — первые дагеротипы, отразилось от удивлённых, потому что впервые увидевших себя в каком-то другом, серо-белом, мире лиц, и тоже в свою очередь отпечаталось, это обратное... но если честно, мы не знаем, как это назвать, и мы так запутаемся в обратных связях совсем.

Но зато все знают эту разницу, ну так вот и здесь она была разительной, т. е. при том, что рядышком лежали фотографии, сделанные гораздо раньше — почти на двадцать лет, например: совсем маленький Славик, годик, первые шаги, топ-топ, плюшевый тигр... а вот уже, кстати, он же и на пушке сидит — прямо на стволе, как птичка, — это в Музее оружия, Москва, шестьдесят какой-то год.

И фотография при этом совсем другая, и дело не только в её глянцевости, нет — воздух другой в ней, вот эта взвесь пыли, или фотонов, или каких-то других, особенных, фото-микро-частиц, плотность которых фиксировали старые камеры и совсем не замечали новые.

Дело было, стало быть, не в пушке — как Славик было подумал в первый момент: что это просто потому, что он видит пушку и знает, что это та же самая пушка (ну то есть тип, модель), что была в 45-м... — ну вот она и создала-замутила, вращая в воздухе стволом, такую вокруг себя как бы воронку, «временную петлю», окей.

Ну да, как будто они все там попали в «петлю во времени», или «червячную нору» — или как это называют на соседнем физфаке, на фото они все были там — на войне, или, как минимум, на съёмках

фильма — про войну, но слишком как-то точно стилизованного — под военную хронику... Нет-нет, такой точности в кино не бывает, или, по крайней мере, Славик её не видел, не помнил, — это выглядело так, как будто они все вместе в тот миг...

Ну потому что в памяти у Славика ничего такого не было — мы уже немного ворошили с вами его лагерно-полевые фотки, заметим только ещё раз, что небо и воздух, и вообще весь фон воспоминаний, выгоревшая трава Приазовья и форма проходивших азы военной службы — ведь как-то не приходило тогда в голову, что и форма слишком какая-то старо-военная — из фильма о той ещё войне то есть... нет-нет, вовсе нет, тогда никто из них так не подумал.

Это было странно на самом деле — смотреть на эту фотографию, где его со-товарищи, провалившись в нору во времени, вырытую, возможно, если не кротом, то сурком-метеорологом... попали прямо в сорок первый, перед отправкой на фронт — вот так они выглядели примерно, вместе с этой пушкой, задравшей ствол в небо, и многие его соученики улыбались, но улыбки их тоже выглядели вовсе не такими, какие остались в памяти у Славика, да и на других фотографиях их группы, кстати, а вот точно как у тех — в сорок таком-то.

При этом самого Славика среди них не было — он даже не сразу в это поверил, т. е. он не помнил, был ли он сам на том снимке, и, не найдя себя, в первый момент подумал даже, что просто не узнаёт — себя, ну да — самого, ну мелькнула шальная мысль, и тут же он не то чтобы вспомнил, но понял — просто по логике вещей, — что он в тот момент был в дизентерийном бараке, как раз в тот момент то есть, когда кто-то нажал на кнопку фотоаппарата, — в этот самый момент — к нему ворвался полковник Гусев («Твои товарищи там сейчас гранаты метают!») и обрушился как лавина, как потолок, который Славик сверлил взглядом... как будто Гусев застал его за рытьём «кротовой норы» — сквозь которую Славик вот-вот мог улизнуть в другое время... Сбежать с войны, или — раз не было никакой войны — то на войну, как мальчишка, бегали же мальчишки, вроде бы на фронт, а бойцы с фронта не очень, там же были загранотряды — сзади, со спины, ну да.

Славик сидел на полу, машинально перебирая уже другие фотографии — путешествуя с их помощью по своей жизни, а также по

жизни родителей, бабушек, дедушек, забираясь даже в жизнь его пра... Самые старые — самые волшебные, конечно... В общем, как всегда в таких случаях: если он погружался в семейный архив, замороженный, он переставал замечать время и... К той — военно-лагерной фотке — он вернулся не скоро, прошёл час, наверно, когда взгляд его вернулся к ней, а потом уже... Он собрал фотографии, которые были в коробке, — оставив зачем-то лежать на полу эту — с учебной зениткой, кому-то он, что ли, хотел её показать, «подруге дней», не чтобы что-то доказать, — как бы и смеха ради, а в тоже время, мол, я вот тоже порох понюхал, а ты и не знала... Ну так, смутно мелькнуло в голове, вместе с пошловатой, конечно, мыслью, мягко говоря — об общезвонном эрегированном члене.

Хотя самого Славика на снимке не было, но тут уж она бы ему поверила, конечно, да и были ведь другие снимки тех же его одногруппников, — всё это совершенно машинальным уже фоном то есть, может быть, и было у него в голове — когда он, увидев как бы впервые внутреннюю часть крышки коробки, в которой дед хранил бумаги, а отец фотографии... полностью забыл о зенитке, и вспомнил о ней уже в следующей, скажем так, серии — которую можно было назвать, наверно, всё-таки «Невольный художник», не в смысле «крепостной», а... Но давайте теперь уже по порядку.

На внутренней стороне картонной крышки Славик увидел бесчисленные росчерки — как будто проступившие сейчас, только что... но на самом деле просто раньше он их никогда не замечал, что не означало, конечно, что их там не было — были, наверно, просто ни разу не бросались в глаза... Они уже и поблёкнуть успели несколько — как выцветают старые письма, или так кажется, потому что ампулки писали плохо, потому дед и расписывал их там. Сеть штрихов, которая внезапно его... поразила — но «поразила» не то слово, и вообще дальше мы не уверены, что могут быть подобраны слова-слова — для того, что происходило в тот момент со Славой-Славой, так что мы не будем и пытаться их отыскивать, стараться, чтобы было «прикольно», а попробуем протокольно, как при обыске: Сосновский увидел на внутренней стороне крышки коробки с семейными фотографиями палимпсест, созданный росчерками авторучки... Да, вот так.

Ещё точнее, ручек — многих ручек, авто-, ну да, шариковых ручек, паста засыхала от долгого их хранения, дед Семён покупал и хранил их там же, в этой коробке, вместе со своими бумагами, ну потому что Славик-Славик постоянно терял эти самые шариковые ручки в школе, ничего удивительного то есть, он много чего терял... Но ручки — это важно, без них домашнее задание не напишешь, и в школу завтра не с чем идти, учителя уже и так делали замечания в дневнике, предупреждения то есть, «чтобы без ручки не приходил», и вот у деда с какого-то момента всегда — подчеркнём, всегда — была для Славика заготовлена там запасная — в тумбочке, в этой коробке, и не одна — ручка.

Это было так давно, что Славик не смог сейчас вспомнить сами ручки, прозрачные, например, или в форме карандашей — были ли они уже тогда, или это он сейчас их подставил в уравнение памяти, которая грешит, конечно, уравниванием деталей из разных времён... Да, но зато он смог вспомнить деда, черкающего на крышке коробки, хотя... может быть, и это он сейчас нарисовал — в памяти, а не вспомнил, скажем так, потому что ещё немного подумав, он решил, что открытие производит на него такое сильное впечатление ещё и потому — вот именно, — что он и знать не знал, не видел то есть, что дед расписывает... авторучки... он был, наверно, всегда в этот момент в другой комнате, где делал домашнее задание, и деда Сеня приносил ему туда очередную ручку, если он просил.

А так как иногда одна такая ручка «жила» у Славика, как говорили и дед, и родители, не один месяц всё-таки, или же когда деду, самому по себе, нужно было сделать какие-то записи — чаще всего на этой самой внутренней части крышки коробки... Тогда ему нужно было ручку для начала «выпасти», ну да, паста ведь, если ручка долго лежала, засыхала... и вот, стало быть, то, что Славик теперь видел перед собой, всё более изумлённо взирая на картон внутри коробки, и было результатом всех таких расписываний — авторучек, вперемешку с какими-то полностью уже теперь загадочными расписаниями.

Да-да, какие-то там были числа, довольно-таки плотно заваренная — цифирь там выступала, из гущи росчерков... Числа — где они были видны — вычитались друг из друга или делились друг на

дружку — в столбики, расстояния между которыми, как и между спиралями и росчерками — расписываемых авторучек, — могли измеряться и десятью годами... Это были там нехитрые дедушкины подсчёты — «дебет-скребет», всё такое... Вот именно, сухие ампулки ручек скребли, как гвоздики, картон, а потом ещё и время поскреблось там же сверху, а точнее — изнутри, запертое в коробке, постукивая секундами, как спичками, времечко, да, почиркало местами узор, и всё это вместе, росчерки и цифры, шероховатости времени и царапины просыпающихся ампул — всё погрузилось немного вглубь, просело, как в песок... и они кое-где только угадывались — цифры, означавшие, по-видимому, не только рубли, но и числа — «а какого это будет числа», — какие-то даты... но большая часть их была чёткой, потому что перед этим ампулку с синей пастой расписали — привели в чувство, да.

Только синей пастой, одну её разрешали в школе, красная — для учителя, ну да, только разные немного оттенки, от голубого до фиолетового то есть — до какого-то класса, да и в этом спектре были, кажется, какие-то ограничения, а в самых старших уже и цветные ампулки разрешались, но почему-то они здесь не были представлены, может быть, Славик тогда уже перестал терять ручки, вот только... он, присмотревшись, увидел, что в одном месте есть росчерки чёрной ампулки, но совсем бледные, и только в одном, всё остальное — оттенки синего, — кстати, может, и они варьируются в этом переплетении линий отчасти из-за времени...

«Синий, синий иней лёг на провода, в небе тёмно-синем синяя звезда... — вот уж никогда бы не подумал, что я помню и такие песни того времени», — думал Славик-Славик.

Вообще, многие места на коробке были не просто шероховатыми, но производили такое впечатление, что там писали поверх слоя, полностью ушедшего перед этим вглубь картона, иногда следы оставались — предыдущей цифири, росчерков, и всё это что-то ещё напоминало Славiku — чью-то метафору — напоследок... но в тот момент он ещё не понял, какую именно.

Не все, но большинство цифр были перечёркнуты — не потому, что расчёты были неправильными, конечно, а просто росчерками более поздних «росписей», которые частично тоже уже — просели в

картон, ну да мы это уже сказали... Всё, всё, мы не будем изображать это буквами, это смешно — как будто мы тут подбираем даже не слова, а функцию к кривым графиков, к этим хаотическим спутанным линиям с застрявшими в них цифрами их же собственных координат.

Кстати, во всём этом «послании», как он его тоже про себя теперь называл, полученном Славик-Славику, практически не было букв.

Только одно-единственное слово из букв Славик увидел в рощерках и подсчётах, местами похожих на изображение вьюги, кстати, в которой тут и там, как мы уже сто раз сказали, проступали цифры, как шифровка — одни только ряды цифр, понимаете... и только одно слово из букв он там нашёл — «духи», и это сначала, скажем так, прикололо нашего героя к этой картонке ещё больше... Не будем искать другое слово сейчас для его реакции, в первый момент вообще заставившей его вздрогнуть... через минуту он уже понял, конечно, что это слово не «дúхи», а «духú», которые дед купил, скорее всего, своей дочери на день рожденья. Славику показалось даже, что он помнит тот день и зелёный маленький флакончик — духов, вот только запах уже он не вспомнит, нет, и как они назывались... Вместо запаха теперь — это слово, вместо обоняния — омоним, но в том же флаконе... Но нет, и нет, и нет, дальше в эту слишком красивую — «парфюмерно-спиритическую» какую-то — игру Славик играть не стал, «сеанс» в такой форме сразу то есть закончился, не успев начаться: слово, которое написал дед, конечно, было «духú», хотя то, что оно было одно-единственное в палимпсесте, слегка как бы подталкивало всё же к мысли, что это может быть название, например... но тоже — нет и нет. Славик в ту же минуту понял, что если это и картина — а вот именно слово, найденное там, окончательно натолкнуло его на такую, скажем так, «смелую догадку»... то картина эта имеет совсем другое название, может быть, в подсознании (мы не уверены, что это слово вообще ещё означает что-то в наше время сверхтомографов, но если всё же — то вот в тот момент, с некоторой натяжкой, мы понимаем... можно всё-таки сказать, что это был «контакт на подсознательном уровне», или даже — «двух подсознаний», не правда ли) — не совсем ещё осознанно, в общем, он уже и знал, тем не менее, в тот момент, какое именно название будет у этой картины.

Дед помогал им не только подарками на дни рождения — у него была хорошая — даже, вроде бы, максимальная (дальше то есть шли уже только «почётные пенсионеры») — пенсия — 120 р.; он помогал конкретно — занимал родителям, не говоря уже о том, сколько всего покупал просто так, в основном, конечно, продукты... И вот он подсчитывал тут, на крышке коробки — расписав предварительно хранившуюся для Славика на случай его очередной потери авторучку, а чаще и несколько ручек — там у него было припасено, он расписывал очередную, а заодно иногда и дебет, такой вот процесс — пишущие палочки, которые передавались от деда к внуку, сначала непосредственно из рук в руки, а теперь вот — через крышку коробки с фотографиями.

Славик вдруг потянулся к камере, лежавшей на столе, и сфотографировал крышку коробки — рисунок, созданный из росписей ручек, которые дед Сеня хранил и передавал ему — Славiku-Славiku.

И ещё делая эти снимки — на всякий случай не один и не два — а десятки, чуть ли не сотню, как будто бы чернильный рисунок мог оттуда исчезнуть, как некоторые зигзаги — совсем ещё сухими ампулками, выглядевшие в то же время и выветренными, стёртыми временем, или — как тряпкой со школьной доски, или — как те фрески в Риме, — когда в катакомбы пришли метростроители, кажется, у Феллини, подумал Славик, в «Риме», ну да... Вы будете, возможно, смеяться, а он уже называл это про себя — «картиной», более того, он уже знал, как он назовёт эту картину.

Его мышление в тот момент переполняли образы — они накладывались один на другой и тоже подобны были палимпсесту из контуров, тесно наложенных друг на друга. Палимпсест на картоне показался в какой-то момент картой того, что творилось, можно сказать, в душе Славика-Славика... если вы видели когда-нибудь энцефалограммы — серый экран, плотно испещрённый волновыми зигзагами, — наши образы тоже не будут вам казаться притянутыми за уши.

Представьте себе, что у нашего героя и в самом деле в эти минуты было ощущение, что это не сквозняк из оконной рамы, которую пора уже было заклеить — на дворе стоял ноябрь, и «подруга дней его суровых», как он называл её, неделю как просила его это сделать...

Но не сквозняк, а ветер времени шевелит — казалось — сейчас его волосы, вылетая из трубы-воронки, из «кротовьей норы», которая ведёт в «день сурка»... и вот тут он вспомнил первый раз с момента «получения послания» — о зенитке, он почти увидел: скрещённые лучи и маленькие крестики — самолётов, — трассирующие огни, «огонь!»...

Мы не будем перечислять все картинки, переполнявшие его, да это и невозможно, ну понятно: когда вдруг на картонном небе — а что ещё эта крышка шкатулки над ворохом семейных фотографий, это же такое небо родовой памяти, ну да... вдруг проступают — а он их правда никогда раньше не видел... проступают даже не письменами... а что-то большее, чем слова, — Славик тут много чего почувствовал разом, в том числе ограниченность не своего словаря, а всех вообще слов, тут был некий переход в невербальное, прыжок, который мы вряд ли сможем описать словами... В общем, дальше Славик думал о палимпсесте уже только как о картине, ну или, в первую очередь, — как о картине, да.

Глядя на экран компьютера, Славик понял, что на фотографии виден только дебет, а скребета не видно, да... Росчерки сухих ампулок заметны, но нет третьего измерения, а с ним и четвёртого, вот этого «песка» часов-лет, в который всё там погружалось, оползень... Нет, слова тут больше ему не помогали, он машинально поместил фото в инстаграм, но и это было всё ещё не то... он добавил как бы «платины» с помощью фотошопа, и вот когда всё это стало и в самом деле похоже на фрагмент почти стёртой временем фрески, или наскального рисунка, который может в любой момент исчезнуть от ветерка, или просто дыхания — при появлении в пещере первооткрывателя... Тогда он остановился.

Долго размышлять над названием, как мы уже знаем, ему не пришлось — заметим только ещё, что его подсказала Славiku книга, которую он в квартире не нашёл — невозможно же всё сохранять, даже если весь семейный скарб невелик — как это было у семьи Со-сновских... Неизвестно кто выбросил эту книгу за борт, может быть, сама «современность», цайтгайт собственноручно, он ведь такой, суров, но... А книга была фотокнигой, и не просто советской, а — архисоветской, если хотите, — чёрно-белым содержимым «совка», ну да.

«Нет, вы немного не поняли, архивов никто из Сосновских не заводил — только семейные фотографии... и хотя та красная книга и состояла из одних только фотографий, а текста там не было вовсе — «Летопись СССР», начиная с революции, — в документальных фото, без букв, — не сохранилась, нет, ушла в Лету так же, как стенды с фотографиями «трудовых будней страны» в саду Шевченко», — подумал Славик и вспомнил, кстати, как его отец застревал там у стендов с газетами — спереди стекло, сквозь которое можно читать разворот, а сзади и со всех сторон покрашенный зелёной краской ящик, этаким улей, где копошится очень много букв, как сейчас говорят в своё самооправдание, например, в соцсетях, да.

И так они шли длинным рядом по аллее, эти стенды, ведущей от площади — тогда ещё Дзержинского, к памятнику Шевченко... стенды с газетами, он их сейчас только вспомнил... И как возле них он тянул отца за руку, — может быть, поэтому, когда он уже вырос — Славик, — он до какого-то своего возраста ненавидел газеты как таковые, отец и дома их читал слишком много, с его, Славика, точки зрения, так к тому же в парке... Он тянул его за руку и повторял «пошли, пошли», но тот не сразу поддавался — отец не выписывал ведь всех газет, и что-то ему всегда хотелось там почитать, прямо на газетной аллее — «Литературку», ну да.

Вот, а перпендикулярно «газетной» была «фотоаллея», т. е. аллея с фотостендами без текста — и вот там фотографии были похожи на те, что были в красной книге у них дома, которая называлась «Эстафета поколений».

Но только фотографии в парке были больше форматом — в несколько раз, и на них был запечатлён только тогдашний будень, а не все десятилетки и пятилетки советской власти, и вот там Славик не начинал тянуть отца сразу же за руку, фотографии он тоже разглядывал потихоньку снизу... ведь иногда на них были интересовавшие его самолёты.. но даже если просто завод какой-то... ну не так чтобы охотно, но всё-таки — картинки, не так скучно... Да, но туда они заглядывали редко, экспозицию там меняли нечасто, раз в полгода наверно, не то что газеты, но всё-таки — иногда меняли, да, поэтому периодически они всё-таки сворачивали с отцом на перекрёстке «газетной» и «фотографической» аллей, и вот там они

примерно совпадали, т. е. время, которое оба они хотели постоять у стенда — отец и сын, — было одинаковым, никто никого не тянул за руку, а вот уже дальше — если они в тот день доходили до зоопарка, т. е. если это был не будний день, а выходной, то там всё уже было наоборот — отец тянул сына, правда, тихонько, не так настырно, как Славик его — на газетной аллее... но отец его тоже — тянул всё-таки, потихоньку, потягивал, чтобы перейти уже к другой клетке или вообще уже — домой пойти, Славик же мог простоять у одного вольера целый день-год.

Всё это мелькнуло сейчас в голове, оставив после себя... нет, не жёлтые аллеи с чёрно-белой хроникой — как бы выстроенным рядом дней (он только ещё вспомнил мельком, что за их спинами в тот момент иногда с оглушающим треском прокатывался низкий картинг — откуда-то со стороны бокового входа Дворца пионеров, — взметая жёлтые листья) — и не фотокнигу в красном переплёте — размером, кстати, примерно с коробку деда Сени (только коробка, выполненная, как мы уже сказали, в свою очередь в форме книги, была несколько толще)... Так вот, всё это мелькнуло в нём только затем, чтобы оставить после себя название — «Эстафета поколений», только так Славик и называл теперь палимпсест. Или точнее — свою фотографию палимпсеста, который сделал его дед, а Славик сфотографировал и «проявил» в фотошопе, после чего отпечатал в большом — метр на полметра — формате, не сам, конечно, а в подвальчике, где раньше, лет пятьдесят тому, была только фотомастерская, «проявочная», а теперь там делали и такие печатные услуги — а называлась она по-прежнему: «Полмира».

Чтобы повесить картину дома. На стенку. Он ещё не знал, где возьмёт такую раму — а раму для неё он хотел непременно, ну, думал спрашивать друзей-художников...

Всё оказалось ещё проще — раму ему предложил работавший в «Полмира» художник и его старый приятель Артём Волевой.

— Это твоя картина? — спросил он Славика.

Славик начал было уже фразу, которая объяснила бы, что название картины самореферентное... причём оно полностью описывает её происхождение: эстафетная палочка — это авторучка, дед его их расписывал, и вот так, значит, она и возникала с течением лет, постепенно образовалось это маленькое чудо.

«Чудо» это вундер, это Славик знал, вместе с «хенде хох».

При этом в голове его мелькнуло ещё одно сравнение — от того ли, что он вспомнил как некоторые фотографии, лежавшие в коробке, когда он их брал в руки, оказывались немного слипшимися между собой... Глянцевые фотки, если лежат, соприкасаясь друг с другом лицевой поверхностью, — иногда слипаются без клея, живая повесть на обрывках дней, да...

То есть такое случалось и в других коробках, но в этой как-то больше — может быть, она стояла в сыром месте... Да, скорее всего, ведь там же текли стыки в углу, в комнатке деда, «сени деда Сени», — где стояла тумбочка, где лежала коробка с ручками... Но сейчас Славику показалось, что там ещё был какой-то — капельками, на некоторых фото, с обратной их стороны, — потому они и слипались иногда, как глаза, некоторые то есть, и не только лицевой стороной, — коричневые капельки, как бы всё-таки клея, какой-то смолы... вряд ли сапожной — откуда, в коробках была перед этим только готовая обувь... Как бы какой-то слюды, как на стволах деревьев, на соснах — архив Сосновских, — он подумал, тряхнув головой, — что слова смеются над ним, чувствуя, что он вот-вот им изменит, смола... Или это был воск?

Или — как будто кто-то рассматривал там, в коробке, периодически фотографии при свечах... капал стеарин... Да нет, это всё скорее уже были его фантазии, вызвавшие ещё одну аналогию, более далёкую, конечно, но всё-таки скажем уже здесь и о ней: «Wunderblock».

Блокнот, сделанный из намазанной воском доски, целлофановой шторки на ней и... Да это всё вроде бы, остальное — бурная фантазия Зигмунда Фрейда, увидевшего в этом «самую точную», по его мнению, аналогию с человеческой памятью... Славик очень давно читал «эссе о вундерблоке» и помнил текст смутно, зато сам блок был у Славика ещё раньше, чем он это читал, в детстве то есть, продавались такие штуки, и ему купили, он не писал на целлофане палочкой слова — неизвестно, умел ли он тогда уже писать, — но рисовал, да, потом отделяешь плёнку от доски, и — всё исчезает, и можно рисовать совсем другого зверя, предыдущий растворился, и так до бесконечности... Вот точно так же, по мнению Фрейда, работала и память — с её прозрачной, почти сливающейся с днём сегодняшним, верхней плёнки всё исчезает, но в глубине — на дереве, смазанном

воском, остаётся всё — все записи, начиная с пелёнок, образуя буквенный палимпсест — кажется, Фрейд употреблял и это слово, да не мог он его не употребить... который с какого-то момента прочесть так просто уже невозможно, но ведь и вспомнить не так просто что-то глубокоглубинное... в общем, аналогия, во всяком случае, в каком-то приближении, работала — «у меня все ходы записаны», ну да.

Вундерблок, ну конечно... Славик, вспомнив его, думал даже было переименовать картину, но — довольно быстро он передумал, вспомнив, уже ничему не удивляясь, впрочем — «кайн вундер» то есть... что так же — «Вундерблоком» — окрестил когда-то своё первое «царапание» (где был снежный Брежнев в Татарстане, который через неделю вновь должен был стать Набережными Челнами; выюга за окном гостиницы; общая тетрадь в обложке, сливающейся с мебелировкой номера и т. д.).

Воск может таять, как тот снег, Фрейд не учёл это, и теперь, когда Славик как бы заглянул в свой первый литературный опыт сквозь линзу из тридцати, что ли, лет, он увидел себя — как он там сидит в Брежневе в пустом номере гостиницы на дне вундерблока, где всё сохраняется — в восковом слое, при определённой температуре, на дощечке или под мышкой — если до сорока двух, не больше... причём в палимпсест входит и письмо, и восковая фигурка того, кто его писал, и...

Это было видение. Но Славик вообще — с момента обнаружения палимпсеста — немного, как бы сказать... видел сны наяву, если хотите, «немного того», ну да.

Волевой — как и мы с вами — не теребил задумавшегося Соновского, задав вопрос и не услышав сразу ответа, но Славик сам как бы очнулся вдруг.

Артём сделал для свёрнутой картины «тубус» из плотной обёрточной бумаги, дождя на улице не было, и можно было идти домой прямо вот так, с картиной под мышкой — с картонкой, которая выросла вместо собачонки... «Прости, а что ты меня спросил?» — сказал Славик-Славик. «Я спросил, кто художник. Кто автор картины, — улыбнулся Артём, — ты?»

Славик вспомнил, что уже начинал отвечать на вопрос, но не ответил, хотел было всё рассказать Артёму как есть... И вдруг, что

ли, почувствовал какую-то внезапную усталость, ему, в отличие от нас, стало вот именно лень всё это объяснять словами, по крайней мере, в этот момент — он сам почувствовал себя в воске, или что сам — из воска, как только что в своей грёзе... «Да, — автоматически выбрал самый короткий ответ, — я.»

— Слушай, Славик, — серьёзно сказал Артём, — я много картин видел на своём веку, как ты понимаешь...

— Да уж догадываюсь. Ты и написал их немерено...

— Да-да... Но такое вижу впервые. — Что, неужто понравилась?

— Понравилась — это не то слово. Я никогда ничего подобного не видел, старик, и я не помню, чтобы на меня что-то когда-то так подействовало... Это правда твоя картина?

Они были знакомы с детства, учились в параллельных классах, и удивление Артёма можно было понять — он никогда не слышал и не видел, чтобы Славик что-то рисовал, т. е. вообще никогда...

— Да, это моя картина, — устало повторил Славик и добавил: — У неё есть тайна.

— Я это чувствую! — воскликнул Артём. — Расскажешь? Но я не настаиваю. Картина сама по себе очень хороша... да ещё если с тайной... Это хорошо. А то бывает так... как говорила Ахматова — о Твардовском, помнишь: «поэт хороший, но без тайны»... Ну, так что — колись.

— Когда-нибудь расскажу, — пообещал Славик.

— Ладно... Но ты, это, ты вот что. Ты обязательно должен продолжать! Это я тебе говорю, а ты знаешь, что я... Я мало кому это говорил, поверь.

— Может быть и продолжу, раз ты сказал, особенно в свете её названия... Тебе не интересно, как она называется, кстати? — Конечно, интересно. — Эстафета поколений. — Хорошее название... Послушай, я серьёзно: тебе надо продолжать рисовать, будешь новым Поллоком — украинским... хотя это я так, шуткую, у тебя вообще тут какое-то совсем своё тью-тью... свой ритм, а не его, и не де Кунинга... хотя в первый момент вспоминается его «Excavations»... — Чего-чего? — воскликнул Слава, вспомнив «экскаваторский» слой своего прошлого...

— Да не важно, не обижайся, я же говорю: только в первый момент я так подумал... но сразу же понял, что тут совсем другой

заряд забит, какой-то совсем уже не от мира сего...Славик усмехнулся, подумав — что бы сказал Артём, если бы узнал о таком сверхземном происхождении картины... впрочем, кто знает, кто знает... «Мы работаем на космос, — промелькнули у него в голове слова, которые дед произносил в том случае, если кто-то спрашивал, что делают на его заводе, — а как ширпотреб завод делает известные вам...» Славик подумал, что Джексон Поллок, если бы уж он вдруг писал картину не красками, а чернилами, взял бы для этой цели не шариковые ручки, как дед Сеня, а перьевые. Славик застал их ещё — в первом классе, писать разрешалось только перьевыми «авторучками», шариковые были строжайше запрещены, считалось, что с ними ребёнок не выработает правильный почерк. Правописание предполагало только перьевую ручку, носили с собой чернила в баночке, стрелялись — ручками, набираешь полную ёмкость, ручка всасывает чернила... а потом, если сжать «пипетку», брызгают чернила — в одноклассника, были такие у них дуэли, правда, не часто, но было дело, да, опасно, если в глаз... и логично было предположить, что Поллок, писавший картины, разбрызгивая над ними краску — да так, что брызги образовывали математически точный фрактал, — и это была его, что ли, «апеллесова черта», ну, по крайней мере, так утверждали арт-жрецы, а Славик не проверял, нет, он подумал, что дед Сеня и в самом деле случайно сделал так, что это не похоже ни на что — если уж Артём так говорит. — Если ты мне позволишь, я покажу кое-кому её фотографии... — сказал Артём. — Я не возражаю, — сказал Славик. — Ну, тогда будем на связи, — сказал Артём, — считай, что я твой арт-дилер, — и он засмеялся всё-таки, так что Славик, выходя из подвальчика, подумал, что, может быть, Артём и не был серьёзен...

Сквозь матовую плёнку усталости, которую он теперь по-настоящему испытывал, Славик просто не понимал уже, шутил Артём или нет... А даже если он только что и был — «живым и серьёзным», Артём, да, то, узнав, скажем, об «истинной жизни Семёна Сосновского» и о происхождении «артефакта»... он мог моментально — Артём — обернуть всё в шутку, конечно, Славик его неплохо знал, ещё со школы, он всегда был шутником. И всё-таки совпадение реакции Артёма с его собственной, т. е. непосредствен-

но в тот момент, когда он сам, Славик-Славик, увидел эту — или в этом — картину, навело его на мысль, что Артём в этот раз не шутит, т. е., скорее всего, нет... А потом уже вдруг всё это вместе — ворох авторучек, которые годами расписывал его дед, чернильный палимпсест, который внук только что выдал за свою картину, — да ещё в сочетании со словами Артёма — «Ты должен продолжать!» и — названием, которое он придумал, или вспомнил, — «Эстафета поколений»... всё это вместе вдруг вызвало у Славика Сосновского приступ смеха — прямо вот так, да, посреди Сумской улицы немолодой уже человек в сером плаще-дождевике и с «тубусом» под мышкой, стоя уже возле совсем другой мастерской — «Утюжок» (даже не видя и не помня, есть она там ещё или нет), — вдруг расхохотался тем же самым смехом, что и ровно сорок лет назад на том же самом месте.

А уже дома эти мелькнувшие на улице слова и вместе с ними — аллюзия, — т. е. вот эта «истинная жизнь Семёна Сосновского...» — ему припомнились, когда он начал думать не о названии — это был теперь вопрос решённый, — но как бы уже и о выставке... Да-да, мы-то уж точно не шутим: наш герой, наш человек, ещё не обладая даже картиной № 2, начал придумывать, как лучше обустроить будущую выставку «своих картин»... И вот тут, когда мелькнул этот парафраз — про истинную жизнь, — после всех этих воспоминаний, в частности, и о вундерблоке, наш беспокойный «вундеркинд» вдруг понял, что не всё так просто — перевести всё это из пространства внутреннего — души то есть, зовите это как хотите, во внешнее — а это то, чем и занимались, по его представлениям, художники, потом уже конвертируя это ещё раз — в деньги, если повезёт... ему, Славiku-Славiku, самому будет сделать не так просто — как казалось сначала.

История происхождения картины по-прежнему представлялась ему неотъемлемой частью будущей выставки, у него и в мыслях не было промолчать об этом и выдать её за свою графику — «...помимо моей врожденной скромности, — вполне серьёзно говорил он себе, — препятствие этому — отсутствие других картин: художник, где твои картины?». Представить же себе... себя, вооружившегося стилем и производящего по образу и подобию «Эстафету поколений» № 2, и так далее — номер N... Славик не мог, нет.

Или точнее — мог, но это были тогда кадры экранизации всё тех же Ильфа и Петрова: Бендер — штатный художник на корабле в океане времён, так точно.

Нет, Славик чувствовал, что у него, в отличие от великого комбинатора, просто не хватит куража или, если хотите — безумия, как у тех, кто составил, не в последнюю очередь, стараниями арт-критиков, кстати... Розен- и Грин-бергов, вы помните, м. б., эту замечательную историю, а некоторые так и до сих пор не могут прийти в себя, зациклившись на роли в ней ЦРУ, например, писатель Гюнтер Грасс...

Да, так мы говорили о тех ребятах — что составили своими работами золотой в прямом смысле фонд «абстрактного экспрессионизма», или даже платино-алмазный, йес. Славик думал об этом, конечно... ему нравился — ну почти искренне, скажем так, там уже такая тонкая грань — в ощущениях, что словами это всё равно не схватывается уже никак, — нравился тот же самый Джексон Поллок, и много чего ещё... Но только к нему самому это не имело отношения... и даже не так... «Как ты себе это представляешь?» — говорил себе он (мы немного перенеслись вперёд, читатель, сорри, но под конец мы будем делать такие перемотки, — стало быть, с тех пор, как Славик сделал «оттиск» в «Полмира», прошло несколько времени, в течение которого Артём Волевой нашёл покупателя картины, которая теперь стала их совместным детищем...).

In a nutshell: сделал ещё один отпечаток, Артём превратил его в «уникат», подведя часть линий акрилом, посыпав кое-где песочком — как дворник на дорожках... который — песочек — он закреплял какой-то невидимой смолой и потом ещё покрыл весь этот «макияж» слоями — особого лака... Сделал Славiku сюрприз, то есть: пригласил к себе в мастерскую, и там подвёл без предупреждения, а потом уже сказал: «Не урёшь?». «Да нет, — сказал Славик, — здорово, чего.»

После чего Артём предложил подписать картину вдвоём, Славик согласился, и вот, когда нашёлcя и покупатель, то он — покупатель — пожелал «сразу несколько картин тех же авторов», по харьковским масштабам цен при этом — за совсем не плохие деньги, совсем, не три, а четыре знака, то есть, ну так вот: «Как ты себе это представляешь? — говорил себе месяц спустя герой нашего художествен-

ного произведения, — рисовать подобные ”эстафеты”... да я же всё равно проговорюсь Артёму когда-то, и это будет просто цирк... Во всяком случае, как соавтор я ему буду уже не нужен... или нет, даже не так... если он из благородства не откажется — да и ”лейбл” уже образован... Я всё равно больше ничего не нарисую! И что значит ”больше”... При всём безумии арт-мира, у него есть свои правила, типа назвался груздём и т. д... И даже если это его не смутит...».

Между прочим, покупатель, которого Славик ещё не видел, был из Германии, и Артём проговорился, что тот уже перевёл название картины на немецкий: «Der Staffellauf der Generationen»... «Погоди-погоди, я же ещё не соглашался ничего продавать, — сказал Славик, — нужно же и моё согласие, как я понимаю.» — «Ну конечно, зачем ты это говоришь, это же и так ясно — ты автор, я примазался! — засмеялся Артём. — Я мазила... но что тебя смущает, старик? Такие деньги!» — «Название», — сказал Славик. «Что? Да ведь ты же его и придумал!» — «По-русски, — сказал Славик, — а по-немецки это звучит как ”дегенерация”, и мне это не нравится.» — «Ты идиот! — кричал Артём. — Какая дегенерация, нах, это ж артикуль — ”дер”, дурак!» «Да знаю я... Сам ты дурак.» — «Да хоть бы и дегенерация — ну дегенеративное искусство, всё правильно, ты забыл, что выставка была такая, Гитлер...» — «Я ничего не забыл, — сказал Славик, — мне надо подумать. Скажи ему, чтобы потерпел. Да ведь ты сам говоришь: ему нужно несколько таких, я же за ночь их не намалую...» — и тут Славик едва не назвал время, в течение которого... возникала «Эстафета», но вовремя опомнился — промолчал.

«Я думал, ты, услышав цену, на одну ночь станешь стахановцем!» — весело прокричал в трубку Артём... «Ну значит, неправильно думал», — сказал Славик и повесил трубку. Ему казалось, что месседж, найденный им в коробке, как записка в бутылке, — хоть там не было слов, кроме одного — «духи», ну да... говорил с ним, тем не менее, не только языком линий и шифровкой... цифр, но, «распакованный», он заговорил и словами, т. е. картина теперь сама по себе, выпущенная на волю, как джинн, рассказывает себя саму — словами, которые она произносит устами разных людей. Вот и этот немец с «эстафетой дегенераций», например, во всяком случае, как он это услышал, Славик-Славик, как раз после того, как сам пришёл

к этим мыслям... размышляя теперь уже об инсталляции, в которой должны были быть не только отпечатки — разного формата, может быть, и фрагменты — «Эстафеты»... и обязательно — стенды, рассказывающие о Семёне Сосновском — фотографии, пожелтевшие письма, в том числе с фронта.

Читая в процессе, как бы сказать, «натаскивания» себя на то, чтобы вступить на стезю художника или — войти в роль, если угодно... читая, стало быть, Василия Кандинского — «О духовном в искусстве», выбор не случайный... ведь Славик в тот момент собирался всё ещё заняться абстрактной живописью, ну или графикой... так вот, читая Кандинского, Славик-Славик — после слов о том, что «фигуративным искусством может овладеть и обезьяна» — повторением то есть линий, — ну как попугай — повторяет слова, понятно... и только вот абстрактное искусство может типа творить... Художник — духовная личность, как-то так... машинально-обывательски подумал: а не наоборот? Ведь были же не только обезьяны, но и слоны — куда прикажете отнести слонов, а? К працівникам мистецтва или — к отряду приматов? Или просто к примату духовного — над материальным... И ведь в самом начале где-то вилял там хвост осла, как-то связанный с Малевичем, ну да, это общество... Нет, Славику не хотелось спорить с Кандинском, вы его не поняли... но и вдаваться в подробности — ему уже не хотелось, он отложил трактат о духовном... Он подумал о своём: что, если когда-то он признается (до сих пор он не сделал этого — не проговорился, даже «подруге дней»), что это за картина... То ведь что получится тогда — что он продал её так же, как удачливые циники, повесившие ценники (пятизначные) на «абстрактные картины», написанные хоботами слонов, лапами обезьян или же хвостами ослов... пусть даже они и трижды сами по себе при этом — Комары и Меламеды, эти продавцы то есть, это их дело, концептуализм — вообще дело тонкое, игра в высер... Но он-то, Славик-Славик, таким же макаром, как они, продаст случайные — непреднамеренные — зигзаги авторучки, находившейся... в руке его собственного деда.

Неумышленные, как движения даже не-человекообразных животных, и не просто продаст, а — если предположить, что он выдаст «тайну этой картины», снабдив её всем этим ассоциативным рядом — богатство ко-

того по-прежнему не иссякало в его немного перегретой голове... то получится несравнимо подлее — что он выдаёт это за «истинную жизнь»... или даже не так, просто — насмешка, насмешка над делом, по сравнению с которым как раз он — Славик-Славик — как раз и был — во всех отношениях — если не полным дегенератом, то уж точно — тем самым ослом, да, вот так он и шёл по жизни, как debil, точно-точно.

Нет, это был не только приступ немотивированного и невротического самобичевания температурившего Славика-Славика, ослиным хвостом то есть себя самого... нет, не совсем, во всяком случае, достаточно напомнить о зенитке, которой дед его сбивал во время Второй мировой «юнкерсы» и какие-то сбил-таки, раз получил ордена... а Славик не сделал вообще ни одного выстрела.

Ну, в этом он, положим, был и не виноват, допустим, да, и этому надо радоваться скорее, конечно — что не бомбили... Но он же не знал о ней вообще ничего! Простите нас и не принимайте за милитаристов, но так же тоже нельзя: из всего курса — который Славик слушал четыре года (!) в университете — каждый вторник, каждую неделю, целый световой день проходил «на военке», — и вот от всего этого курса в результате — и не через тридцать лет, нет, а на следующий день, или в тот же самый — когда ему «дали погоны»... От всей мажчасти осталось... одно-единственное слово — может быть, потому, что оно было немного смешное: «копир». Копир, да, и больше ничего.

Что уже говорить о РЛС... Вы не понимаете, о чём мы? Ну поставьте себя на место Славика — вот в этот момент, когда он ещё не отказался от мысли о расширении поля значений, скажем так, художественного произведения, или того, что, как бы то ни было, уже выдал — по крайней мере, Артёму — за своё произведение, чем спровоцировал на «совместную» картину, — кстати, мы, в отличие от Славика, уверены, что Артём точно так же сделал бы, если бы уже тогда узнал о происхождении палимпсеста, увидел коробку... но речь здесь у нас идёт о Славике — это был его родной дед... и Славiku стало стыдно, да.

Он уже взял телефон, чтобы позвонить Артёму и всё рассказать как есть, и не в надежде, что ничего после этого не изменится, а как

раз для того, чтобы после этого поставить точку в этой чрезмерно затянувшейся шутке... Но почему-то положил трубку.

Просто картина продолжала с ним говорить, и он не хотел отвлекаться сейчас, он хотел ещё немного послушать — мысли, которые она посылала, сигналы, если угодно... нет, в тот момент он как раз ещё не боялся, что сходит с ума... Фрэнсис Бэкон-художник говорил, что абстрактная живопись говорит — вещает то есть, как радио, да, но сигнал передатчика при этом очень-очень слабый.

Возможно, — думал Славик, — это так и есть, но тем более — сейчас, когда она говорит со мной громко и внятно, как отцовский «ВЭФ-202», так, что я слышу всё, говорит понятным мне языком... не надо сразу прерывать сеанс, надо послушать до конца, а если дед и вправду выбрал такое медиа, которое есть месседж...

Славик то есть понятия не имел, как бы отнёсся дед к этой затее внука, он вовсе не уверен был, что деда это обидело бы, нет-нет... Да и что значит сослагательное наклонение — в этом превращении росчерков, начавшемся с их оцифровки... т. е. с того, что палимпсест был снят «Олимпусом»... и тоже мыльницей, как и аппарат отца Славика, но цифровой, хотя это совсем уже ненужные подробности, мы тараторим, потому что ещё не сформулировали внутри... Ну вот, попробуем: отношение Славика к абстрактной живописи как таковой... было вовсе не таким «хрущёбным», каким оно могло показаться читателю из-за нашего слишком развязного пересказа, по крайней мере, до того момента — который мы вам уже описали так точно, но и после точки X — нельзя сказать, что он что-то такое пересмотрел кардинально, нет... Читая Кандинского, он понимал в то же время, что тот имеет в виду, говоря об «обезьяне», ну т. е. о машине, производящей аналогии, и вслед за тем о подлинно духовном — что приходит из глубины и ни на что не похоже... в том-то всё и дело, что «росчерки» деда показались ему — увиделись им так, что это его потрясло... из-за сочетания конфигурации и генезиса линий (хотя с Артёмом в этом смысле был чистый эксперимент), а сомнения, которые мы описали гораздо подробнее, чем, скажем так, трепет, который овладел нашим героем... сомнения эти были связаны с невозможностью спросить у деда его согласия на этот «жест» внука, вот и всё... От этого начался внутренний диалог с

настоящим, хоть и неосознанным, автором картины, который не ограничивался уже рамками одной «картины»... Да, можно сказать и так, что всё это стало постепенно приобретать в его голове черты скорее уже инсталляции, посвящённой деду — в голове только лишь его внука пока что, только в голове, да... Эта инсталляция стала расти, расширяться, и где-то в какой-то момент Славик вспомнил и то, о чём дед вспоминал почему-то всегда неохотно... Ну то есть не так чтобы он отмалчивался, даже нельзя сказать, что он сразу же замолкал — если Славик его спрашивал, но как-то вот был менее разговорчив, что ли, — чем тогда, когда рассказывал о войне, например, да и не только... по сути, не было закрытых тем, хотя это мы немного всё же упрощаем... он же работал на «почтовом ящике», и — «мы работаем на космос», говорил его дед... И, может быть, Славику так нравились эти слова, что дальше он никогда не спрашивал, да к тому же и понимая, конечно, что больше дед всё равно ничего не скажет, перейдёт на рассказ об их ширпотребе... а больше... А больше так вроде и не было никаких запретных тем, дед ему всё рассказывал — что вообще рассказывают детям или внукам... И только предвоенные годы, и не самые, а конец тридцатых, — проведённые в авиации, почему-то вот дед не любил вспоминать, да... Славик даже не помнил уже, от самого ли деда узнал, что он был списан на землю из-за ссоры с начальством. Да нет, кажется, не от бабушки, а от кого-то из родственников, а деда Сеня как раз говорил Славику-Славику, что списали его из морской авиации после аварии, но подробности и тут пропускал, только говорил, что была травма у него... Но какая — он вообще не называл, и все те раны, что Славик знал наизусть, как будто свои собственные, были получены дедом уже под Берлином, — впрочем, их было столько, что могли и наложиться на предвоенные, и что уже их тогда было вспоминать... дед его был и так весь из ран — дед-палимпсест, ну да, правая рука не работала, и кисть её была изогнута, пальцы навсегда сжаты вместе... шрамы были на теле, в области грудной клетки и на правой лопатке, а в ноге остался навсегда осколок, из-за которого дед никогда не плавал, даже когда однажды поехал с ними на море. По его словам, осколок так был там расположен, что в воде у него моментально начинались судороги.

Но Славику всё же казалось, что тогда была не авария, а вот именно ссора с начальством... Вдруг, прикрыв глаза, он как бы даже увидел старую квартиру... Полоска света под дверью, только и всего, жёлтый отрезок. Остальное — темнота, он в своей комнате лежит на раскладной кресле-кровати, родители, бабушка и живая ещё тогда бабуля, или даже — два дедушки и две бабушки, — а может и ещё какие родственники там были, ну конечно — на кухне, которая одновременно и прихожая-гостиная, а ребёнка уложили спать, они думают, что он спит уже... а он видит не сны, а тонкую жёлтую полоску, и слышит при этом — голоса, которые что-то приглушённо бубнят за дверью, он какое-то время не разбирает слов, но чувствует — постепенно они становятся громче: «Да, Славик спит уже, конечно», — говорит мама, а раз мама так говорит, то так и есть: он спит... и не спит, а может быть этот свет просачивается сквозь щелку... не из кухни, а из коробки с фотографиями... он один сейчас находится и в коробке, и снаружи — и видит эту щелочку... и спит, и не спит, но скорее всё-таки — не, он слышит наяву этот голос — деда Сени, — который за дверью рассказывает, возможно, что как раз... тот самый эпизод, из-за которого его списали с неба на землю... А может быть и нет, может быть это было совсем другое начальство — которое вышло из себя, послевоенное то есть, когда дед работал уже просто инженером на военном заводе, а не бортиженером на самолёте-амфибии.

Славик почему-то начал слышать голос деда Сени — за дверью — не с начала рассказа, а где-то посреди, поэтому он, наверно, никогда не узнает, когда и где это было:

— ...сколько раз я всех предупреждал, что нельзя бросать одежду в комнате, сколько раз, я спрашиваю...

— Простите, но это не моя одежда... — я говорю.

— Враньё! — он кричит. — Враньё! Это ваша куртка, я знаю! — Да нет же, — говорю я...И тут он вдруг бросает её на пол и начинает топтать... Да-да, представляете... Долго он её так топтал и что-то кричал при этом — так дикари терзают чучело врага, я думал — глядя, как он топчет ногами куртку, я почти уже видел себя на её месте под его ногами... Когда же он прекратил это делать — выдохся наверно — и отошёл на несколько шагов, всё ещё что-то выкрикивая, но

уже тихо — «вот так, вот так, вот...» — я нагнулся, поднял куртку... засунул руку в нагрудный карман, достал оттуда пропуск... «Что такое? — крикнул он. — Сами виноваты, не разбрасывайте вещи...» Я молча повернул пропуск лицевой стороной к нему, сделал шаг, чтобы он рассмотрел... И вот всё это я вам рассказываю только затем, чтобы сказать, хотя это невозможно — словами описать выражение его лица в этот момент, вот его я не забуду никогда... момент, когда он понял, что это его пропуск и, стало быть, его куртка...

Славик понятия не имеет, могли ли за такое списать человека с неба на землю.

Наоборот — наверно, всё-таки нет, хоть это и было примерно в 36–37-м, — деда тогда списали из авиации... Совсем не факт, конечно, что в тот момент дед рассказывал как раз то, из-за чего его... «И я слишком его любил, чтобы повторять вопрос, который, как я видел, был ему неприятен, и я вообще его не повторял, — думает Славик, — я был маленький, но подумать о том, что могло ведь там быть и что-то другое совсем, техническая неисправность, недосмотр, по причине которого самолёт упал в море, и поэтому только все остались живы, потому что на воду... такое подумать я мог уже тогда, вполне. Неисправность, да, вину за которую возложили на деда, а может и в самом деле недоглядел — я мог только гадать, и тогда, и сейчас, он же ничего об этом не говорил, ничего... но, кажется, как-то обмолвился, что самолёт упал в море, что естественно, это же была амфибия...»

Не только никаких больше подробностей он не знал, но вообще был не уверен, что сам не подставил всё это — в молчание деда, хотя вроде бы что-то он всё-таки говорил — дед Сеня, да, но когда Славик был совсем маленьким, — так ему, по крайней мере, теперь казалось, — в общем всё остальное были дымные домыслы, и только несколько фраз, долетевших из-за закрытой двери, в которых Славик полностью был уверен, «слышал как сейчас».

Да, теперь уже это точно щелочка в коробке фотографий — Славик прикрыл крышку, держит коробку в руках и смотрит туда сквозь щель — между крышкой и бортами коробки, содержимое которой при этом неразборчиво, только отблески видны — фотографии тихонько блестят в темноте, ползут друг по дружке, похоже

на поверхность ночного моря, или поздне-вечернего, если включить фантазию... но он не включает, он просто снова думает сейчас о том, что это странно, а может, и ничего не странно, не более, чем всё остальное то есть: что одна и та же зенитка... ну, бывает.

Не более странно, чем то, что дед, когда его списали из авиации — не сразу, но, когда с неба грянуло, и он в сорок втором пошёл добровольцем на фронт, несмотря на «броню», которую давал военный завод, из-за чего в сорок первом не хотели брать... стал командовать вот именно зениткой и сбивать самолёты в небе, в котором раньше сам летал... Хотя и здесь — что странного на самом деле... это внук у него получился странный, а дед был — окей, герой, хоть и не «Советского Союза», но — ордена, Красной Звезды, например... А в эпизоде с курткой есть какая-то сумасшедшинка, недаром дед говорил, что запомнил навсегда... ну да, представить: растоптать куртку ненавистного тебе подчинённого, борт- или просто инженера-диспетчера, всё равно, топтать её так, как будто это он сам, ну конечно, которого ты ненавидишь, — растоптать и вдруг увидеть, что это — твоя куртка, и ты топтал сам себя — часть тебя... И за это — с неба на землю? «А мог бы и расстрелять»... да нет, не мог, если б мог, то и расстрелял бы, конечно, а так как это было до рождения мамы, то расстрелял бы одновременно и её, и меня... Славик чувствовал, что эпизод — где бы он ни случился на самом деле и когда — до войны или после, — начинён какой-то литературностью... Но, подсаживаясь к компьютеру и начиная шарить в сети в поисках сведений о тогдашней форме лётчиков — где там у них были звёзды, на рукавах или... он уже понимал, что ему хочется писать это не простыми — да хоть бы и сложносочинёнными — предложениями, а написать вот именно как пишут художники — кистью, или чем там они сейчас... кто чем, некоторые — светом непосредственно, на каком-нибудь айпаде, ну да, сначала появляется полоска света... прищемлённого дверьми, и — можно и не быть поэтом, вот именно... уже всё написано... ветер, море, самолёты... штаб или что там, неважно, большая комната, где стоят офицеры без погон, и один из них... так-так... тыр-тыр... у нас новый командир... топчет ногами — собственную тень... до дыр... Можно ли это показать на холсте, если... в марте нет сирени, гвоздики не достать... а можно на

листочке цветы нарисовать... прибью картинку эту... над маминым столом... интересно, гвоздики где я возьму тогда, ладно, как-нибудь разберёмся, — бормотал всякую подобную этой ерунду Славик, делая наброски, да — просто шариковой ручкой — на листочке, ну да.

А через неделю примерно Славик стоял перед первой своей картиной, на которой было несколько военных людей, и в центре — лицо полковника, нога которого ещё стояла на лётной куртке, лежавшей на полу... Дед Сеня показывал полковнику что-то, что зритель картины не видел, похоже было и на то, как если бы дед просто выставил перед командиром пустую ладонь... Главным в картине было выражение лица полковника — оно было дано крупным планом.

Славик думал было подписать картину «Я — это не я», хотя он был не уверен... слишком общее какое-то место, два местоимения и перемена мест... А потом, когда Артём рассказал ему, что есть такой цикл у Боба (Михайлова), Славик уже точно отказался от этого названия, но слушал рассказ Артёма о презентации, которую Боб («Так может, он и в самом деле — Боб?») — рассмеялся Славик, выслушав рассказ Артёма и имея в виду фильм «Твин Пикс», разумеется) сделал этой своей выставке, — а фотограф лежал там перед входом, и все посетители через него переступали, а в зале уже висели огромные фотографии его голого тела, по мнению многих харьковчан, «совершенно непотребные», — говорил Артём, смеясь, сам-то он ставил Михайлова высоко... И вот это — «лежал перед входом, у порога, на земле...» — напомнило Славику рассказ его дяди: уже после того, как деда Сеня ушёл второй раз — с земли на небо, — тут уже Славик позволял себе высокопарно выражаться, и мы следуем его примеру... А дядя рассказал Славику то, что он не знал: деда его спасла сначала работница госпиталя... проходя мимо груды сваленных вместе трупов, заметила вдруг какие-то признаки жизни, может быть, какое-то движение... в лице, или кисть руки шевельнулась, это никто теперь не знает, может, просто почувствовала, что там есть живые, живой... Подошла и, заметив, что он дышит, вызвала подмогу, и деда Сеню отнесли в госпиталь, где главврач — известный военный хирург, — определив его состояние как полностью безнадежное, решил всё-таки попробовать — «поставить эксперимент», так он сказал.

Причём этот эксперимент — подробности которого дед не рассказывал и дяде (жившему маленьким мальчиком вместе с семьёй Сосновских первые годы после войны), — да, скорее всего, и сам не знал — он же был «подопытным кроликом», — смеялся дед. Но вот что дядя ещё запомнил: Семён был не единственным «подопытным» главврача, был ещё один — лётчик, так же признанный безнадёжным, как и дед. Потом, после всех операций и манипуляций, каких-то необычных для того времени переливаний... они лежали в одной палате на двоих — безымянный в рассказе дяди лётчик, упавший с неба, и дед Сеня — зенитчик, но и бывший лётчик в то же время, списанный когда-то с неба на землю — ещё до войны, за что — неизвестно, во время войны едва вот не выписанный обратно.

Славик какое-то время не только не сомневался, что следующая картина будет изображать деда Сеню и неизвестного лётчика в госпитале Арневельде, лежащих на соседних койках, — они смотрят на нас, деда Сеня уже приподнимает голову, а между ними сидит тот самый главврач, которого Славик намеревался изобразить в белом адмиральском кителе... Он примерно уже представлял себе, как это будет выглядеть, он как будто был уже сам в той палате, он знал, в какое время суток как там ложился свет...

Не будем уточнять, начал ли он уже делать эскизы — может и начал, за всем не уследишь... важно то, что он отказался от этой мысли, почувствовав, что дальше... он начнёт превращать в картины семейные фотографии — о количестве которых мы уже говорили, и да, Славик в самом деле почувствовал, что ещё немного — и перейдёт туда совсем — в них, будет там жить таким маляром, внутренним рисовальщиком, непрерывно крася стены памяти, которых уже нет... как-то так, переписывая прошлое... то есть одновременно почувствовал, что он там — совершенно не нужен, обошлись как-то и без него, спасибо, дорогой, не нужен, не вызывали пока что, да, а что это если кому-то нужно, то не этим людям — на фотографиях, в том числе и ему-вчерашнему, кстати, говоря условно — Славiku Сосновскому. Но это нужно ему — сегодняшнему, как бегство от пустоты, в которой он оказался в этой своей квартире-ловушке, недавно опустевшей совсем уже не по-детски — когда даже «подруга дней его суровых»... но не старушка ещё вовсе, нет, — решила вдруг,

что она ему и «не няня»... Может быть, ей и в самом деле немного поднадоело, что он её так называл — не только заочно, по телефону, скажем, но и при ней, она могла быть при этом рядом, или совсем уже очно — своим друзьям, только своим, — её-то друзья его бы не узнали и на очной ставке.

Ну да, он её так называл, скорее вот именно потому что она приходила к нему — днями, вот именно, по ночам же она была замужем, причём лет этак двадцать пять, или уже все сто — это была его первая школьная любовь, ну или одна из первых. Мы не будем сейчас проваливаться в его прошлое, мы как раз хотели бы остаться в настоящем — повествовательном, по крайней мере... Хотя нет, два слова скажем всё-таки, и дело тут даже не в самой его ПДМС — её мы оставим без лишних уточнений, адюльтер всё-таки... а в том, что было у неё за окном тогда — двадцать пять лет назад, или все тридцать пять уже, или лучше сразу уже сказать — сто, — ну да, сто лет назад в самом центре микрорайона, в котором жил Славик и ПДМС, — стоял летний кинотеатр. А это значит — экран, казавшийся издали так точно размером с девятиэтажку (хотя на самом деле он был, скорее, с пяти-, но к тому же ещё пустырь в центре микрорайона был на возвышенности), в которой жил Славик и ПДМС тоже, в точно такой же, но из его окна был виден только верхний краешек белого экрана, кусочек то есть — вдали, белая полоска, ненамного толще, чем жёлтая на старой квартире, под дверью... А вот из её дома, стоявшего гораздо ближе к «летнему», экран был виден почти целиком. Немного мешала зелёная ограда метра четыре высотой, или даже больше... Но с высоты её девятого этажа это было не очень существенно, и почти незаметно, весь белый экран был — как на ладони, как наладонник... За сто лет до смартфонов то есть у них был такой вот свой экранчик на двоих — размером примерно с сигаретную коробку (из его окна — со спичечную), звук тоже до них долетал — наверх, ну не все слова... да, это было, может быть, и не лучшее качество, как звука (звук был не таким уж и тихим, но сильно деформированным — отражаясь от стен бетонного лабиринта, до них долетало наложение сразу множества «эх», да), так и изображения (всё-таки далековато), но, безусловно, это был самый лучший кинотеатр в его жизни.

И при этом ещё и окно в будущее, если хотите, причём ещё более далёкое, чем романное настоящее... Ну да, приватные экраны уже стали огромны: панели, бимеры и т. д. Но такую масштабную инсталляцию сделать и сейчас было бы не просто: представьте бескрайние — вплоть до колхозных горизонтов — бетонные катакомбы, совершенно серый то есть 3D-лабиринт, в самом центре которого вдруг зажигается гигантский, как бы вынесенный из чьей-то квартиры, цветной телевизор «Берёзка».

Славик, когда это увидел с её балкона, спросил: «А можно я зайду ещё?».

Он зашёл к ней — в первый раз — не из-за кинотеатра, нет, он как-то и не сообразил даже заранее, что с её балкона балка — плешь в центре микрорайона — и экран, соответственно, должны быть хорошо видны... он зашёл — формально — к ней за... перьями. Да, за чертёжными перьями — рейсфедерами... им в школе задали делать чертёж тушью, он уже теперь не помнил, по какому предмету-поводу, рисованию или... по физике? Черчения вроде бы не было в школе, но неважно, им вот задали на дом что-то начертить тушью, а может и нарисовать, он её спросил, и она сказала: «Да, можно, зайди, я дам тебе, у меня их много, то есть — у отца». Вот он и зашёл, ну да, предлог, чертёжные перья были и у его отца, на работе он уже давно ничего не чертил то есть, но готовальни лежали со студенческих времён.

Славик любил эти чёрные бархатные футляры — и когда ПДМС дала ему такой же, благодарно погладила его, а заодно и руку дающую, и уже в лифте, всё ещё поглаживая — готовальню, а потом, приоткрывая её на мгновение и видя блестящие даже в тусклом свете лифта ножки циркулей в их тёмных окопчиках-нишах, он, выходя уже из подъезда...

Да нет, это было не в тот раз — не в первый, а когда он отдавал ей готовальню, но неважно — напевал про себя «из чего же сделаны наши девчонки...», а может быть, уже засыпая дома, и вспоминая первый поцелуй и одновременно — видя в чёрной глубине поблёскивание ножек циркулей... В общем, началось всё с «черчения», но он стал потом заходить к ней «из-за ”летнего”», и вот это было не совсем уже «под предлогом», не только, — они и в самом деле

сидели на балконе и смотрели кино, изредка вместе с её родителями, и всегда летом — это же был летний кинотеатр, совершенно бесплатный, если сидеть на балконе, — ну, может, родители её пошутили пару раз, что могут продавать билеты...

И ещё её отец сказал, что это похоже на кинотеатры для автомобилей в США... нет, он не был, конечно, он читал в книгах.

А Славик всего лишь два раза был в самом кинотеатре — потому что «летний» был не самым приятным местом даже в их непростом во всех отношениях, кроме, разве что, простой геометрии, лабиринте, где бродило много «рогатых» (тогда ещё не было слова «гопники», да это и не совсем одно и то же, хотя и близко... но нет, если уж быть совсем точным, «рогатыми» на районе называли, скорее, просто «деревенщину», безотносительно к её агрессивности, т. е. «нерогатые» могли быть в тысячу раз опаснее и т. д.), как тогда говорили, особенно когда темнело и можно было запросто напороться на чей-то рог совсем в другом месте.

Но всё-таки в «летнем» драки и поножовщина случались чаще, чем в любой другой точке лабиринта (Славик вспоминал об этом через сто лет, когда вместо «Кинотавр» в новостях ему послышалось просто «минотавр», ну да).

Славик был там — ходил в «летний», внутрь — всего раз или два, как мы сказали, не больше, а потом уже только с балкона ПДМС — пока кинотеатр не закрылся, или нет... они ещё раньше перестали с ней «встречаться», чему причиной был их одноклассник, вот именно... Что касается причины заката «летнего», Славик теперь уже не мог восстановить это со всей точностью в памяти, была ли она — причина — хотя бы и частично в том, что... на свет экрана слетались не только «мотыльки», скажем так, в цветных мини-кофточках, т. е. путавшиеся со шпаной путаны-малолетки... но и, соответственно, — вполне естественно, конечно — заодно и сама шпана — «сявота» то есть, святое дело, ну да, причём из всех окрестностей — летний кинотеатр был один-единственный на гигантский (т. е. равный по населению какому-нибудь Кривому Рогу, или даже больше) «жилой массив»... В общем, так или иначе.

Но скорее всё-таки — так, т. е. если и не из-за драк непосредственно, то из-за того, что — из-за драк туда почти перестали ходить мирные люди, а шла туда только шпана, которая всё равно пыталась

перемахнуть через ограду или просто так пройти без билетов, сделав страшное лицо, например... И там были ещё какие-то интересные, наверно, для сплэттеров, случаи, но хватит, стоп... пока у нас тут не забил фонтан крови в центре микрорайона, и не экранной притом... заткнём его, даже если он там и был. Теперь это уже неважно, короче говоря, этот «закат солнца вручную», как кто-то назвал тогда закрытие «летнего», — было примерно тогда же, когда Славик, его ПДМС и ещё один их одноклассник — закончили школу и разошлись в разные ВУЗы, — но не все в разные направления: ПДМС вскоре вышла замуж за бывшего одноклассника, хотя «бывшего» тут уже лишнее, да им не было ещё и восемнадцати... и вот так они и жили — до сих пор, и пока что, как оказалось, не остыли полностью... Ну а «летний» — о котором, собственно, и был этот вложенный рассказ — ещё какое-то время зиял бельмом на пустыре, а потом уже экран совсем пропал-истлел, т. е. белой простыни — простыл след... и оставался ещё какое-то время страшноватый зелёный остов и вокруг — скамейки, ограда-то упала давно, а что упало — разобрали, наверно, на заборчики для участков, мало ли на что — в хозяйстве всё пригодится. В общем постепенно совсем исчез этот «летний», да, растворился в темноте пустыря — и осталась там голая балка-плешь, поросшая, впрочем, местами высоким бурьяном — в самом центре микрорайона, и там долгие годы, если не десятилетия, потом гулял ветер, собаки и какие-то призраки той — былой — шпаны, да... и только в самое уже новое время пустырь заполнили дома-чужаки несалтовской какой-то планировки, и Славику-Славику, когда он там проходил — довольно редко, впрочем, — казалось, что Сказку о Летнем теперь знает только он один — старый сказочник, старпёр уже, ну да, ну да — кино-театр-призрак, белевший ещё долго после своей смерти парусом в тысячах окон.

Да, он припоминал, что простыня экрана на самом деле не сразу пропала, сначала повисла её половина, по диагонали свесившись, и это на самом деле страшно напоминало... парус одинокий... среди бетона похожих на корабли, но начертанные на листочке в клеточку для морского боя... и вот среди них — этот парус, ну да.

Никто его не помнил, кроме Славика, отчего у него мелькнуло как-то даже странное чувство, что летний был в центре его микро-

косма, а не района. Даже, казалось бы, как минимум (она-то видела экран гораздо чаще, чем он) соглядатайка — ПДМС, полностью забыла, стёрла из памяти «летний», этот его «символ счастья»... Во всяком случае, она, кажется, не любила его вспоминать — презрительно передёрнула плечами, когда Славик напомнил, — наверное... что-то у неё было связано неприятное с ним, с этим «летним», что-то своё, тёмно-девичье, так что и через сто лет она сделала такую гримасу, что Славик больше не вспоминал при ней... Но сам по себе Славик не то чтобы сильно любил этикие красоты, как «первая-любовь-балкон и мир-как-кинотеатр»... на экране которого — ну что они там видели, собственно, а? Он вдруг понял, что не может вспомнить ни одного названия фильма, и это было несколько смешно, вот так хранитель музея кино... Мелькнула голая индианка... в воде горного озера — она там как будто летела в прозрачной, как воздух, воде, бронзовая, да... или золотая... «Золото Маккенны», ну да — точно, он вспомнил... голос Ободзинского — долетал, и... Ну и чего, это было круто: «Золото нас манит к себе...» — вспоминал Славик-Славик.

Да, так вот, мы ведь хотели только сказать, что Славик стал так часто вспоминать «летний» в этот период своего тихого помешательства на старых фотографиях, которые он всё время перебирал теперь, возможно ещё и потому, что серо-белые снимки казались ему похожими на бетонные девятиэтажки — как они выглядят с балкона, выглядывают друг из-за дружки... а «летний» там же — в его памяти — казался ему, ещё живой «летний» то есть, а не призрак на острове и не остов на пустыре... его памяти... Да, вот чем-то похожим на него самого, Славика-Славика, — начавшего было раскрашивать серо-белые снимки, всё больше проникаясь их атмосферой... и как бы даже — проникая в них, чтобы превращать их там в цветные картины, но факт, мы немного запутались в своём пересказе его сказки... О сне в летнюю ночь... в летнем кинотеатре, whatever... есть вещи, наверно, которые надо оставлять героям для внутреннего употребления, как-то: первая любовь, особенно если она же и последняя... Иначе получается вот так вот — витиеватая околесица, конечно... и мы ведь предчувствовали с самого начала, что этот флешбек здесь нужен, «как зайцу стоп-сигнал», как тогда

говорили... Но стирать почему-то не хочется, мы в раздумье... пока двинемся дальше... Так вот, стало быть, та самая, ещё не совсем то есть столетняя, его ПДМС — недавно решила поставить точку, сказав: «Я ухожу, Сосновский, ищи себе другую няню». «Уходишь? — удивился Славик. — Няню?» «Ну неважно, кого... Хотя мне кажется, что без меня ты всё равно пропадёшь, знаешь... Но если я останусь, я пропаду вместе с тобой.»

И это были не шутки никакие. Какие шутки — после этого он больше не видел ПДМС вообще, иногда только натыкался в шкафу — платяном, среди своего белья — на забытые ею полосатые гетры, на красные трусики, раздумывал каждый раз — выбрасывать, нет... почему-то оставлял... Наверно, она просто сделала то, что хотела, то, из-за чего сошлась с ним вскоре после того, как он вернулся в Харьков из Энска, встретив в саду Шевченко, возле кафе «Жили-Были», то есть не уходя от мужа, — просто отдохнула немного от своего вечно-благоверного одно-кашника, после чего ушла к нему от Сосновского, как бы и не приходя... да и не уходя, собственно, — от мужа перед этим... оставив, в общем, Славика-Славика — совсем одного, да ещё с этим своим пророчеством, — в совсем уже пустой квартире, где он, может быть, ещё и не совсем пропал, но... как сказать, как сказать — когда человек всерьёз подумывает-присматривается о том — к тому, чтобы... при жизни переселиться в коробку с семейными фотографиями и что... — и шуршать там, как крыса, или мышь... Он, кстати, давно отключил старый «Днепр», так что в квартире ничего больше не дребезжит, он купил новый холодильник, бесшумный, а в замолчавший «Днепр» переместились книги и альбомы с фотографиями, да, это теперь просто ещё один шкаф, неплатяной и некнижный и... Нет, до того, чтобы заполнить фотографиями и новый — работающий и почти всегда пустой при этом холодильник — Славик пока что ещё не дошёл, но — лиха беда начало. Знаете, прочитав в чьей-то статье в том же «Вашем здоровье» — куда он больше не писал, но по инерции, что ли, почитывал... о том, что южноамериканский писатель Ричард Форд хранит свои рукописи в холодильнике — причём в морозильной камере, сам не зная, зачем, «ну может, если пожар будет, они сохранятся, по крайней мере, я так думаю...» — Славик подумал, что неплохо бы и ему положить

самые ценные фотки в морозилку... Через секунду он вытряхнул из головы идиотскую мысль и, кстати, продолжив чтение статьи, узнал, что эту мысль Форду подкинула — по крайней мере, так говорили злые журналистские языки — его жена, чтобы его интервью не были так скучны и пресны, что ли.

Да, но суть в том, что Славику его нежена подкинула в голову напоследок совсем другую мысль...

В общем в старом холодильнике (перенесённом из кухни в комнату деда) теперь лежали старые фотографии; в новом, как говорится, мышь повесилась, а крыса (ПДМС) сбежала с его корабля — всё больше напоминающего тот самый Летний, когда зелёный остов его стоял ещё посреди бетонного тумана, а парус уже сорвали, но он ещё какое-то время белел... И ещё: очень вероятно, что он шёл таки ко дну, Славик-Славик, но он не стал переписывать своей, «довольно-таки живой», по словам Артёма (может быть, потому что только что ещё и, возможно, совсем ненадолго — ожившей?), кистью фотографии... Он вдруг почувствовал всю, как мы уже сказали, неуместность этих жестов... после чего закрыл глаза и увидел яр в саду Шевченко, в темноте, ну то есть неярко освещённый фонарями, которые стояли сверху, тактично так, на опоясывающих овраг аллеях или на мостике, откуда он смотрел вниз на это удивительное... по крайней мере для суши, зрелище, хоть бы и влажной осенней суши... потому что оно напоминало — как смотрят в воду с мостков на быстро снующих в воде рыб... или с палубы корабля на спины дельфинов... Пока он не погрузился... не перешёл то есть прямо туда, как во сне — спустился по вытоптанной собачниками тропинке, всё больше ускоряясь, держа за руки родителей, по колёно в жёлтой листве, — в его внутреннем саду Шевченко всегда был октябрь, в этой его державе... юный октябрь впереди, ну да... хотя там была вроде цезура — после «юный», т. е. юный — Ленин, а может, это была просто чья-то шутка... В общем в личном «саду Шевченко» Славы Сосновского всегда был октябрь, т. е. даже когда он шёл по саду в июле или в январе, ему казалось, что, закрыв глаза, он сразу увидит весь этот яр, засыпанный жёлтой листвой, ярко-жёлтой — поверх тёмной озимой и яровой листвы всех лет, которая там скапливалась... недалеко — совсем рядом с зоопарком,

яр, весь покрытый... шуршащими листьями, над которыми так и летали вороньи собаки, как кляксы туши на золотом фоне... Хотя нет, «клякса» — это совсем другое, другая порода, а здесь было такое странное скопление...

Да-да, там была тогда какая-то тайная сходка-слёт, и почему-то только чёрных и больших — гладкошёрстных — собак, да, только доберманы и доги там были, и — нет, не то что пушистых болонок-пуделей, но и овчарок там не ступала нога, хотя они ведь тоже бывают чёрные, если немецкие, ага... И даже чёрных по определению — терьеров, например, — нет-нет... только доги и пинчеры, летавшие там, как вороны... Это всё было просто баснословно для мальчика, главная мечта которого в то время была — «своя собака»... Славик, сбежав с родителями на дно оврага (у них не было собаки, конечно, на старой квартире это объективно было невозможно), они там — в овраге — очутились из-за каких-то друзей родителей, у которых была догиня и которая, кстати, как потом оказалась, измывалась над бедной бабушкой... Когда все уходили, догиня подходила к кровати, где лежала маленькая старушка, стягивала её на пол, и — укладывалась на её место... Услышав же, что хозяева возвращаются, догиня покидала кровать и нет — не затаскивала бабушку полностью обратно, но подталкивала её мордой, и та сама, опять-таки плача и причитая, как-то перебиралась всё-таки — с пола на кровать. И так это безобразие продолжалось довольно долго: бабушка очень боялась догину, боялась признаться внукам, чтобы тварь её тогда совсем не загрызла, когда никого не будет дома. Даже что-то там было, кажется, ещё более страшное для неё, чем смерть, — «и эта тьма она сама», как писал в стихах другой маленький мальчик, но хватит уже... Славик не уверен был, что слышал всю эту историю непосредственно в яру, где бегала в том числе и та самая чёрная догиня, может быть, по дороге, когда шли обратно, — а они шли вместе, и собачники-друзья родителей со смехом рассказали эту историю, а мама Славика сказала: «Хороший смех», — а Славик-Славик... с грустью подумал, что теперь ему уже точно не купят собаку, после таких-то историй — и зло покосился на хозяйку догини.

Потом, потом — он это услышал, а тогда, стоя на дне яра, он, как ни странно, не воспринимал проносившихся рядом с ним огромных

чёрных псов... не только как угрозу, но вообще как тела то есть... эти пролетавшие мимо, рядом с ним, во все стороны — куски ночи, взмывающие над листвой, резко меняющие направления, — эти собаки превращались здесь во что-то другое, населяющее ночной парк... Славiku казалось, что это ожили четыре каменные чёрные пантеры, сидящие днём над центральным входом в Харьковский зоо, — что это они соскочили оттуда в яр, багиры, да, после чего превратились уже там — в собак, но не четырёх, конечно, он за всю свою жизнь в этом городе не видел столько чёрных догов.

Чем бы там они ни были, спрыгнувшими с места в карьер пантерами, или перепрыгнувшими через ворота — удравшими из клеток... Или это могли быть сбежавшие от своих хозяев на дно оврага тени прохожих, которые стеклись со всего парка... короче, они как-то связаны были — не только между собой... нет, они там не спаривались, конечно... но были связаны без вязки все вместе со всем густым тогда ещё садом-парком, с его запутанной паутиной теней, иероглифами деревьев, написанными на золоте склонов... Или, м. б., это были комья-груды земли, от взрыва вылетевшие из-под слоёв листьев, а потом уже снова их же взметающие — быстро-быстро, длинными задними лапами... Да, скорее всего они выныривали оттуда — из сугробов листопада, — а не сверху — не с ворот, не с неба, а — со дна, из залежей листьев — и проносились мимо — стремглав, в пополах из листвы, быстро слетавших с их лошадиных круп, когда они обегали галопом овальный яр по кругу, как в цирке... и ни разу никто из них не задел, даже не прикоснулся к мальчику — так что это было даже странно, как будто это в самом деле были только призраки — эти его «мечты о собаке» и больше ничего, мечты-мечты... которыми он жил в те годы и которые там — в яру — так теперь легко носил перед ним ветер, как листья, как сухие ветки «апортов», за которыми они мчались, кивая, это было как сон... И вы, наверно, уже догадались, что эти кудрявые строки — не что иное, как наша попытка переписать картину Сосновского «Black Dog's Ravin» своими словами, насколько неудачная, не нам судить, потому что мы-то видели саму картину, масло-холст, метр на полтора, а вот видите ли вы её, если вы не видели её раньше — на полотне, что вряд ли, — это большой вопрос, конечно, и не зная на него от-

вет, мы не будем переписывать другие картины Славика — как он не начал переписывать «ожившей кистью» фотографии семейного альбома... В самом деле, возьмём с него пример в том смысле, что пойдём дальше и не будем переписывать даже то, что он всё-таки написал... Он то есть, отказавшись от первоначального замысла, пошёл прямо туда — в непроявленную темь, где для начала сбегал в яр с летающими добердогами, странными, конечно, и в самом деле похожими — на его картине — на пантер, но не маленьких (по сравнению с догами, которые, если уж сравнивать с их кошачьим семейством, скорее тогда уже были подобны львицам) — а на тех длинношеих, выпятивших грудь колесом пантер, что сидят на воротах Zoo, где Славик провёл большую часть своего детства; можно и так сказать, не сильно преувеличивая, — что детство Славика прошло между клеток с животными, ведь он ходил туда маленьким едва ли не каждый день — в зоосад после детсада, с дедушкой или с бабушкой, по выходным — с родителями, он знал по именам всех тамошних львов и тигров, он был там не совсем чужой. И вот, увидев это зрелище в ночном яру вне, но рядом с зоопарком, он в первый момент — секунду, — но подумал всё-таки, что по ночам обитатели, как в каком-то из снов... Да, но опять-таки: мы не будем переписывать словами его картины, нет... И писать свою «Луну и грош», скажем так, да это и не тот сюжет совсем, у нас это вообще — конец, а не начало произведения... Разве что: слова о том, что Гоген — или как его звали у Моэма — начал писать картины просто потому, что они стояли перед его глазами, когда он их закрывал, т. е. чтобы избавиться от них... от картин, вот это правда, да, т. е. это точно относится и к нашему «художнику от слова "худой"», как Славика никогда не называли родители в детстве, никогда.

Но говорили так при нём довольно часто, ну такая была при-сказка, ещё у дедушки, да и у мамы... Вообще отношение к художникам в «интеллигентной, но не артистической» семье Сосновских было слегка презрительным, скажем так, и когда Славик в шесть лет стал ходить — по собственному желанию, или даже настоянию — в изостудию Дворца пионеров, как-то по дороге... его мама, встретив подругу, как бы извиняясь, сказала после того, как ответила ей, в какой именно кружок она ведёт сына: «Ну это просто так, время-

провожение... таланта у нас нет, просто Славику захотелось немножко попробовать — это ненадолго, правда...» — говорила она, стоя посреди Города Солнца, где в тридцатые расщепили атомное ядро, и ещё и в семидесятом году... все инженеры мечтали, чтобы их дети стали физиками, а не безумными лириками, размахивающими кисточками в темноте.

Когда Славик — со смехом — припомнил маме эти слова, она обиделась и стала называть его выдумщиком, она категорически отрицала, что говорила нечто подобное, а вот он — всегда был выдумщиком, а отец добавил: «Ты вспомни, как ты в садике говорил, что твой дедушка видел Ленина». Славик уже давно к тому моменту не обижался ни на маму, так рано «отказавшую ему в таланте живописца», ни на отца, преувеличившего в сотни раз примерно — его склонность к выдумке... Он никогда ничего подобного не говорил о дедушке, и с чего это взял отец — который не шутил, а всерьёз, кажется, так потом всю жизнь и думал-верил, — что Славик — совсем ещё маленьким — говорил это в садике... Тогда как Славик помнил совершенно отчётливо: как раз наоборот, придя из детсада, он со смехом рассказал родителям, что один мальчик у них в группе говорит, что его дедушка или бабушка — это была теперь единственная деталь, которую Славик не помнил, — видели Ленина, да и вообще, впоследствии это же была такая поговорка, означавшая просто более чем почтенный возраст, и больше ничего... И всё это нам бы надо было стереть, переписать всё это пустословие — как Славик, не задумываясь, переписывал, когда он их ещё писал, свои картины, нанося поверх прежнего другой слой, слой... Но так как мы говорим о памяти, скажем ещё два слова, вместо того чтобы стереть предыдущие: «Ленин — Неленин», но был другой эпизод, мы не будем на нём долго останавливаться, правда... который в каком-то смысле, наоборот, — совершенно явственно присутствовал в памяти Славы, и которого напрочь не было в памяти его родителей: дед Семён в ресторане «Интурист». Возможно вообще единственный раз в жизни — в ресторане. А тут ещё какое-то воплощение названия: на всех столиках стоят маленькие флажки, изображающие государственные флаги Англии, Франции, США, Италии... И вот Славик навсегда запомнил... да он и тогда смотрел на

это как бы уже отсюда, из другого тысячелетия: дед Сеня за одним из этих столиков, только флаг — какой там стоял флажок, Славик не помнил, а так — вот «как сейчас», он как будто это сфотографировал — без камеры, но со вспышкой... как яр в саду с жёлтыми листьями и чёрными догами, как остальные кадры — внутреннего его архива, ставшие картинками, масло-холст, земля-небо-земля... У него не было ни малейшего сомнения, что это было наяву, причём не в Харькове, а в Киеве, где дед был проездом — он ехал после этого дальше к своей сестре в Чернигов, а родители были в Киеве в командировке, может быть вместе, а может и кто-то один из них, но в любом случае — Славика «взяли с собой». И он всё запомнил... Длинный зал, барная стойка — которую он видел впервые, конечно, — как будто повторяющая своей волной изгиб большой реки, светлая полировка, бесконечно длинный эскалатор в метро, путешествие к центру земли... И то, что всё это категорически отрицали потом родители, придавало кадрам в памяти только ещё большую чёткость и одновременно чувство, что ли, множественности миров: вот эти столики с государственными флагами, его дед в соломенной... или не соломенной, но похожей на соломенную — пенсионерской, в общем, шляпе. Его дед — инвалид войны, который вообще никогда не был в ресторане, по крайней мере, после этой самой войны... смотрит на всё вокруг таким взглядом — какого Славик у него никогда не видел... каким он мог бы смотреть и сегодня, наверно, если бы проснулся в новом мире, в капстране, неважно, — проснувшимся взглядом, в общем, поверх всего, понимаете, пространства времени. Родители Славика отрицали самую возможность такого, — кажется, отец тогда снова припомнил Славика, что он говорил, «что его дедушка видел Ленина»...

Ну вот, а потом Славик наш стал тормозить... После быстро пришедшего успеха, после почти «золушкиной» истории: Густав Кройтер — немецкий бизнесмен, живший какое-то время в Харькове и купивший «Эстафету поколений» (с показавшимся ему несколько странно-смешным, но так просто ведь выполнимым — условием: обещанием то есть, что картина никогда не будет называться на немецком — ни на выставках, ни в каталогах, — только на русском и на английском («The Generations Relay-Race»)... «Нет, — подумав, сказал

ему Славик, — и на других языках тоже не надо, только русский и английский...» Так вот, покупатель, которого конечно не отпугнули такие мелочи, продолжил приобретать все работы, подписанные «Сосновский и Волевой». (Нет, не думайте, это было по-своему справедливо, потому что Артём ведь со Славиком делился не только помещением, красками и другими материалами — но и навыками. И хотя очередную картину после этого Славик писал сам на 99%, перманентные уроки — ну, или прерываемые и возобновляемые, но постоянно, — которые давал ему Артём, конечно, играли свою роль, да и многие точки над «і», скажем так, которые делал Артём уже своей кисточкой, играли свою роль, будучи даже и меньше 1% «общей» площади полотна, конечно.)

«Но на 1% из Микеланжело!» — воскликнул Славик как-то в ответ на предложение Артёма пересмотреть их «творческий контракт»... Артём узнал цитату и вообще замахал руками, но настаивать не стал, и они так и остались «соавторами».

Так или иначе — процесс мы не будем подробно описывать. Он достаточно редок, но и не так чтобы уникален — не настолько, чтобы мы его здесь тематизировали, зная (мы лично), как минимум, два подобных случая, когда человек, так сказать, «просыпался художником» (не абстрактным — тех мы знаем больше, и не мастером перформанса и/или т. п.), и даже без всяких «так сказать» — в одном из известных нам случаев, помимо Славика, просто буквально — поутру проснувшись, девушка почувствовала потребность рисовать, как чувствуют голод, да-да, это было даже как-то так страшновато... и началась всемирная карьера и т. д., но мы здесь не называем вообще никаких имён собственных, и все совпадения — случайны, если мы ещё об этом не говорили, то вот — говорим, да... В общем, это слишком известный феномен, чтобы его детально здесь ещё описывать, впадая в ЖЗЛ-занудство... Тем более что всё это продолжалось не так долго.

Интереснее было бы, хотя бы коротко, попытаться понять, почему Славик так быстро оттуда вышел, или, по крайней мере, притормозил, и мы, пожалуй, попробуем... Нет, ну что значит «побоялся сойти с ума», «не дай мне бог...» — у нас тут не история болезни, и не кейс истори, это другой «кейс», не бомжи, а бичи, и вообще, как там пел Галич — «а кто не псих, а вы — не псих?».

Нет, наверно, мы бы так и написали, если бы решили отделаться от этой темы — «не дай нам бог сойти с ума», мол, подумал он — и перестал нырять в темноту с зажатой в руке кистью, или в зубах мастерком... Ну, если хотите, причиной был начавшийся диалог Славика с бытием, да, мы понимаем, что у вас уже от этого слова оскомина... ну зовите это как хотите, и мы не будем долго об этом говорить, хотя бы потому, что у Славика диалог со всем этим — был не более долгий, возможно, и более всего похожий на тот, что случился однажды в снежную вьюгу с Гансом Касторпом, например, ещё не полностью оправившимся от обострения, что ли, своей, а может и всеобщей, хвори... «вельтшмерц» — один за всех и все... немного ещё опрометчиво — вышедшего в открытый Давос, да-да... а вот когда он там стоял в темноте посреди горной метели, на темени Горы, прислонившись к сарайчику, в котором хранят сено, и куда он тоже попытался спрятаться-сохраниться — от вьюги, как соломенный Страшила... но дверь не открылась, конечно, зато — вдруг слетела внутренняя дверь с петель, отъехала другая заслонка... и Касторп увидел бытие как ячейки отдельных вроде бы миров — состояний, это как пена... или как икра — миров — перед ним разметалась тогда за снежной пеленой, за деревянной стенкой, за которой он хотел спрятаться от вьюги, а там его поджидало то, что в нашем пере-сказе уже точно — пурга... А мы, как вы уже могли заметить, и не цитируем по первоисточнику, и не уверены вообще, что там всё это было, но рискнём — не будем пока это стирать... а заодно скажем: в голове Славика это описание — собственно манновское, конечно, а не «Миша по телефону напел...» — как бы даже вспыхнуло, а не просто «вспомнилось», когда в тот же день (какой такой тот же? Ну он всегда один — День, и тут уже точно неважно, и далее — всегда) один известный харьковский художник, с которым Славик познакомился накануне у Артёма, вот именно по телефону — практически повторил мысли, которые пронесли тогда во время вьюги сквозь голову Касторпа, но только, как бы сказать... перенеся ещё больше акцент в них с «перетирания» словесного — слова-слова, «ну да»... на — визуальное, хотя бы и с предшествующим перетиранием... красок, окей... В общем-то ничего нового маэстро ему не сказал тогда, а может, это вообще — самое старое, что было в этом мире, когда

в нём ничего ещё не было, кроме того, кто видит сны, или что... Эх нас заносит, однако, ну да, вьюга-пурга-позёмка, ветер в спину, в этом мире бушующем, а теперь в бок и под дых... Ну так вот: просто услышав это признание из уст бывалого человека — совпавшее с его собственным ощущением накануне, скажем так, тщеты любого изображения, whatever.

Художник Н. признался в тот момент в том числе, как смешны эти усилия — все эти смешивания красок, да, какими они кажутся микроскопическими — усилия — после того, как видел во мраке яркие миры, например, «под калипсолом», выныривать оттуда с каким-то камушком со дна, и с ним носиться после этого, как с писаной торбой... А это — то, чем он и занимается, по сути всю жизнь, даже если это просто стул, скажем, то это — стул из того, другого мира. В общем зовите это как хотите, товарищи товэтовцы... только помните — они с мастером были друг с другом (со Славой) — на «вы», художник ведь был стар и супер-стар, да... что это, если и не никчёмные, то всё равно — жалкие, по сути ничего не значащие «перетаскивания», «игра в уголки», — ничего общего не имеющие с прометеевским огнём, и вообще — с чем-то, что можно назвать «откровением», «разве что можно было бы сравнить результат для печени, зная, сколько пьют художники... но это пошло, знаете...».

Дальше стало ясно, что причины, по которым художник Н. этим продолжает заниматься, банальны: во-первых, что ещё делать прикажете, лучше всё-таки, чем только водку пить... и, во-вторых, — деньги, естественно, чтобы было хотя бы на что покупать эту самую... водку, ну и масло, конечно, и масло... «Как в том анекдоте: ”А по-моему, масло” — только тут наоборот...» Славика в какой-то момент стало скучно это слушать, он из вежливости периодически повторял в трубку «да», хотя в этом не было никакой надобности, — казалось, художник точно так же старчески брюзжал бы и при отсутствии слушателя, слышно было вполне отчётливо, что он как минимум алкоголизирован... И Славик никогда бы не подумал, что на него это вообще окажет влияние, но это срезонировало как-то... как слабенький электрический сигнал в прежних телефонах — с угольным порошком, но только тут — с чёрными... кирпичиками-угольками в нём самом, т. е. чуть дальше от трубки — с составляющими ночи, в

которой он проснулся, можно сказать, живописцем — и электрическим самописцем, ну да... и которую он начал было уже так храбро осваивать, вооружившись штапелем и факелом... и не то чтобы там начинался обвал — пока ещё нет, но что-то такое он почувствовал — метан, или просто угрозу, что вот сейчас вся эта чёрная масса, если не взорвётся, то придёт в движение, и тогда...

Мы упрощаем, ну конечно, мы прекратим это сейчас делать, ведь причин, по которым Славик отложил в сторону кисти — почти синхронно, надо сказать, с нами... то есть мы вот-вот тоже отложим, в свою очередь, — ручку, ещё два-три штриха, правда... Так вот, причин у Славика было намного больше, чем мы назвали, но одну мы попытались в самых общих чертах всё-таки вам объяснить, ну, как могли.

В общем, к моменту завершения нашей истории Славик-Славик сидел в мастерской Артёма Волевого скорее уже просто как гость-старый приятель — прошло уже больше двух лет (снова была перемотка, и если вы, что маловероятно, оказались терпеливее, чем мы, и хотели бы слушать всё подряд, ну тогда — сорри) — как он не написал ни одной картины, что будет дальше — неизвестно, мы пишем только то, что видим: скорее уже бывшие — соавторы — сидят совсем недалеко от Рождества и от Планетария, т. е. как бы и на Рымарской, но не совсем, а в одном из этих проходных и кажущихся навесными — как мостики или мостки над тёмной рекой, или как вагоны какого-то застрявшего на запасных путях деревянного поезда — в одном из дворишков, благодаря этим их мансардам, идущим такой волной по пространству города... Мы с вами видим, что на улице горят костры из ёлок, или елей, по крайней мере один такой большой костёр мы наблюдаем сейчас как раз недалеко от того дома, где как бы на дорожку — сейчас-сейчас мы его отпустим... насовсем, как он сам в детстве выпускал щегла из клетки — по весне... но пока что он там ещё сидит — наш герой, наш человек, не во дворе, конечно, и не у костра, да и костёр там — не во дворе, — мансарда деревянная и вообще похожа на сложенные дрова, в темноте только прикидывающиеся мансардой с мезонином — ну как живые деревья в лесу в темноте могут прикинуться... вообще чем душе угодно, правда же... Внутри пахнет красками и лаками — и это всё тоже, кстати, огнеопасно вполне, лакокрасочные материалы, хорошо, что

этакий костёрище разожгли не во дворе, а на каменной мостовой... Совсем недалеко отсюда тот дворик, где когда-то стояли десятки бюстов Ленина, рядами, на земле и на деревянных полках-полатях, как на нарах, с тонкими молодыми месяцами на лысынах — отблесками полной луны, но теперь их там уже нет, «разошлись» и без ножек, и не на обелиски, а... как инвалиды раньше на этих досках с колёсиками, разъехались в темноту, и слава богу, что вы их (если) не помните, этот вид инвалидов войны, эти половинки, но не в сладко-греческом смысле, а в сурово-прямом — это тело без ног на доске с колёсиками, а в руках у этих «кентавров» из не такого далёкого, впрочем, ещё прошлого были такие... деревянные кирпичи-утюги, которыми они отталкивались от земли...

Так вот, штук десять бюстов Ленина купил по дешёвке товарищ Артём Волевой, да, который в первую голову харьковский живописец, конечно, но иногда делает и скульптуры, если не ленится, «если родина скажет», так он тогда сам говорит (например, ещё в застойное время он прославился тем, что, как тогда говорили, «посадил Дзержинского», ну т. е. изваял едва ли не единственный в стране памятник Феликса-сидящего... Да, и вот «ленинов» он прикупил в такую свою фазу, ну как материал для ваiania... Поверх то есть — используя их как такие шаблоны, «орден темплейтов», он тогда сделал дюжину довольно живых... «экспрессивных», во всяком случае, про такое говорят — гипсовых работ, назвав их все вместе — «А куда я дену мысли?» (№ 1, 2...10) — цитата из анекдота, кстати, который если вы не знаете, то и слава богу, не обязательно всё знать и пересказывать не обязательно, мы округляемся, и каждое слово и так уже кажется лишним, а при желании теперь всё можно погуглить... Ну вот, мы не знаем, как это место выглядит теперь, но нам это и не нужно, — как мы уже сказали: где-то в переулочке, почти перпендикулярном Рымарской, — если можно его так назвать, а не просто закоулком — «это что у нас тут, проходной двор?» — вот он самый и есть, да... Где-то там — неподалёку от Планетария в пространстве, а во времени — от Рождества... мы их и оставим пить глинтвейн с корицей, кажется, и немного гвоздикой пахнет к тому же, не говоря о запахе красок и дыма — отчего кажется, что за окном осень, а на самом-то деле январь,

но снега нет совсем, разве что где-то в лесопарке, если проехать достаточно на «двойке», увидишь белые пятна... Ага, у них там и ёлка ещё стоит, позже они подбросят её в костёр, возможно, но пока она блестит в комнате дождиком, как бы отражающим заоконный, а ваты на ней нет — как и снега, и два-три шара... и, кстати, раз ёлки жгут, это, скорее всего, уже даже не старый новый, но ещё и не 8 марта... Да мы и сами не знаем, зачем нам так точно определять время — может, чтобы не уточнять пространство по GPS, а может, просто топчемся на пороге... но всё-всё, мы теперь уже в комнате, там же, где и наш герой, наш человек, наконец-то... Звучит King Creamson — «Talk, it's only talk...», — причём тихо, как и должна звучать эта композиция — фоном в уголке мастерской, где пахнет дымом, и старая магнитола Артёма тихонько поблёскивает в углу... И вот к ним заходит Слепой.

«Слепой» — это кличка, как Безымянный, к примеру, но благодаря ей он теперь вот именно не безымянный, и не Малой, который тоже мог бы быть с ним, и его, в отличие от Слепого, Славик знал-помнил, ещё по Бухте Любви, ходил там такой... с такой флягой вдоль берега, полной «молока» — такого же цвета, как чехол той армейской фляги, и всем предлагал, и в посёлке... но его нет, а есть — один только Слепой, и он заходит к Артёму, собственной персоной, ну да... Наверно, это единственный человек в нашем жизнеописании, которого мы не переименовали, знаете... Конечно, не потому что он с тех пор умер — совсем молодым... Просто раз уж слово в самом конце нашего странного произведения мы почему-то сейчас решили дать именно ему, то это имя — Слепой — кличка, ну да, мы поняли вдруг: звучит так, что её нельзя изменить, мы пробовали — не получилось... ну вот никак, т. е. это как «из песни слов...», так что: к ним заходит вот именно Слепой, да.

Сначала в окне показывается подвижный огонь — факел — горящая еловая ветка, которую Слепой выдернул из костра, проходя по Рымарской... Дав Артёму таким образом знать, что он пришёл, Слепой обменивается с Артёмом несколькими словами — тот ненадолго открывает окно, а потом уже Слепой идёт в подъезд, чтобы зайти в мастерскую — через дверь, войти, как полагается... И пока он проделывает этот короткий достаточно путь по скрипящей лесенке

и коридору мансарды, Артём успеваает рассказать Славику кое-что о Слепом — «Ну как же, это известный персонаж в нашем городе... Да, но где же он?».

А он за дверью, кажется, слушает, что о нём говорят...

Или нет — открыв дверь, Артём видит, что Слепой подошёл к окну коридора мансарды и смотрит в ту сторону, где горит костёр из елей...

Слепой входит в комнату и жмёт руку Славика — высокий и крепкий парень, с виду без каких-то признаков ебаньковства... или декаданса — так будет всё-таки точнее, и нет, он не такой, как Славик его представил по рассказу Артёма, он выглядит с первого взгляда — братком, но если присмотреться, то в стальных его глазах немного другой оттенок, отблеск.

И вот сидят и пьют глинтвейн, о чём-то тихо говорят, костеря политиков, всё такое... и мы снова немного перемотали втихую — а всё равно в уголке звучит Кинг Кримсон, по-прежнему то есть, тот же концерт, не то чтобы он нам не нравился — It's only talk, ну да, взаимно... Слепой, глядя на огромную копию — Артём, то ли для себя (ну т. е. «для нас»), то ли для другого немца — гипотетического, или там американца... увеличил «Эстафету» ещё больше: два на полтора, что ли, метра, Слепой вдруг встаёт и говорит, глядя на картину:

— ...это похоже на то, что я видел на Мангупе... знаешь, где пещеры... Я там недавно совсем был, один... Впервые такое там застал — никого, представь, ни души, ни в одной из трёх... пещер, только чей-то сундук там стоял.

— Сундук, — смеётся, удивляясь, Артём. — И шо там?

— Да не, пустой. Совсем пустой сундук такой, прикинь. Кто-то оставил... типа чемодана, но огромный такой... пришёл на Мангуп со своим, можно сказать, комодом... И ушёл... И никого, пустые — все три зала... Я потом уже узнал, что там перед этим что-то стряслось... Кто-то кого-то грохнул, что ли, наркота, передозис, ну не суть... Ну и кто-то из разбежавшихся во все стороны хипарей об этом успел, наверно, со страху доложить куда надо... Но я ж ничего не знал — я смотрю, никого, все почему-то уехали, вообще ни одного человека... Но так как уже поднялся, то ночевать решил там, а поскольку я с детства страх как боюсь кажанов...

— Да там, вроде их и нет, — прервал его Артём. — Я не видел.

— Не заметил. Были, во всяком случае, что-то там трепыхалось, в темноте крылья, ну я не знаю... А там кто-то оставил сундук, но это я уже сказал... Вот, представьте, что-то среднее между древним чемоданом — коричневым, с железным кантом, заклёпки, замки... и настоящим сундуком... да нет, скорее это был вот именно что сундук — типа комода, в чемодан бы я точно не поместился так, чтобы и крышка закрылась.

— А ты что, туда залез? — рассмеялся теперь уже Славик-Славик, представив себе эту картину.

— Ну так я ж говорю, я боялся, что когда усну, твари выпьют кровь.

— Враньё... Это только в Латинской Америке, да и то — один вид, «пиры» называются, — сказал Артём. — Я точно тебе могу сказать, потому что иллюстрировал такую книгу, где они были...

— Ну а мне никто не объяснял, что кажаны кровь не пьют... Да я всё равно бы боялся — дед мне рассказывал, что они могут в волосы забраться, на голову если сядут, и потом не выпутаешь оттуда эту тварь, с ним такое было, пришлось стричься под ноль, а я бы вообще со страху помер... Так что даже если кровь не пьют — мозг едят...

— Есть такой анекдот про Чапаева, — сказал Артём.

— Да знаю я все твои анекдоты про Чапаева... В общем, я залез в комод, лежу себе там, тихо так, прохожу процесс типа аккомодации, космос... Да, там дырки такие в нём были — как от пуль, а может, и «почему как», там же что-то стряслось... или мыши прогрызли, но не летучие... и сквозь дырки звёзды видны.

— Ну ладно, мыши... Но какие же звёзды, если ты в пещере? — сказал Славик.

— Ты там не был?

— Нет.

— Это странные пещеры, — сказал Артём. — Они только так называются, скорее это комнаты, ну кельи такие с окнами, это же крепость была, я потом тебе нарисую или покажу в Сети, пусть Слепой доскажет.

— Ну вот, лежу в сундуке, считаю, чтоб уснуть, вижу закрытыми глазами наскальную живопись... и так лежу там без сна, как

говорится, целую вечность... Мангуп-Кале, тишина, космос... и вдруг шаги... и не просто шаги, а топот, блядь, и явно что — сапоги, и очень много — сапог, я же слышу... И тут у меня измена... типа: вот оно, значит, войско... это ж древняя крепость осаждённая... Турки пришли?.. Караимы?.. И вдруг — крышка надо мной — бах — открывается резко... И почему-то уже светло... долежался, думаю, до зари... Возле сундука ОМОНовцы, стволы на меня... Вы бы видели их лица... Немая сцена... И один шёпотом: «Что ты здесь делаешь?» — «Ховаюсь», — говорю.

21.11.2013, Мюнхен

СОДЕРЖАНИЕ

Wunderblock.....	5
Глава 1. Аналоговые машины.....	11
Глава 2. Машинальные аналогии.....	37
Глава 3. Дыхание локомотива.....	62
Глава 4. Друг природы.....	92
Глава 5. Смысл существования.....	137
Глава 6. Эстафета поколений.....	175

Александр Мильштейн
АНАЛОГОВЫЕ МАШИНЫ

Директор издательства — Т. Ретивов
Редактор — Н. Черненко
Дизайн обложки — С. Пионтковский
Иллюстрации и рисунок на обложке — А. Мильштейн
Оригинал-макет — Н. Шемет

ИД№ 5016 от 24.11.2015 г.
Издательство «ФОП Ретіов Тетяна»
01001, г. Киев,
ул. Малая Житомирская 8, оф. 3
Тел. (+38) 096-53-85-115

Отдел продаж
Kayala@ukr.net

Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 14,4 Подписано в печать 01.02.2018
Заказ №

Виготовлено у ФОП В. Є. Гудзинський
Україна, 61072, м. Харків, вул. 23-го Серпня, 27.
+ 38 (057)340-52-26, for_veg@ukr.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ХК № 269 від 23.11.2010

Александр Мильштейн родился в 1963 году в Харькове. В 1985 окончил механико-математический факультет ХНУ, с 1995 года живёт в Мюнхене. в 2002 году вышла первая книга: сборник рассказов «Школа кибернетики» (Москва, ОЛМА-пресс), за ней последовали ещё шесть: романы и сборники повестей. Книга «Параллельная акция» получила в 2015 году «Русскую премию» в номинации «Крупная проза» и в том же году вошла в шорт-лист премии «НОС». Картины Александра Мильштейна с 2013 года начали экспонироваться в сольных и совместных выставках, прошедших с тех пор в Мюнхене, Киеве, Львове и Вроцлаве. Книга «Пятиполь», вышедшая в 2017 году в Киеве в издательстве «32Vozdvi-zhenka ARTS HOUSE» стала первой книгой, проиллюстрированной самим автором.